

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ
ПО РУССКОЙ
ГРАММАТИКѢ.

—
I
В В Е Д Е Н И Е.

СОСТАВИЛЪ

А. Потебня.

~~~~~ { Перепечатано изъ «Филологическихъ Записокъ». } ~~~~

ВОРОЖЖЬ.
Въ типографіи Н. Д. Гольдштейнъ.
1874.

Дозволено Цензурой. Москва, 4 Февраля 1874 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
I. Что такое слово	1 ✓
II. Представление и значение	6 ✓
III. Различные понятия о корне слова	12 ✓
IV. Грамматическая форма	34 ✓
V. По чемъ узнается присутствие этой формы въ данномъ словѣ	39
VI. Формы этимологическая и синтаксическая .	49
VII. Создание и разрушение грамматическихъ формъ	60 ✓
VIII. Грамматика и логика	79 ✓
IX. Трудности при определении предложенийъ и его членовъ	83
X. Члены предложения и части рѣчи	100

Введение.

I.

Что такое слово? Определение отдельного слова, какъ единства членораздѣльного звука и значенія, находится, по видамому, въ противорѣчіи съ обычнымъ утвержденіемъ, что «одно и тоже слово не только въ различныя времена или по различнымъ нарѣчіямъ одного и того же языка», но и въ одномъ и томъ же нарѣчіи въ опредѣльный періодъ «имѣеть различныя значения» (Буслаевъ. Гр. § 112).

Говоря такъ, мы представляемъ слово независимъ отъ его значеній, т. е. подъ словомъ разумѣемъ лишь звукъ, при чмъ единство звука и значенія будетъ не болѣе единства дупла и птицы, которыя въ немъ гнѣздятся. Между тѣмъ членораздѣльного звука безъ значенія мы не называемъ словомъ. Такой звукъ есть искусственный фонетический препаратъ, а не слово.

Для разъясненія этого и подобныхъ недоумѣній полезно имѣть передъ глазами хоть небольшой отрывокъ исторіи слова. Вотъ напр. что мы знаемъ о словѣ верста. Прежде всего оно не заимствовано ни изъ Готскаго, гдѣ rasta, milliare (Срезневскій. Мысли объ ист. Рус. яз. 137), ни откуда бы ни было. Далѣе оно не имѣетъ ничего общаго со взятымъ изъ Нѣмец. верстать (сущ. ж.), верстакъ, Польск. warsztat, Лит. warksztatas. При немъ стоитъ верс—тва, не смотря на различие въ суффиксахъ, не представляющее замѣтныхъ отличий въ значеніяхъ. Передъ сущ. та и тва с—изъ т, что дѣлаетъ возможнымъ средство съ вертѣть. Что это средство дѣйствительно существуетъ, въ этомъ убѣждаетъ сравненіе съ Литовскимъ и Латинскимъ. Литов. wars—ta—s (м. р.)

собственно поворотъ (плуга), длина борозды, проведши которую плугъ поворачивають, мѣра разстоянія, ein Pfluggewende, мѣра поля; ит. warsmas, warsnas, warsnis, id; s, по всей вѣроятности, не прямо изъ t передъ m, n (Schl. Lit. Gr. § 23, 5), а изъ ss, которое изъ ts, такъ что суффиксы здѣсь—sma, sna, sni. Лит. warsna (ж. р. суп.—sna) во мн. ч. das gewende, въ един. warsna raszto, отмѣль (писанія), параграфъ. Латин. versus (буквально—Литов. warstas, съ тою разницею, чо tt въ Латин.=s, какъ въ versum (t—tum), tonsum (d—tum), поворотъ, заворотъ, въ частности заворотъ плуга на концѣ пивы (=versura), откуда—борозда, мѣра разстоянія, а затѣмъ полевая квадратная мѣра (какъ Чешск. hony, Рус. Польск. загонъ, zagon (поля); по сходству съ бороздою—стихъ, строка. Сравненіе оранья (и сѣянья) съ писаньемъ весьма распространено: Ср. Греч. βοστροφηδόν и загадки: Лит. kurš, kytras gimes, su žasele arie? rasztininks sù plunksna (Schl. Leseb. 64), кто, хитрымъ (мудрымъ) родившись, гусью оретъ? писарь первомъ; Бр. білое поле, гусь на нем оре, мудрый го сіе (Номисъ 303); мудрый мудрецъ гуссю ореть (ib); Бр. «ятеро пашутъ»=рука пишеть (Даль 449). Такимъ-же образомъ и въ верста находимъ слѣдующія значенія:

а) Изъ предполагаемаго «поворотъ плуга»—борозда, сохраненное въ Сербскомъ (врста).

б) Обыкновенная, впрочемъ различная въ разныхъ мѣстахъ длина борозды становится путевою мѣрою, (напр. Новг. лѣт. I, 14 полъ 1168. воротишаяся отъ города за 30 верстъ; Ип. лѣт. 93, 94, 106, и др.). Безъ сомнѣнія, мѣра эта сначала была значительно меныше восьмисотной и пятисотной версты. Ср. Бр. гбны, разстояніе, какое лошадь въ сохѣ проходить не поворачивая назадъ; длина пашенной полосы; гряды въ полѣ, служащая межою; мѣра длины, близкая къ длине загона, нивы, отъ 7 саженъ до полуверсты и версты; Бр. гбни—длина лана, около 80 саженей; Чешск. hony —длина въ 125 шаговъ, затѣмъ—jitro (утро, упомѣдъ), jugerum, gewende, $\frac{1}{3}$ дня поля.

Поттъ (Zeitschr. f. vergl. Spr. VIII, 21) предполагаетъ, что въ основаніи Русс. верста въ этомъ значеніи лежитъ представлениe равныхъ пространствъ, обозначаемыхъ столбами (durch die Wiederkehr eines Pfables), т. е. онъ видитъ связь этого слова съ корнемъ *варт* въ возврашении столбовъ, по тѣмъ не менѣе указываетъ на сходство съ *versus*, въ коемъ ничего подобнаго не находится. Значеніе мѣры пути въ верста, конечно, древнѣе того времени, когда стали ставиться верстовые столбы.

в) Рус. верста, верзило, высокорослый человѣкъ (презрительн.)—не отъ значенія «верстовой столбъ», а отъ мѣры пути. Дорога загадывается такъ: довга Гася (лежить Гася) простяглася, а якъ устане, до неба достане (Mp.); Лит. kad atsitesti, dangi paresti; kad rankas turéti, wagì sugauti, еслибъ всталъ (путь, келиес м. р.) до неба бѣ досталъ, еслибъ руки имѣлъ, вора бѣ поймалъ.

г) Русск. верста, верстовой столбъ, по такому же переходу мысли, по какому гоны получаетъ значеніе версты, какъ предѣла нивы.

д) Отъ значенія борозды, какъ прямой, длинной, —верста, рядъ предметовъ по прямой линіи, напр. кирпичей въ стѣнѣ, камней въ мостовой; отсюда же В.-луж. *worszta*, слой сноповъ въ клунѣ, Поль. *warsta*, *warstwa*, Чеш. *vrstva*, *vrstev*, слой, Хорут. *versta*, рядъ вообще, въ томъ числѣ и строка, по *vrsti*, по ряду, рядами, по порядку; *jedno-, dvoj-, troj-, kelikovrst*, въ одинъ, въ два, въ сколько рядовъ, *simplex*, *duplex* etc.; отсюда Хорут. Серб. разрядъ, классъ, сословіе, Серб. врстан човјекъ, порядочный, почтенный, Серб. врстati се, становить въ рядъ. Со значеніемъ ряда ср. Литов. *eile*, борозда, строка, стихъ, слой, степень родства, рядъ, боевой строй, порядокъ. Ближайшая форма корня—*il* изъ предполагаемаго *ig*, а это изъ *ag* или въ значеніи орать (Лит. *artì* и сродное съ именемъ *irti*, *remigare*), или съ значеніемъ ити (Санскр. ар со специальными временами отъ архъ). Въ послѣднемъ случаѣ ср. Греч. *stoixos*, рядъ, линія, порядокъ, боевой строй, стихъ, при *steixw*, иду,

Санск. *стиг्ह*, *ascendere*, Гот. *staiga*, Слав. стъзя и пр. (Curt. Grundz. I, № 177).

е) Отъ значенія борозды, какъ идущей рядомъ съ другою и равной съ нею Ст. Рус. и Ст. Сл. върста, връста и соврем. Бр. верста, пара, ровня: «божественная и свѣтозарная върста Борисе и Глѣбе» (до 1163 года, Срезн. Нам. Рус. п.; тамъ же «Борисе и Глѣбе мученка святая и супруга» (пара, какъ пара воловъ въ ярмѣ). Отсюда Бр. верстать, равнять.

ж) Отъ значения версты, какъ длины (пройденной), согласно съ обычнымъ представлениемъ времени пространствомъ и жизни — путемъ, идетъ Ст. Рус. и Ст. Сл. върста, върста, возрастъ («отъ млады върсты», «юнь върстою»). Сверстникъ (Срб. врсник) — идущій одну версту съ другимъ, однодѣтъ и въ этомъ смыслѣ ровня, и какъ жена, мужъ называются ровчю, такъ въ слѣдующемъ съвѣрстница, жена: «мужи плакахуся съвѣрстницъ своихъ» (Ип. л. 200).

Изъ этихъ значеній не менѣе 3—4 живетъ въ одно время въ Русскомъ языкѣ, въ какихъ бы тѣсныхъ предѣлахъ мы его ни понимали. Совершенно случайно, что они не сохранились всѣ.

Итакъ слово върста, по видимому, многознаменательно; но таково оно лишь въ томъ видѣ, въ какомъ является въ словарѣ. Между тѣмъ действительная жизнь его и всякаго слова совершается въ рѣчи. Говоря «пять върстъ» я разумѣю подъ «върстъ» не рядъ, не возрастъ и пр., а только мѣру разстоянія. Слово въ рѣчи каждый разъ соотвѣтствуетъ одному акту мысли, а не нѣсколькимъ, т. е. каждый разъ, какъ произносится, или понимается, имѣть не болѣе одного значенія. Сравнивая отдельный актъ рѣчи «пять върстъ», «отъ млады върсты» и т. п. и отвлекая общее, находимое въ этихъ актахъ, мы должны считать это общее лишь сокращеніемъ, а не неизмѣнно субстанціей, окруженнюю измѣнчивыми признаками. Въ действительности не только **верста=500 саженей** есть слово отдельное и отличное отъ **верста=возрастъ**, **верста=пара**, но и **верста**

въ одномъ изъ этихъ значеній есть иное слово, чѣмъ версты, верстѣ и т. д. въ томъ же лексическомъ значеніи, т. е. малѣйшее измѣненіе въ значеніи слова дѣлаетъ его другимъ словомъ. Такимъ образомъ, пользуясь выраженіемъ «многозначность слова», какъ множествомъ другихъ не точныхъ выражений, мы сдѣляемъ это выраженіе безвреднымъ для точности мысли, если будемъ знать, что на дѣлѣ есть только однозвучность различныхъ словъ, то есть то свойство, что различные слова могутъ имѣть один и тѣ же звуки. Однозвучность эта частію оправдывается единствомъ происхожденія словъ, частію же происходитъ отъ уравнивающаго дѣйствія звуковыхъ стремлений языка, въ общемъ имѣющаго психологическое основаніе, но независимаго отъ особенности значенія слова. Напр. роль мѣстами производится какъ ротъ, не въ силу своего значенія, а потому что всякая звучная на концѣ превращается въ отзвучную; Нѣм. Bratpfanne превратилось въ Русс. противъ не потому, что сковорода чѣмъ либо напоминаетъ вѣшь противную другой, т. е. соответствующую или равную ей, а потому что нѣм. слово своими звуками напомнило русское. Случаи, которые нѣмецкими учеными называются «Folksetymologie», именно, когда чужое или хотя и свое, но этимологически неясное слово ошибочно сближается народомъ, не только по звукамъ, но и по значенію, со словомъ яснымъ, занимаютъ какъ бы середину между чисто-фонетическою нивелляціей словъ и словопроизводствомъ, приближаясь то къ первой, то къ послѣднему.

Останавливаясь на генетической связи однозвучныхъ словъ, мы видимъ, что слова эти относятся другъ къ другу, какъ предыдущія и послѣдующія. Безъ первыхъ не были бы возможны послѣднія. Обыкновенно это называютъ развитіемъ значеній слова изъ одного основнаго значенія, но, согласно съ сказаннымъ выше, собственно это можно назвать только появленіемъ цѣлаго слова, т. е. соединенія членораздѣльного звука и одно-го значенія, изъ предыдущаго.

II.

Представление и значение.

Когда мы говоримъ, что А значитъ, или означаетъ Б, напр. когда видя издали дымъ заключаемъ: значитъ тамъ горить огонь; то мы познаемъ Б посредствомъ А. А есть знакъ Б, Б есть означаемое этимъ знакомъ, или его значение. Знакъ важенъ для насъ не самъ по себѣ, а потому, что, будучи доступнѣе означаемаго, служитъ средствомъ приблизить къ себѣ это посѣднее, которое и есть настоящая цѣль нашей мысли. Означаемое есть всегда нѣчто отдаленное, скрытое, трудно-познаваемое сравнительно со знакомъ.

Понятно, что функции знака и значенія не разъ на-
всегда связаны съ извѣстными сочетаніями воспріятій,
и что бывшее прежде значеніемъ въ свою очередь ста-
новится знакомъ другаго значенія.

Въ словѣ тоже совершаются актъ познанія. Оно зна-
читъ нѣчто, т. е. кроме значенія должно имѣть и знакъ.
Хотя для слова звукъ такъ необходимъ, что безъ него
смыслъ слова быль бы для насъ недоступенъ, но онъ
указываетъ на значеніе не самъ по себѣ, а потому, что
прежде имѣлъ другое значеніе. Звукъ верста означаетъ
мѣру долготы, потому что прежде означалъ борозду; онъ
значить «борозда», потому что прежде значилъ «поворотъ
плуга» и такъ далѣе до тѣхъ поръ, пока не остановимъ-
ся на малодоступныхъ изслѣдованию зачаткахъ слова.
Поэтому звукъ въ словѣ не есть знакъ, а лишь оболоч-
ка, или форма знака. Если угодно, это знакъ знака,
такъ что въ словѣ не два элемента, какъ можно заклю-
чить изъ вышеприведенного опредѣленія слова, какъ
единства звука и значенія, а три

Для знака въ данномъ словѣ необходимо значеніе предъидущаго слова, но знакъ не тожественъ съ этимъ

значеніемъ; иначе данное слово сверхъ своего значенія заключало бы и вся предыдущія значенія.

Я указываю начинающему говорить ребенку на круглый матовый колпакъ лампы и спрашиваю: «что это такое? Ребенокъ много разъ видаль эту вещь, но не обращалъ на нее вниманія. Онъ ея не знаетъ, такъ какъ сами по себѣ слѣды впечатлѣній не составляютъ знанія. Я хочу не столько того, чтобы онъ дополнилъ впечатлѣнія новыми, сколько того, чтобы онъ объединилъ прежнія и привелъ ихъ въ связь съ своимъ запасомъ сознаніи и приведенныхъ въ порядокъ впечатлѣній. На мой вопросъ онъ отвѣчаетъ: «арбузикъ». Тутъ произошло познаніе посредствомъ наименования, которое въ тоже время есть сравненіе познаваемаго съ прежде познаннымъ. Смыслъ отвѣта таковъ: то, что я вижу, сходно съ арбузомъ.

Назвавши бѣлый стеклянныи шаръ арбузомъ, ребенокъ не думалъ приписывать этому шару зеленои цвѣта коры, красной сердки съ такимъ то узоромъ жилокъ, сладкаго вкуса, между тѣмъ какъ подъ арбузомъ въ смыслѣ плода онъ разумѣлъ и эти признаки. Изъ значенія прежняго слова въ новое вошелъ только одинъ признакъ, именно шаровидность. Этотъ признакъ и есть знакъ значенія новаго слова. Здѣсь мы можемъ назвать знакъ и иначе: онъ есть общее между двумя сравниваемыми сложными мысленными единицами, или основаніе сравненія, *tertium comparationis* въ словѣ.

Такъ и въ прежде приведенныхъ примѣрахъ: кто говорить «верста» въ значеніи ли опредѣленной мѣры длины, или въ значеніи ряда, или пары, тотъ не думаетъ въ это время о бороздѣ *in extenso*, а беретъ изъ этого зданія каждый разъ лишь по одному признаку: длину, прямизну, паралельность. Одно значеніе слова, вслѣдствіе своей сложности, можетъ послужить источникомъ нѣсколькимъ знакамъ, т. е. нѣсколькимъ другимъ словамъ. Итакъ знакъ, по отношенію къ зданію предыдущаго слова, есть лишь указаніе, отношеніе къ этому значенію, а не воспроизведеніе его. Согласно съ этимъ не слѣдуетъ

смѣшивать знака въ словѣ съ тѣмъ, что обыкновенно называютъ собственнымъ значеніемъ слова, противопоставляемымъ значенію переносному. *). Собственное значеніе слова есть въсе значение предыдущаго слова по отношенію къ послѣдующему, а гдѣ не требуется особенной точности—даже совокупность нѣсколькихъ предыдущихъ значеній по отношенію къ нѣсколькимъ послѣдующимъ. Напр. можно сказать, что бѣлый, *albus*, *lucidus*, есть собственное по отношенію къ бѣлый, добрый, прекрасный, милый (какъ отчасти въ Русскомъ, а особенно въ Лит. *balts*). Въ томъ, что мы относительно называемъ собственнымъ и что въ свою очередь есть переносное по отношенію къ своему предшествующему, можетъ быть нѣсколько признаковъ, между тѣмъ какъ въ знакѣ только одинъ. Бѣлый, *albus*, есть въ равной мѣрѣ собственное по отношенію къ бѣлый, вольный, и къ бѣлый, добрый, но знаки во второмъ и третьемъ словѣ (иначе: основанія сравненій съ первыми) различны. Такъ какъ мы въ данномъ словѣ, разсматриваемомъ какъ дѣйствительное явленіе, находимъ всегда только одно значеніе, то не примѣняясь къ принятой терминологіи, а видоизменяя ее по-своему, мы не можемъ говорить ни о собственномъ, ни о переносномъ значеніи слова: предыдущее значеніе есть для нась значеніе не того слова, которое разсматриваемъ, а другаго. Каждое значеніе слова есть собственное, и въ тоже время каждое, въ предѣлахъ пашего наблюденія,—произведенное, хотя бы то, отъ котораго произведено, и было намъ неизвѣстно.

И съ другой стороны, по отношенію къ значенію послѣдующаго слова, знакъ есть только указаніе. Опъ только намекаетъ на это значеніе, даетъ возможность въ случаѣ надобности остановиться на немъ и постепен-

*) «Междудь многими значеніями одного и того же слова отличаемъ такое, которое по нашимъ понятіямъ кажется намъ собственнымъ, а остальные переносными; напр въ бѣлый значеніе цвѣта называемъ собственнымъ (напр. бѣлая бумага), а значеніе свѣта переноснымъ (напр. бѣлый день, бѣлый свѣтъ)» Буслаевъ. Гр. § 143.

по привести его въ сознаніе, но позволяетъ и не останавливаться.

Знакъ въ словѣ есть необходимая между прочимъ для быстроты мысли замѣна соотвѣтствующаго образа или понятія; онъ есть представитель того или другого въ текущихъ дѣлахъ мысли, а потому называется представлениемъ. Этого значенія слова представлениѳ, значенія имѣющаго особенную важность для языкоznанія и чуть ли не наблюденію надъ языккомъ обязаннаго своимъ происхожденiemъ, не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ, болѣе извѣстнымъ и менѣе опредѣленнымъ, по которому представлениѳ тоже что воспріятіе или чувствственный образъ, во всякомъ случаѣ—совокупность признаковъ. Въ такомъ значеніи употребляеть слово представлениѳ въ г. Буслаевъ: «отдѣльнымъ словомъ означаются представления и понятія» (Грам. § 106). Въ томъ же смыслѣ, въ какомъ мы принимаемъ это слово, согласно со Штейнталемъ (*Vorstellung*) и другими, представлениѳ не можетъ быть означаемымъ: оно только означающѣе.

Представлениѳ, какъ тождественное съ основаниемъ сравненія въ словѣ, или знакомъ, составляетъ непремѣнную стихію возникающаго слова; но для дальнѣйшей жизни слова оно не необходимо. Какъ извѣстно, есть много словъ, связь коихъ съ предѣдущими не только не чувствуется говорящимъ, но неизвѣстна и наукѣ. Почему напр. рыба названа рыбой, или иначе: какъ представляется рыба въ этомъ словѣ? Значеніе здѣсь непосредственно примыкаетъ къ звуку, такъ что кажется, будто связь между ними произвольна. Штейнтайль говоритъ, что представлениѳ здѣсь есть, но оно совершенно пусто (бессодержательно) и дѣйствуетъ, какъ нуль въ обозначеніи величинъ арабскими цифрами: разница между 3. 30. 0,3 зависитъ отъ пустаго мѣста при 3, обозначаемаго цулемъ (Gram. Log. u. Psychol. 334). Кажется однако, что такимъ образомъ лишь напрасно затемняется значеніе термина «представлениѳ». Въ словѣ рыба содержаніе не представляется никакъ, а потому пред-

ставлениі въ немъ вовсе неѣтъ, оно потеряно. Значеніе имѣетъ здѣсь только виѣшній знакъ—звукъ. Этимъ однако не изгладилась разница между этимъ словомъ и соотвѣтственнымъ словомъ другаго языка, напр. *piscis*, или Литов. *žuvis*. Разница между ними съ самаго начала состояла, кромѣ звука, не въ одномъ знакѣ, или представлениі; но и въ количествѣ и качествѣ предикатовъ, вещественнымъ средоточиемъ коихъ служило представлениe. Эта послѣдняя разница осталась и послѣ того, какъ представлениe исчезло, если угодно, превратилось въ математическую точку.

Что такое «значеніе слова»? Очевидно, что языкоznаніе, не уклоняясь отъ достижениe своихъ цѣлей, рассматриваетъ значеніе словъ только до извѣстнаго предѣла. Такъ какъ говорится о всевозможныхъ вещахъ, то безъ упомянутаго ограниченія языкоznаніе заключало бы въ себѣ, кромѣ своего неоспоримаго содержанія, о которомъ не судить никакая другая наука, еще содержаніе всѣхъ прочихъ наукъ. Напр. говоря о значеніи слова дерево, мы должны бы перейти въ область ботаники, а по поводу слова причина или причиннаго союза —трактовать о причинности въ мірѣ. Но дѣло въ томъ, что подъ значеніемъ слова вообще разумѣются двѣ различныя вещи, изъ коихъ одну, подлежащую вѣдѣнію языкоznанія, назовемъ ближайшимъ, другую, составляющую предметъ другихъ наукъ,—далѣнѣйшимъ значеніемъ слова. Только одно ближайшее значеніе составляетъ дѣйствительное содержаніе мысли во время произнесенія слова. Когда я говорю «сижу за столомъ», я не имѣю въ мысли совокупности раздѣльныхъ признаковъ сидѣнья, стола, пространственнаго отношенія за и пр. Такая совокупность, или понятіе, можетъ быть передумана лишь въ теченіе ряда мгновеній, посредствомъ ряда умственныхъ усилий и для выраженія своего потребуетъ многихъ словъ. Я не имѣю при этомъ въ мысли и живого образа себя въ сидячемъ положеніи и стола, образа, подобнаго тому, какой мы получаемъ напр. когда закрывши глаза стараемся мысленно изобразить себѣ черты зна-

комаго лица. Не смотря на такое отсутствіе во мнѣ полноты содержанія, свойственной понятію и образу, рѣчь моя понятна, потому что въ ней есть опредѣленіе мысли въ мысли, гдѣ искать этой полноты, опредѣленіе достаточно точное для того, чтобы не смѣшать искомаго съ другимъ. Такое опредѣленіе достигается первоначально посредствомъ представлениія, а за тѣмъ и безъ него, однимъ звукомъ. Пустота ближайшаго значенія, сравнительно съ содержаніемъ соответствующаго образа и понятія, служить основаніемъ тому, что слово называется формою мысли.

Ближайшее значеніе слова, одно только составляющее предметъ языкоизнанія, формально вовсе не въ томъ смыслѣ, въ какомъ известные языки, въ отличіе отъ другихъ, называются формальными, различающими вещественное и грамматическое содержаніе. Формальность, о которой здѣсь рѣчь, свойственна всѣмъ языкамъ независимо отъ того, имѣютъ ли они грамматическія формы, или нѣтъ. Ближайшее, или формальное значеніе словъ вмѣстѣ съ представлениемъ дѣлаетъ возможнымъ то, что говорящій и слушающей понимаютъ другъ друга. Въ томъ и другомъ чувственныя воспріятія различны въ силу различія органовъ чувствъ, ограничивающего лишь родовыми сходствомъ между людьми. Еще болѣе различны въ нихъ комбинаціи этихъ воспріятій, такъ что когда одинъ говоритъ напр. «это нѣкленъ» (дерево), то для другого вещественное значеніе этихъ словъ совсѣмъ иное. Оба они думаютъ при этомъ о различныхъ вещахъ, но такъ, что мысли ихъ имѣютъ общую точку соприкосновенія: представлениe (если оно есть) и формальное значеніе словъ. Для обоихъ въ приведенномъ примѣрѣ отрицательная частица имѣть одинаковый смыслъ, именно такой, какъ въ отрицательныхъ сравненіяхъ: это — кленъ, но въ тоже время и не кленъ т. е. не обыкновенный кленъ и не чернокленъ. Для обоихъ словомъ нѣкленъ назначено для татарского клена одно и тоже мѣсто въ мысли подъ обыкновенного клена и черноклена, но въ каждомъ

это мѣсто заполнено различно. Общее между говорящимъ и слушающимъ условлено ихъ принадлежностью къ одному и тому же народу. Другими словами: ближайшее значение слова народно, между тѣмъ дальнѣйшее, у каждого различное по качеству и количеству элементовъ,—лично. Изъ личнаго понижанія возникаетъ высшая объективность мысли, научная, но не иначе, какъ при посредствѣ народнаго пониманія, т. е. языка и средствъ, созданіе коихъ условлено существованіемъ языка. Такимъ образомъ область языкоизланія можетъ быть народно-субъективною. Она соотносится съ одной стороны съ областью чисто личной, индивидуально-субъективной мысли, съ другой съ мыслью научной, представляющей наибольшую въ данное время степень объективности.

III.

Различные понятія о корней слова.

Мы видѣли, что появленіе данного слова предполагаетъ существованіе предыдущаго, это въ свою очередь возникаетъ изъ другого и т. д. Пока, мы остановимся на этомъ наблюденіи, хотя оно не можетъ не удовлетворить, такъ какъ невозможно допустить, не впадая въ мистицизмъ, чтобы ряды словъ продолжались до бесконечности и чтобы языкъ не имѣлъ начала. Къ этому наблюденію мы прибавимъ другое. Въ словахъ Индоевропейскихъ языковъ замѣчается, кроме различія элементовъ, т. е. кромѣ того, что слово состоитъ изъ звукового единства, представлена и значенія, еще другаго рода сложность, состоящая въ томъ, что слово заключаетъ въ себѣ болѣе одной части *) и что части эти не могутъ быть выведены одна изъ другой: та въ верс-

*) Восклицаніе, какъ ѿ! и т. п., не есть слово.

та не есть порождение части в ерт и не предполагаетъ ея, и наоборотъ. Правда, въ Санскритѣ есть слова, частью употребляемыя самостоительно (напр. гир, воззваше, рѣчъ, двиш, а по фонетическимъ причинамъ двит, врагъ), частію стоящія на концѣ другихъ болѣе сложныхъ словъ, какъ лиh въ мадбу — лиh, по фонетическимъ причинамъ — лиt, собственно медолизъ, пчела (Bopp. Krit. Gr. der Sankr. Spr. §§ 106, 154; M. Müller, Vorles. üb. die Wiss. d. Spr. II 75—6), слова, коихъ звуки не могутъ быть разбиваемы на части безъ уничтоженія всякаго ихъ значенія. Останавливаясь только на звукахъ этихъ словъ, мы не можемъ замѣтить въ нихъ никакого различія частей (но не элементовъ); но обращая вниманіе на то, что эти слова суть имена, а не другая какая либо часть рѣчи, и что этотъ отѣнокъ значенія никакъ не можетъ быть выведенъ изъ значеній, какъ «звать», «ненавидѣть» «лизать», взятыхъ сами по себѣ, мы должны признать въ этихъ словахъ сложность значенія въ томъ же самомъ смыслѣ, въ какомъ ее находимъ въ словѣ верста и т. п. На вопросъ: «откуда могла взяться эта сложность значенія и почему слово, какъ гир, рѣчъ, есть существительное женскаго р. въ именит. пад. единств. ч.»? мы можемъ отвѣтить только такимъ образомъ: такъ какъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ значеніе опредѣленной грамматической категории (имя, глаголъ и т. д.) достигается въ словѣ Индоевропейскихъ языковъ тѣмъ, что оно заключаетъ въ себѣ болѣе одной части, то и сложность значенія словъ, какъ двиш, ихъ грамматическая опредѣленность, можетъ быть только отраженіемъ болѣе наглядной сложности другихъ словъ. Поэтому двиш понималось какъ имя, что рядомъ съ нимъ было сложное двѣш—ми (или другая болѣе древняя форма этого рода), имѣвшее функцию глагола.

Спрашивая себя послѣ этого, какое значеніе можемъ мы придать термину «корень слова», мы прежде всего отвѣтимъ, что корнемъ можетъ быть то, изъ чего возникаетъ данное слово. Въ этомъ, впрочемъ, неупотребительномъ значеніи, всякое относительно первообраз-

ное слово будет корнемъ своего производнаго съ тѣмъ непремѣннымъ условиемъ, чтобы первое объясняло всѣ части послѣдняго, напр. верста, поворотъ плуга, по отношенію къ версты, борозды. Но этимъ значеніемъ термина мы удовольствоваться не можемъ, ибо напр. вѣрста въ 1-мъ своемъ значеніи предполагаетъ слово, которое не объяснить намъ происхожденія части—та. Эта послѣдняя должна имѣть свой корень. Такъ приходимъ къ тому, что слово посредственно или непосредственно предполагаетъ столько корней, сколько въ немъ частей. Мы видѣли выше, что подъ частями данного слова слѣдуетъ разумѣть какъ такія значенія или ихъ оттѣнки, которая изображаются въ словѣ особыми звуками, такъ и такія, которая въ данномъ словѣ звукового выраженія не имѣютъ, а предполагаютъ лишь сложность другихъ словъ. Еслибы, разложивъ двѣш—ми и всѣ слова подобнаго строенія (есмь, я(д)-мь) на составныя части (двиш, ес=ас, яд=ад и ми), мы нашли корень каждой изъ нихъ, то мы бы увидѣли, что такой корень не могъ бы имѣть и той сложности значенія, какая существуетъ въ имени двиш, врагъ. Этой сложности или грамматической опредѣленности нѣ отъ чего было бы зависѣть. При такомъ состояніи языка и имя двиш не могло бы существовать, какъ имя. Въ области историческихъ Индоеврейскихъ языковъ мы не находимъ уже такой простоты строенія, такого отсутствія грамматическихъ разрядовъ; но мы павѣрило предполагаемъ въ нихъ такое состояніе, основываясь какъ на анализѣ самыхъ этихъ языковъ, на существованіи въ наше время другихъ языковъ подобнаго, хотя и не вполнѣ такого же устройства, такъ и на наблюденіяхъ надъ языками нашихъ дѣтей.

Подъ дѣтскимъ языкомъ мы разумѣемъ здѣсь не тѣ такъ называемыя дѣтскія слова, какъ вава, цаца, который входятъ въ составъ нашихъ словарей и суть не болѣе, какъ результаты старанія взрослыхъ примѣниться къ дѣтскому выговору и понимацію. Категоріи нашего языка такъ тѣсно связаны съ нашею мыслью, что мы

ихъ мыслимъ и произнося такія слова, какъ вава и пр. Слова эти въ нашихъ устахъ выходить сложными результатами мысли и потому это не дѣтскія слова. Практически воротиться къ первымъ ступенямъ развитія мы уже не можемъ; но наблюдая за первыми попытками ребенка сознательно мыслить, мы присутствуемъ тѣмъ самимъ и при зарожденіи языка, при самостоятельномъ созданіи словъ, которыхъ, хотя въ наше время никогда не переходятъ въ языкъ взрослыхъ, да и самими дѣтьми весьма скоро забываются, но даютъ возможность заключать явленіяхъ первобытнаго языка народовъ. Вотъ одно изъ подобныхъ наблюдений.

Ребенку показали въ окнѣ игрушечной лавки статуэтку безобразного старика въ очкахъ, читающаго книгу и сказали при этомъ, что онъ «бу—бу—ба», т. е. онъ читаетъ, произнося такие звуки. То, что здѣсь было проиннесено взрослымъ такъ называемое дѣтское слово, намъ важно лишь для сравненія съ тѣмъ, что произвело это слово въ самомъ ребенкѣ. Звуки «бу—бу—ба» сочетались въ немъ съ одновременнымъ впечатлѣніемъ отъ статуэтки и изъ этой ассоціаціи вышло въ теченіе немногихъ слѣдующихъ дней нѣсколько словъ съ тѣми же звуками, словъ, возникновенія которыхъ никакъ нельзя было предвидѣть въ началѣ. Послѣдовательность этихъ словъ была приблизительно такова: нѣчто безобразное и страшное; нѣчто нехорошее, непріятное въ настоящемъ смыслѣ и въ шутку (напр. одинъ знакомый въ очкахъ, котораго ребенокъ зналъ еще прежде и жаловалъ); нѣчто чужое, но не страшное, а безразличное; нѣчто новое, странное, съ переходомъ отъ чужаго къ странному, какъ въ странный и *étrange=extraneus*. Конечно, тутъ легко было ошибиться въ толкованіяхъ, но несомнѣнно, что ребенокъ различалъ нѣсколько значеній, т. е. словъ, и что умыселъ лица, отъ котораго заимствованы звуки «бу—бу—ба», мысль, вложенная этимъ лицомъ въ эти звуки, въ развитіи послѣдующихъ значеній были ни при чемъ. Тотъ же ребенокъ кухарку Прасковью называлъ пухоня, а пироги, которыхъ она подавала на столъ—пухоня.

Въ первомъ примѣрѣ безусловное начало ряда словъ есть сочетаніе звуковъ бу—бу—ба и извѣстнаго чувственнаго образа. Такое сочетаніе не только не есть имя или глаголъ, но это даже вовсе не слово, потому что въ немъ недостаетъ одного изъ существенныхъ элементовъ вновь возникающаго слова, именно представленія: въ немъ новое воспріятіе не сравнивается ни съ чѣмъ, чи чѣмъ не объясняется, не доводится до сознанія, а лишь безъ вѣдома лица связывается въ немъ со звукомъ, такъ что повтореніе того же воспріятія приводить въ память и воспроизводить звукъ, и наоборотъ. Отсюда заключаемъ, что и въ языкѣ первобытнаго человѣка начало ряда словъ не было словомъ. Звукъ былъ данъ ребенку и вѣдѣ, независимо отъ самостоятельно полученнаго имъ впечатлѣнія. Вполнѣ самостоятельнѣе созданныхъ членораздѣльныхъ звуковъ мы въ дѣтскомъ языкѣ не замѣчаемъ, впрочемъ не потому, что ихъ теперь вовсе не бываєтъ, а потому что степень ихъ раздѣльности весьма низка и что эти несовершенныя создания весьма скоро вытѣсняются болѣе совершенными заимствованіями. Въ первобытномъ человѣкѣ, которому иѣ у кого было заемствовать, подобные звуки могли быть лишь отраженіемъ впечатлѣнія и находились отъ него въ зависимости, условленной психофизическимъ механизмомъ. Что и эти звуки стояли на низкой степени членораздѣльности, сравнительно со стрѣгую опредѣленностью звуковъ многихъ позднѣйшихъ языковъ, въ томъ убѣждаютъ между прочимъ и наблюденія надъ фонетическими измѣненіями языковъ исторически извѣстныхъ (См. M. Müller, Vorl. єb. die Wiss. d. Spr. II, 170 сл.). Первое слово въ нашемъ примѣрѣ возникло тогда, когда ребенокъ обозначилъ иѣчто страшное, напр. лицо, картину, тѣнь, во непремѣнно иѣчто несливающееся съ первымъ впечатлѣніемъ, тѣми же звуками бу—бу—ба, съ коими сочеталось это первое впечатлѣніе. Слово это было сознательнымъ признаніемъ сходства втораго воспріятія съ первымъ въ одномъ признакѣ. Оно не осталось однокимъ, но немедленно стало средствомъ новыхъ актовъ

сознанія и дало начало новымъ словамъ, въ ряду коихъ каждое предыдущее по отношению къ своимъ производнымъ можетъ называться корнемъ, притомъ съ большими правомъ, чѣмъ первообразное слово флексивныхъ языковъ по отношению къ своимъ послѣдующимъ. Сложное первообразное слово можетъ вовсе не заключать въ себѣ нѣкоторыхъ частей производного, такъ что послѣднее можетъ для своего появленія нуждаться въ нѣсколькихъ словахъ, между тѣмъ какъ въ нашемъ примѣрѣ это не имѣть мѣста. Здѣсь предыдущее слово заключаетъ въ себѣ всѣ данныя для возникновенія послѣдующаго при появленіи нового воспріятія, требующаго сравненія и объясненія. Это потому, что примѣръ нашъ относится къ тому періоду развитія, въ которомъ еще не возникла потребность въ сочетаніи словъ для обозначенія формъ мысли и самыи этихъ формъ нѣть. Всѣ слова ряда, различаясь по значенію, сходны, кроме звуковъ, въ томъ, что не относятъ своего содержанія ни къ какому общему разряду. Значеніе ихъ не есть ни дѣйствіе, ни качество, ни предметъ, а чувственный образъ, предшествующій выданію этихъ отвлеченій.

Для нашихъ дѣтей періодъ отсутствія флексій проходитъ очень скоро, благодаря вліянію языка взрослыхъ. Дѣти, начавшія лепетать въ концѣ первого года, на третьемъ, при благопріятныхъ условіяхъ, доходятъ до правильного употребленія лицъ, падежей, предлоговъ, даже нѣкоторыхъ союзовъ. Періоды же жизни народовъ обнимаютъ тысячелѣтія. Индоевропейское племя съ незапамятныхъ для исторіи временъ говорить флексивнымъ языкомъ. Безъ сомнѣнія, неисчислимая теперь тысячелѣтія протекли для него между началомъ членораздѣльной рѣчи и началомъ флексій. На всемъ этомъ протяженіи жизни языка мы на основаніи того, что доступно непосредственному наблюденію, не можемъ предположить ничего кроме простыхъ сочетаній звуковъ и воспріятій въ самомъ началѣ и затѣмъ—длинныхъ рядовъ словъ до флексивнаго и флексивнаго періода. Если подъ корнями по прѣимуществу, согласно съ сказаннымъ до сихъ поръ, мы будемъ

разумѣть дѣйствительныя величины, т. е. настоящія слова, но не представляющія никакой сложности частей и относящіяся къ до-формальному и до-флексивному періоду, то спрашивается, можетъ-ли отыскыванье такихъ корней входить въ число задачъ языкоznанія? Повидимому, языкоznаніе, по крайней мѣрѣ теперь, не можетъ пойти дающее опредѣленія самыхъ общихъ свойствъ корня, понимаемаго въ такомъ смыслѣ. Отдѣльные корни для него недоступны. Чтобы найти корень, необходимо, чтобы намъ было дано слово, ибо корень есть только предыдущее слово и безъ послѣдующаго не есть корень, какъ отецъ не имѣвшій никогда дѣтей не есть отецъ. Положимъ, намъ дано флексивное слово, о которомъ мы увѣрены, что оно непосредственно примыкаетъ къ до-флексивному періоду языка, хотя, собственно говоря, нѣтъ исторически известнаго слова, относительно которого мы имѣли бы право питать такую увѣренность. Для большей простоты обратимъ вниманіе на одну лексическую сторону этого слова. Определить его корень значило бы показать тотъ кругъ признаковъ (значеніе предыдущаго слова), изъ котораго взято его представлѣніе. Здѣсь, очевидно, не говоря уже о звукахъ, двѣ искомыя величины, между тѣмъ какъ известная только одна, именно значеніе данного слова. Какъ найти эти двѣ неизвестныя? Конечно, никакъ не легче въ до-историческомъ Арійскомъ языкѣ, чѣмъ въ языкѣ нашихъ дѣтей. Если бы мы случайно не знали, какой образъ связанъ былъ ребенкомъ со звукомъ бу—бу—ба, то никакія соображенія не навели бы насъ на то, почему ребенокъ напр. медведя на картинкѣ называетъ бу—бу—ба. Скорѣе всего мы бы подумали, что это слово звукоподражательное, между тѣмъ какъ па дѣлѣ звуки этого слова для самого ребенка никогда не были звукоподражаніемъ. Столъ же очевидно, что и въ другомъ примѣрѣ по одному имени пироговъ (пухонѣ) совершенно невозможно узнать, что вещь эта обозначена отношеніемъ къ лицу (пухонѣ—Прасковья).

Итакъ если о корнѣ мы думаемъ, что онъ есть

настоящее слово, величина действительная, а не идеальная, и если мы относимъ его къ периоду языка недоступному для наблюденія, то корень такъ и остается нами неизвѣстнымъ. Согласно съ этимъ, мы должны предположить, что если языкознаніе не есть одно огромное заблужденіе, то подъ корнями, которые оно отыскиваетъ, слѣдуетъ разумѣть нечто иное. И действительно для практической этимологіи корень не есть настоящее слово.

Корень въ индоеврейскихъ языкахъ, говорить Курціусъ, есть знаменательное сочетаніе звуковъ, которое остается отъ слова по отдѣленіи всего формальнаго и случайнаго (Grundz. d. griech. Etym. 43—4). Подъ случайнымъ здѣсь разумѣется чисто фонетическое, не связанное съ значеніемъ слова, незнаменательное, напр. опущеніе гласной *ε* въ γι—γυ—ο—μα при γένος. Оставаясь на точкѣ зрѣнія автора, мы можемъ дополнить это опредѣленіе. Оно предполагаетъ сознаніе функционального различія между такими частями слова, какъ вырт въ верс—та, и такими какъ—та, но затѣмъ оно беретъ во вниманіе только части первого рода, т. е. тѣ, которая имѣютъ вещественное значеніе. Это такъ несправедливо, что мы можемъ съ такимъ же правомъ вместо вышеприведенного опредѣленія поставить другое, столь же одностороннее: въ словѣ разложимомъ на двѣ части (ад—ми, имъ) корень есть то знаменательное сочетаніе, которое остается по отдѣленіи всего вещественнаго, т. е. въ нашемъ примѣрѣ—ми, ма. Раздѣливши слово верста на варт и та, мы видимъ, что по первой части оно сходно съ вертѣть, воротъ и пр., а по второй—съ перс—тъ, рос—тъ, пя—та, корос—та, золо—то, лѣ—то и пр., то есть, что слова соединяются въ семейства не только лексическими, или вещественными, но и формальными своими частями. По этому вышеприведенному опредѣленію мы предпочтемъ другое: корень есть знаменательное сочетаніе звуковъ, которое остается по выдѣленіи изъ слова всѣхъ остальныхъ знаменательныхъ сочетаний.

ній и по устраниеніи звуковыхъ случайностей. Можно обобщить это и сказать вмѣстѣ съ М. Мицлеромъ: для нась, говорящихъ флексивными языками, корни суть то, что получается въ остаткѣ послѣ полнаго анализа нашего нарѣчія или всѣхъ нарѣчій, въ своей совокупности составляющихъ арійскую группу (Vorles. ueb. die Wiss. d. Spr. II 76). Сравнивая между собою известное количество словъ напр., вл—тиш, вал—и—ть, вол—и—а, вал—ъ, ёл—о—ф (качу), ёл—оо—(вью), vol—у—о, находя въ нихъ общее знаменательное сочетаніе звуковъ и утверждая, что во всѣхъ этихъ словахъ выступаетъ на явъ значеніе движенія по кривой (Curt. Grundz. № 527), мы очевидно отвлекаемся отъ несходного въ этихъ словахъ. Мы создаемъ отвлеченіе, служащее пособіемъ для нашей мысли, но никакъ не ея цѣлью. Какъ и всякое отвлеченіе, корень, понимаемый такимъ образомъ, есть нѣчто идеальное, а не дѣйствительное слово, и никоимъ образомъ не можетъ совпадать ни съ однимъ изъ конкретныхъ явлений языка. Между тѣмъ тѣ самые ученые, которые считаютъ корни отвлечениями, приписываютъ имъ и реальное бытіе. Такъ Курціусъ, сказавши о томъ, что непроизносимыя сочетанія, какъ *ул*, *хр*; *фрс*, которыя выставляются Бенфеемъ за корни, могутъ быть только чистыми отвлечениями, имѣющими одно призрачное бытіе, продолжаетъ: «хотя корни, какъ мы ихъ понимаемъ, получаются посредствомъ отвлеченія, но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы они не существовали въ дѣйствительности; они въ состояніи языка исторически намъ извѣстны и не существуютъ только сами по себѣ. Тѣмъ не менѣе они полу-
сознательно лежать въ основаніи происшедшихъ изъ нихъ формъ, подобно тому, какъ темы, произведенныя отъ корней, въ свою очередь лежать въ основаніи формъ отъ нихъ происшедшихъ. Къ тому-же многое говорить въ пользу того, что такие корни въ древнѣйшемъ періодѣ языка, т. е. до появленія флексій, и безъ всѣхъ прибавокъ имѣли реальное бытіе, что, иначе сказать, по крайней мѣрѣ многіе изъ нихъ были дѣйствительны».

и словами» (Grundz. d. gr. Etym. 2 44). Итакъ Курци-
усъ полагаетъ, что отъ способа, какимъ добываются кор-
ни, т. е. въ настоящемъ случаѣ отъ дѣятельности от-
влечения нельзя заключать о томъ, существуютъ ли кор-
ни объективно или только въ нашей мысли: корни до-
бываются отвлечениемъ, а между тѣмъ существуютъ объ-
ективно. Очевидно, такое утверждение несправедливо.
Собирая въ одно общіе признаки волка, лисы, шакала,
собаки, и отвлекаясь отъ признаковъ исходныхъ, мы
получимъ общее понятіе, которое не будетъ характери-
стикою никакого изъ этихъ видовъ и никакого дѣйстви-
тельный животнаго. Корень, какъ отвлеченіе, и корень
какъ реальная объективная величина, т. е. какъ слово
(ибо только слово имѣеть въ языкѣ объективное бытіе)
суть два совершенно различныя понятія. Всякому про-
дукту отвлечения необходимо свойственно заключаться въ
каждой изъ единицъ бывшихъ исходными точками отвле-
ченія и быть общимъ всѣмъ этимъ единицамъ. Это свой-
ство имѣеть корень, какъ отвлеченіе, но не корень,
какъ слово. Процессъ отвлеченія корня не предполага-
етъ между словами, надъ которыми производится, никакихъ
другихъ отношеній кромѣ отношенія сходства. На-
противъ корень, какъ дѣйствительное слово, предполагаетъ
между словами этого корня генетическое отношеніе, о
которомъ мы узнаемъ не посредствомъ отвлечения, а по-
средствомъ сложнаго ряда вѣроятныхъ умозаключеній.
Отношеніе корня, какъ дѣйствительного слова, къ про-
изводнымъ сходно съ отношеніемъ родоначальника къ
потомству. Въ роду, какъ и въ ряду сходныхъ словъ,
до нѣкоторой степени сохраняются извѣстныя наслѣд-
ственные черты. Родовые черты могутъ быть отвлечены,
но это отвлеченіе, хотя и входитъ въ характеристику
каждаго изъ членовъ рода и хотя можетъ служить по-
сылкою къ заключенію о свойствахъ родоначальника,
никакимъ чудомъ не станетъ этимъ родоначальникомъ.
Подобнымъ образомъ и корень, какъ отвлеченіе, заклю-
чаетъ въ себѣ нѣкоторыя указанія на свойства корня,
какъ настоящаго слова, но не можетъ никогда равнять-

ся этому послѣднему. Смѣшио было бы утверждать, что родоначальникъ живетъ въ своемъ потомствѣ, хотя бы и не «самъ по себѣ», а въ соединеніи съ чѣмъ-то постороннимъ. Онъ въ немъ не живетъ никакъ; онъ былъ лишь виновникомъ того, что въ потомствѣ сохраняются, хотя и не неизмѣнно, пѣкоторыя черты. Точно такъ мы не можемъ думать, что въ производныхъ живетъ какъ бы то ни было корень, какъ слово. Въ дошедшихъ до насъ Индоеврѣйскихъ языкахъ нѣть корней въ смыслѣ до-флексивныхъ словъ, но отношенія этихъ корней къ своимъ производнымъ были въ существенномъ такія же, какъ отношенія извѣстныхъ намъ первооб разныхъ словъ къ своимъ. И вотъ спрашивается, развѣ первообразное слово подъшва (подошва), почва (*id.*) заключено въ своемъ производномъ почва, верхній слой земли? *) Очевидно, что элементы первого слова, кромѣ звуковъ, суть: значеніе—подошва обуви и представлениe—нѣчто подшитое, и что этихъ элементовъ, опять кромѣ звуковъ, нѣть во второмъ словѣ, въ которомъ значеніе (верхній слой земли) представлено находящимся подъ ногою, подобно подошвѣ. Бр. початокъ (Мр. починокъ) есть веретено пряжи, представленное имѣющимъ одинъ початокъ (начало) нити, стало быть одну нить; но въ производномъ початокъ, колось кукурузы, представленія первого слова нѣтъ и слѣда, а отъ значенія (веретено пряжи) остался одинъ слѣдъ въ томъ, что колось кукурузы, представленъ имѣющимъ очертаніе веретена съ пряжею. Такимъ образомъ въ послѣдующемъ словѣ, какъ уже выше было сказано, заключено всегда не предшествующее слово, а лишь отношеніе къ нему. Если же предъидущее слово исчезло изъ языка, то тѣмъ самымъ исчезло и отношеніе къ нему послѣдующаго. То-же слѣдуетъ сказать и о звуковыхъ отношеніяхъ словъ. Во множествѣ случаевъ очевидно, что извѣстное сочетаніе звуковъ не есть общее всему семейству словъ. Заключая отъ случа-

*) Никуда негодится предположеніе Даля, что это слово относится къ почивать.

евъ имѣющихъ для насъ силу аксиомъ, мы говоримъ, что ча (въ початокъ) предполагаетъ ча; но второе вовсе не заключено въ первомъ, ча не заключено въ своей со-отвѣтственной русской формѣ. Согласно со всѣмъ ѣтимъ и корень, какъ до-флексивное слово, не заключенъ въ своихъ производныхъ и не существуетъ въ нихъ объек-тивно ни самъ по себѣ, но въ соединеніи съ другими корнями. Подобно тому, какъ дальнѣйшіе члены рода по-лучаютъ жизнь не отъ того, кого людская память счи-таетъ родоначальномъ, а отъ своихъ родителей, и при созданіи слова предъ мыслию создателя находится ко-рень только тогда, когда слово прямо примыкаетъ къ до-флексивному периоду. Въ остальныхъ случаяхъ реаль-ною основою производнаго слова служить не корень, какъ до-флексивное слово и не тема, которая есть от-влеченіе, а флексивное же слово.

Курціусъ, стараясь совмѣстить отвлеченность корня съ его объективнымъ бытіемъ, незамѣтно для себя под-мѣняетъ одно понятіе о корнѣ другимъ, совершенно от-личнымъ.* Далѣе онъ самъ доказываетъ, что корни, какъ онъ ихъ понимаетъ, не могутъ имѣть другаго бы-тія, кроме идеальнаго. Онъ отвергаетъ корни, какъ не-произносимыя сочетанія согласныхъ. Дѣйствительно, та-кое понятіе о корнѣ совмѣстимо лишь съ полнымъ от-

*) Онъ повторяетъ здѣсь ошибку М. Мюллера, который, какъ видно изъ слѣдующаго, признаетъ за анализомъ чудотвор-ную силу открывать корни, какъ объективныя единицы. Всѣдѣ за вышеприведеннымъ опредѣленіемъ корня М. Мюллеръ говоритъ: «Если нашъ анализъ совершилъ надлежащимъ образомъ, то то, что наимъ является какъ простой остатокъ (т. е. корень, какъ отвлеченіе), должно первоначально быть реальнымъ зародышемъ. Эти герминалныя формы, эти зародыши языка на ранней степени развитія языка должны были служить всякой цѣли. Мы не долж-ны также забывать, что есть языки, которые остались въ этомъ зачаточномъ состояніи, въ которыхъ до вышняго дня неѣтъ ви-накого виѣшняго различія между корнемъ и словомъ. Въ Битай-скомъ напр. лу означаетъ оратъ, раю и воль (т. е. оратай), та-значить быть великимъ, величина и великий. Слѣдуетъ ли при-

существием исторического взгляда на языки. Лишь тѣль, для кого формы $\gamma\acute{e}-\gamma\acute{u}-o-pai$, $\gamma\acute{e}v-o\acute{s}$, $\gamma\acute{o}no\acute{s}$ и $\gamma\acute{o}nu\acute{u}$ стоять на одной плоскости, можетъ считать корнемъ этихъ словъ $\gamma\acute{u}$. Но то, что въ современномъ частномъ языкоznаніи ставится на мѣсто такого корня, хотя и болѣе удовлетворяетъ требованіямъ науки, тѣмъ не менѣе не есть дѣйствительное слово.

«Не столь легко, какъ на вопросъ «возможно ли принимать корни безъ гласныхъ», говорить Курціусъ, отвѣтить на другой вопросъ «следуетъ ли выставлять для каждого языка особые корни, или же одни общіе для всего семейства языковъ». На первый взглядъ кажется болѣе согласнымъ съ понятіемъ о корняхъ, какъ дѣйствительныхъ первобытныхъ словахъ языка, говорить не о греческихъ, а лишь объ индоевропейскихъ корняхъ, ибо нѣтъ ничего достовѣрнѣе того, что θ , ζ , $\gamma\acute{e}u$ никогда не были самостоятельными словами. Эти звуки образовались лишь много спустя послѣ того, какъ языкъ оставилъ позади себя первобытныя слова... Поэтому Гейзѣ допускаетъ только индоевропейскіе корни, а Штейнталъ соглашается съ нимъ, между тѣмъ какъ Яковъ Гrimmъ держится мнѣнія, что то, что считается корнемъ въ одномъ языке, можетъ не призна-

---

нимать известное слово за имя, или за глаголъ, или за частицу, это зависитъ отъ мѣста занимаемаго имъ въ предложении... На чѣмъ же указываетъ это? Я полагаю, на то, что въ ростѣ языка была ступень, на которой еще не было установлено то тѣсное разграничение, какое мы дѣлаемъ между частями рѣчи, на которой даже различие подлежащаго и сказуемаго, служащее основаніемъ разграничению частей рѣчи, не совершенно еще проявилось въ дѣйствительности и не получило еще никакого вѣшняго выражения». (Vorl. II 76—7). Мы не сомнѣваемся въ томъ, что была такая пора въ жизни флексивныхъ языковъ и утверждаемъ только, что остатки отъ анализа ни коимъ образомъ не могутъ превратиться въ реальные зародыши языка т. е. слова дофлексивного периода и что мысль противная этому есть самообольщеніе.

всѧ корнемъ въ другомъ. Очевидно, дѣло идетъ здѣсь не о теоріи «(т. е. не о полной истинѣ, доступной въ данное время),» по крайней мѣрѣ не о ней одной, а о практикѣ, т. е. о временныхъ потребностяхъ изслѣдованія отдельныхъ языковъ. Кто принимаетъ только индоевропейскіе корни, тотъ тѣмъ самыемъ долженъ устранить не только греческіе, но и санскритскіе корни. Согласно съ этимъ, можно бы говорить только о корнѣ гар, а не о джан или γεν. Корень гар, который и самъ по себѣ имѣетъ три существенно различныя основныя значенія: звать (γηρω̄), глятать (βορεῖν) и бодрствовать (εὐρυγορέας) совпалъ бы такимъ образомъ съ корнемъ джар, который также имѣетъ три главныя значенія: старѣться (γέρω̄), приближаться и хрустѣть. Такъ какъ основное къ въ Санскрите частию остается неизменнымъ, частию переходитъ въ ч и ছ, то три корня кам любить, чам хлебать, и ছам успокаивать, или кар дѣлать, и чар пти, должны быть сведены къ одному или нѣсколькоимъ равнозначущимъ. Но не значило ли это, по требованію теоріи, сваливать въ кучу образованія, которыхъ въ живомъ языке далеко расходятся между собою? Еще опаснѣе былъ бы такой пріемъ въ примененіи къ Греческому языку, въ которомъ уже съ древнейшихъ временъ большее чѣмъ въ Санскрите количества гласныхъ содѣйствовало различенію значеній. Едѣсть и ḍō пахнуть въ Греческомъ также строго отдѣляются другъ отъ друга, какъ и соответственныя слова въ Латинскомъ (edere и od̄o) и Литовскомъ (èdmi, ёмъ и údžiu, нюхай). Неужели оба корня намъ слѣдуетъ свести къ невстрѣчаемому нигдѣ чисто-теоретическому ad? Кто же поручится намъ за, то, что и въ болѣе раннемъ періодѣ ad, есть, и корень, означающій нюхать, пахнуть, не были различены между собою, по только неизслѣдимымъ для насъ способомъ? Темы (die Stämme) ḍōr (ἀραρίσκω и ἀρόφω), ёр (ἐρέσσω), ὄρ (ὄρυμι) возводятся къ одной основной темѣ, къ сохраненному въ Санскрите ар, но съ каждою изъ этихъ трехъ формъ соединено особое значеніе: съ формою съ а—значенія ладно

приходиться къ чему и оратъ, съ формою съ ε—грести весломъ, съ формою съ ο—возбуждать, подниматься, а если сравнимъ латинскія слова *artus*, *rēmus* и *orīo*, то окажется, что и здѣсь съ тѣми же гласными связано тоже специальное значеніе. Слѣдовательно, измѣненіе гласныхъ здѣсь ни формально, ни случайно, но, согласно съ нашимъ опредѣленіемъ, должно быть отнесенено къ корню. Кто приметъ одно ар за корень всѣхъ этихъ греческихъ словъ, тотъ изгладитъ специальное отношеніе звука α къ значенію въ ἀραρίσκω и пр., тотъ упустить изъ виду элементы, служащіе значенію въ темахъ словъ ἐρέσσω и δρμενος. Разница между ἀρμενος (приложенный и пр.) и δρμενος (стебель, побѣгъ) совершенно отлична отъ разницы между λέγω и λέγος, между ἔτρεπτον (*imperf.* и *ētratopon* (аог.)). Въ послѣднемъ случаѣ измѣненіе гласныхъ связано съ формальнымъ значеніемъ словъ, а въ первомъ оно принадлежитъ къ вещественному содержанию языка (*Sprachstoff*). δρ такимъ же образомъ заключено въ формахъ ϕρто (поднялся), δρμενος, δρυμъ, орущ, какъ ихъ основное содержание (*Grundstoff*) и дѣйствуетъ въ нихъ, такъ сказать, какъ монада, какимъ Скр. ар заключено въ происшедшихъ отъ него. Принятіе такого рода темъ (ἀρ, ἐρ, σρ) столь же необходимо для яснаго изображенія строенія языка, какъ и принятіе темъ именныхъ, производныхъ глагольныхъ и мѣстоименныхъ. И именная тема πλοο никогда не существовала сама по себѣ, а между тѣмъ мы называемъ ее тѣмъ-же именемъ, что и санскритскую тему плава, самостоятельное существованіе коей скорѣе можетъ быть допущено. Мы называемъ съ въ πλοος, плава—съ окончаниемъ импительного, хотя собственно первоначальнымъ знакомъ этого падежа было по всей вѣроятности са. Однимъ словомъ, вездѣ въ языкоизнаніи мы называемъ тѣ звуковыя сочетанія и элементы, которые суть изображенія и какъ бы наслѣдники соотвѣтственныхъ индогерманскихъ сочетаній и элементовъ, тѣми же именами, что и эти послѣдніе. Такъ какъ въ развитіи языка господствовало непре-

рывное преданіе, то чев есть паслѣдникъ корня ган. чев, постепенно образовавшееся изъ ган, всегда сохраняло одинаковую съ нимъ цѣнность для словообразованія; почему бы намъ называть эти сочетанія разными именами? Мы не кажутся особенно удачными попытки предотвратить смѣшеніе индогерманскихъ корней съ тѣми, которые имъ наследовали. Гейзе различаетъ корни и коренные формы (*Wurzelformen*), хотя, строго говоря, понятіе корня не совмѣстимо съ понятіемъ формы; Штейнталъ различаетъ корень и тему, но послѣднее выраженіе слишкомъ обширно; Поттъ—корни абсолютные и относительные. Созданіе этого послѣдняго различія безъ сомнѣнія важно. Но неужели всегда намъ возможно дойти до безусловно послѣдняго корня? Уже одна необходимость принимать для индогерманского периода множество гомонимныхъ корней заставляетъ усомниться въ этомъ. Неужели кто либо возьмется возвести къ одному основному значенію значенія вышеупомянутаго корня кам, любить и хлебать, или найдетъ вѣроятнымъ, что языкъ съ самого начала обозначилъ столь различныхъ значенія тѣмъ же звукомъ? Однимъ словомъ, хотя мы признаемъ вѣроятнымъ, что исходными точками индогерманского языка были слова (*Wortkörner*) въ родѣ тѣхъ корней, до которыхъ мы можемъ доходить посредствомъ заключеній и что многіе изъ сихъ послѣднихъ имѣли уже съ самого начала именно тѣ самые звуки, какіе мы въ нихъ находимъ, но решить—есть-ли такое-то сочетаніе звукового комплекса и значенія безусловно древнѣйшее, или иѣть, невозможно. Поэтому языкознаніе въ частности всегда будетъ имѣть дѣло только съ относительными корнями, которые въ каждомъ языкѣ являются въ другомъ видѣ (*Curt. Gr. d. Grich. Et.* ² 45—7).

На это мы прежде всего замѣтимъ, что на нашъ взглядъ вопросъ о томъ—«следуетъ ли при современномъ состояніи языкознанія для каждого изъ индоевропейскихъ языковъ принимать свои корни, или только корни индоевропейскіе?»—не представляетъ никакихъ трудностей.

Тутъ нѣтъ никакого или... или... Безъ сомнѣнія слѣду-
етъ выставлять тѣ и другіе. Начиная съ ближайшихъ
къ намъ явленій данного языка и восходя къ началу,
мы доходимъ до такихъ комплексовъ, коихъ болѣе древ-
ній видъ не можетъ быть найденъ средствами одного
этого языка, напр. до корней єд и єд въ Греческомъ,
до корней кам и чам въ Санскритѣ. Никто намъ не
мѣшає остановиться на этомъ, по въ такомъ случаѣ
мы насилино подавимъ въ себѣ послѣднее заключеніе,
вытекающее изъ того, что намъ извѣстно, именно, что
їд и єд предполагаютъ ад, что чам предполагаетъ кам.
Дѣлая это заключеніе, мы оставляемъ открытыми вопросы:
находились-ли въ связи между собою значенія извѣстныхъ
памъ въ їд и єд, въ кам и чам? Если нѣтъ, то не
было-ли съ самаго начала звуковой разницы между ад
ѣсть и ад нюхать, пахнуть? Если да, то какова была
эта связь? Такимъ образомъ мы вовсе не сваливаемъ въ
одну кучу того, что разлѣено языкомъ, вовсе не сти-
раемъ установленныхъ имъ отношеній извѣстныхъ зву-
ковъ къ извѣстнымъ оттѣнкамъ значенія, такъ какъ,
восходя отъ ближайшихъ явленій къ болѣе отдаленнымъ,
мы не заметаемъ своихъ слѣдовъ. Не можетъ быть ни-
какого вреда отъ того, что состояніе нашихъ знаній при-
нуждаетъ насъ принять для чам предшествующую фор-
му кам. Напротивъ, какъ ни безплодна можетъ пока-
заться такая теоретическая конструкція теперь, возможно,
что послѣ она ляжетъ въ основаніе дальнѣйшихъ заклю-
ченій. Курціусъ думаетъ, что никто не сочтетъ вѣрояят-
нымъ соединенія въ слогѣ кам столь различныхъ значе-
ній, какъ любить и хлебать. Почему знать? Хотя можетъ
современемъ открыться, что кам любить и чам хлебать
не имѣютъ между собою ничего общаго, но не певѣ-
роятна покамѣстъ и ихъ генетическая связь. Въ славян-
ской народной поэзіи весьма распространено символиче-
ское изображеніе любви ўдой и питьемъ.*.) Почему бы и

*.) Напр. въ сказкѣ: только проснувшись царевна замѣти-
ла, что съ ней кто-то «пошутилъ не гораздо». Она вричить

въ кам любовь не могла быть представлена хлебаньемъ?

Приятіе какъ обще-индоевропейскихъ, такъ и спа-
ціально греческихъ, славянскихъ и др. корней не заклю-
чаетъ ни малъшаго противорѣчія. Въ общихъ чертахъ
тѣ и другіе совершенно сходны. Первые не въ большей
мѣрѣ суть настоящія слова, чѣмъ вторые, такъ какъ ни
тѣ, ни другіе не суть вовсе слова. Они—отвлеченія, но
добытыя не изъ всего семейства словъ, каковъ бы былъ
напр. корень «гортанная-†-л» въ словахъ скользить,
колзать, холзать, гылзать и глудкой, а только изъ
древнѣйшаго члена семейства въ отдѣльномъ языкѣ, какъ
напр. въ Греческомъ, или во всемъ индоевропейскомъ. Пре-
имущества такихъ корней предъ тѣми, которые состав-
ляютъ вытяжку изъ всего извѣстнаго семейства словъ
и равномѣрно заключены въ каждомъ его членѣ, равны
преимуществамъ историческаго языкоznанія предъ чисто
описательнымъ. Корень (отвлеченіе), какъ онъ понимаетъ
сѧ теперъ, есть понятіе несравненно болѣе опредѣленное,
чѣмъ корень, какъ принадлежность описательнаго языко-
знанія. Такъ въ звуковомъ отношеніи вмѣсто формулы
«горт.-†-л» для семейства скользить и пр., мы вы-
ставляемъ корень скнал. Мы не говоримъ уже о значеніи
общемъ всѣмъ словамъ одного корня, которое, при
многочисленности семейства и чрезвычайномъ разнообра-
зіи, а нерѣдко и противоположности значенія составляю-
щихъ его словъ, должно быть чрезвычайно блѣдно. Мы
приписываемъ корню скнал то значеніе, какое можетъ
быть отвлечено отъ значенія глагола скнал—а—ти, кол-
леблется, качается, глагола не искусственно построен-
наго нами, а дѣйствительно находимаго въ Сан-
скритѣ, который въ этомъ случаѣ кажется наиболѣе
близкимъ къ общеарійскому языку. Здѣсь можно посту-
пать и дѣйствительно поступаютъ еще осторожнѣе. Звуко-
выхъ знаменательныхъ сочетаній въ языкѣ несравненно
менѣе, чѣмъ представлений и значеній, такъ какъ на одно

слугамъ: «вставайте! кто-то въ домѣ былъ, воды испилъ, коло-
дязя не накрылъ». Аѳанасьевъ, Ск. VIII, 43.

такое сочетаніе приходится сплошь и рядомъ пѣсколько значеній. Другими словами, измѣнчивость и подвижность мысли въ языкѣ гораздо болѣе измѣнчивости звуковъ. Звуковыя аналогіи, которыми мы руководствуемся, восходя отъ послѣдующихъ звуковыхъ формъ къ предъидущимъ, заводить нась дальше, чѣмъ тѣ, посредствомъ коихъ мы подвигаемся отъ послѣдующихъ значеній къ предъидущимъ. Поэтому благоразумно, выставляя звуковыя сочетанія, предполагаемыя въ до-флексивномъ періодѣ извѣстнымъ семействомъ словъ, вовсе не придавать этимъ сочетаніямъ вида дѣйствительныхъ словъ, не приписывать имъ значенія древнѣйшаго глагола въ этомъ семействѣ, но говорить напр., что корень словъ дамъ, дати, даръ, дань есть да или дѣ съ неизвѣстнымъ значеніемъ. Корни специальнѣо-народные (греч. слав. и пр.) и корни общеиндоевропейскіе суть не болѣе, какъ необходимыя (каждая па своемъ мѣстѣ) посылки начатаго языкоznаніемъ, но не доведеннаго до конца умозаключенія о корняхъ, какъ дѣйствительныхъ словахъ, о свойствахъ языка неизвѣстнаго намъ исторически. О такихъ корняхъ конечно нельзя сказать, что съ нихъ началось созданіе языка (Curt. zur Chronologie etc. 17); ими только кончается наше знаніе строенія языка. Кто же думаетъ, что онъ довелъ изслѣдованіе хотя одной какой либо частности до самого конца, кто напр. въ значеніи корней, добываемомъ нынѣ языкоznаніемъ, усматриваетъ дѣйствительныя свойства первобытнаго языка, тотъ приини маеть средство за цѣль, подмостки за самое зданіе.

Довольно давно уже счиgается нестолпимъ опроверженіе мнѣніе, что все содержаніе языка идетъ отъ ограниченного числа, напр., по Беккеру, 82-хъ кардинальныхъ понятій. Напротивъ, мы слышимъ теперь, что содержаніе первобытнаго языка должно было быть болѣе частно, что заключая отъ различія звуковой формы къ различіямъ значеній, слѣдуетъ считать корни Индоевропейскаго языка сотнями, а не десятками, а тѣмъ менѣе единицами. Тѣмъ не менѣе въ нынѣшнихъ взглядахъ можно замѣтить оглески прежнихъ «кардинальныхъ по-

нятій» и т. п. Конечно, уже большое разстояніе между попытками напр. вывести весь Греческий языкъ изъ *αω* и т. п. и утверждениемъ что «индогерманецъ сначала обозначалъ частные понятія, подходящія подъ общее ити, а лишь потомъ это общее» (Curt. Grundz. § 91); но и тотъ, кто въ древнійшемъ достиженіомъ для нацъ слѣдъ языка находить, положимъ, не общее понятіе «видѣть», а частные, какъ *schauen*, *spähen*, *blicken*, *achten* и др.. все таи предполагаетъ, что мысль человѣка того времени вращалась въ кругу общихъ понятій. «Человѣкъ, говоритъ Максъ Мюллеръ, не можетъ дать имени никакому предмету, не открывши предварительно общаго качества, которое во время наблюденія показалось ему наиболѣе поразительнымъ признакомъ этого предмета» напр. въ словахъ *аѳса*—*с*, *equus*, *πτος*, конь названъ по быстротѣ, отъ *аѳ* быть быстрымъ, огрымъ. «Изслѣдуя любое слово, мы постоянно приходимъ къ тѣмъ-же результатамъ; каждый разъ выражается (предварительно) общее качество, приписывается предмету какъ его свойство... Слѣдя за словомъ по всѣмъ степенямъ его развитія до его исходной точки, въ концѣ, или, лучше сказать, въ началѣ мы встрѣчаемъ лишь корни совершенно общаго значенія, какъ ити, двигаться, бѣжать, дѣлать... Взявшисъ во вниманіе, что человѣкъ изъ этихъ неопределенныхъ и блѣдныхъ понятій съумѣлъ образовать слова, выражаящія тончайшіе оттенки нашей мысли и чувства, мы лишь тѣмъ болѣе должны удивляться чудодѣйственнымъ силамъ языка» (M. Müller. Vorlesung. über die Wissenschaft der Spr. II, 58—69). Мы не станемъ удивляться тому, что если въ языкѣ есть названія отвлеченныхъ качествъ и дѣйствій, то отъ нихъ могутъ образоваться слова съ значеніями болѣе конкретными. Примѣры этому мы имѣемъ постоянно предъ глазами, такъ что за ними нѣчего ходить въ древность, или въ чужіе языки. Что удивительно и непостижимо, такъ это то, если это только правда, что языкъ нѣкогда состоялъ изъ однихъ названій отвлеченностей, что человѣкъ долженъ былъ сначала создать эти названія и отъ нихъ уже спуститься къ кон-

крайнему. И правда ли это? Въ утверждении, что, при изслѣдованіи начала словъ, мы всегда наталкиваемся на общее качество, подъ «всегда» слѣдуетъ разумѣть «въ концѣ», то есть въ такой дали, въ которой отъ наблюденія ускользаютъ уже определенные очертанія явленій. Въ большей близи видно и не то. Когда въ нашихъ языкахъ имена производятся отъ именъ, когда напр. початокъ, колосье пшенички, производится отъ початокъ, веретено пряжи, то развѣ при этомъ предварительно выражается общее качество, приписываемое предмету въ производномъ словѣ? Нѣтъ, одного слова для качества «подобный веретену пряжи» или для действия «быть подобнымъ веретену пряжи» у насъ вовсе и не было въ языкѣ. Когда ребенокъ называлъ сферичный колпакъ лампы арбузомъ, то открылся онъ сначала общее качество шарообразности? Нѣтъ. Еслибы такое мгновеніе было, какъ оно бываетъ въ слѣдствіи, то оно оставило бы по себѣ слѣдъ въ словѣ, подобномъ нашему круглый, шаровидный, арбузо-видный и т. п., а не въ названіи стеклянного шара арбузомъ. Утверждать противное не заставить-ли насъ утверждать и то, что собака составляетъ сначала, хотя и безсловесно, общія понятія о качествахъ нищеты и богатства, а потомъ уже начинаетъ съ лаемъ бросаться на всякаго нищаго, входящаго во дворъ?

Все заставляетъ думать, что и въ языкѣ, какъ и вообще, за исходную точку мысли слѣдуетъ признавать чувственныя восприятія и ихъ комплексы, стало быть нѣчто весьма конкретное сравнительно съ отвлеченностю общаго качества. Какъ теперь правильный ходъ мысли состоять въ восхожденіи отъ частнаго къ общему, а потомъ на основаніи этого процесса и въ обратномъ движеніи, такъ было и всегда. Мыніе, что первобытое слово всегда означаетъ общее качество, основано на смѣшаніи понятій значенія слова и заключеннаго въ немъ представлѣнія и на замѣнѣ первого вторымъ. Общій законъ языка состоитъ въ томъ, что всякое новое слово имѣеть представлѣніе, т. е. что значеніе общаго слова

всегда заключаетъ въ себѣ одинъ признакъ общей съ значеніемъ ему предшествующимъ. Представление есть средство доводить до сознанія новое значеніе, но само оно сознается только тогда, когда мы направимъ вниманіе на свойства нашего слова. Его можно сравнить съ глазомъ, который самъ себя не видитъ. Оно никогда не бываетъ даже временною цѣлью мысли. Оно не существуетъ до возникновенія нового слова. Напротивъ, общее значеніе слова есть именно то, что сознается въ словѣ и посредствомъ слова. Оно есть всегда цѣль мысли, хотя и времененная, ибо непосредственную цѣльность для пасыть имѣть только конкретное, и отвлеченія создаются лишь ради разработки этого конкретного и подчиненія его мысли. Какъ скоро общее значеніе есть въ словѣ, то существование его чинъко не зависитъ отъ появленія слѣдующаго слова. Большая разница между возникновеніемъ безсознательного представления такой-то формы тѣла при образованіи слова початокъ, колось кукурузы, отъ початокъ, верегено пряжи, и между существованіемъ въ сознаніи качества напр. бѣлья, которое примѣняется къ частному явлению въ блокѣ. Отыскивая корни нашихъ словъ при помощи списковъ санскритскихъ глаголовъ, мы сводимъ все въ языкъ на этотъ послѣдній случай, забывая при этомъ, что еслибы даже действительно общее значеніе этихъ глаголовъ не было выдумано, еслибы оно точно предполагалось значеніемъ нашихъ словъ, то глаголы эти, будучи продуктомъ сильного отвлечения, въ свою очередь имѣли корни, содержаніе коихъ въ концѣ концовъ должно было состоять изъ чувственныхъ воспиріатій, стало быть, напр. не изъ общаго качества быстроты, а изъ отраженія определенного явленія: быстро летящей птицы, быстро падающаго камня и т. п. т. е. не изъ сознательного отвлечения, а изъ материала для отвлечения. Можно думать только, что въ сравнительно поздній періодъ образования грамматическихъ формъ изъ этого хаотического значения словъ выдѣлилось значение дѣятельности, такъ или иначе приписываемой своему производителю.

IV.

Г р а м м а т и ч е с к і я ф о� м ы .

Определение слова, какъ звукового единства съ виѣшней стороны и единства представлениія и значенія съ внутренней, безъ дополненій примѣнно только къ языкамъ простѣйшаго строенія. Приводя въ примѣръ слово *верста*, мы оставили въ сторонѣ то обстоятельство, что оно не только значить напр. длину въ 500 саженей, но одновременно съ этимъ есть существительное женскаго рода, въ именительномъ падежѣ единственнаго числа. Подобное слово заключаетъ въ себѣ указаніе на извѣстное содержаніе, свойственное только ему одному, и вмѣстѣ съ тѣмъ указание на одинъ или нѣсколько общихъ разрядовъ, называемыхъ грамматическими категоріями, подъ которыхъ содержаніе этого слова подводится наравнѣ съ содержаніемъ многихъ другихъ. Указаніе на такой разрядъ опредѣляетъ постоянную роль слова въ рѣчи, его постоянное отношеніе къ другимъ словамъ. «*Верста*», въ какомъ бы ни было значеніи и всякое другое слово съ тѣми-же суффиксами, будучи существительнымъ, само по себѣ не можетъ быть сказуемымъ, будучи именительнымъ, можетъ быть только подлежащимъ, приложеніемъ или частью сложнаго сказуемаго и т. д. Изъ ближайшихъ значеній двоякаго рода, одновременно существующихъ въ такомъ словѣ, первое мы назовемъ частнымъ и лексическимъ, значеніе втораго рода—общимъ и грамматическимъ. Ближайшее значеніе первого рода мы прежде называли формальнымъ, по отношению къ значенію дальнѣйшему; но по отношению къ грамматическимъ категоріямъ само это формальное значеніе является вещественнымъ. По такому значенію слово какъ *верста* назовемъ вещественнымъ и лексическимъ. Кроме такихъ словъ въ Арийскихъ языкахъ есть другія, которые не имѣютъ своего частнаго содержанія и не бываютъ самостоятельными частями рѣчи. Вся суть ихъ

въ томъ, что они служатъ указателями функций другихъ словъ и предложенийъ. Нерѣдко слова эти лишены даже звуковой самостоятельности (пó—воду, знаешь ли), такъ что могутъ называться словами лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ суффиксы и предлоги, считаемые слитными, суть слова. Такія слова называются чисто-формальными и грамматическими. Ихъ можно также назвать служебными, противополагая вещественнымъ («зnamенательнымъ»), какъ главнымъ, на содержаніи которыхъ сосредоточенъ весь интересъ мысли; но при этомъ не слѣдуетъ смѣшивать принятаго нами дѣленія словъ на лексическая и формальная сть дѣленіемъ на знаменательные и служебные въ томъ видѣ, въ какомъ оно у г. Буслаева (Гр. §§ 138, 159). Къ служебнымъ словамъ, означающимъ «отвлеченные понятия и отношения» г. Буслаевъ относить, кромѣ предлога и союза, еще числительные, мѣстоименія, мѣстоименія нарѣчія и вспомогательные глаголы. Основаній дѣленія здѣсь два: отвлеченность и значеніе отношений (формальность); но не всякая отвлеченность есть формальность, такъ что въ сущности здѣсь смѣшаны два дѣленія. Число есть одно изъ высшихъ отвлеченій, но числительное не есть слово формальное: въ языкахъ простѣйшаго строенія оно не имѣть никакихъ грамматическихъ опредѣленій, какъ дѣтское «цаца, вава;» въ языкахъ Арийскихъ оно заключаетъ въ себѣ, а не предполагаетъ только въ прошедшемъ, какъ лексическая такъ и формальная стихія, т. е. имѣть и свое специальное содержаніе и отношеніе къ грамматической категоріи существительного, прилагательного, нарѣчія, рода, падежа, числа и пр. Тоже слѣдуетъ сказать о мѣстоименіи. Не требуетъ доказательства то, что въ тотъ, этотъ мы различаемъ указаніе, какъ частное содержаніе этихъ словъ, и грамматическую форму: родъ, число и пр. Мѣстоименія, кромѣ нѣкоторыхъ случаевъ, означаютъ не отношения и связи, а явленія и воспріятія, но обозначаютъ ихъ не посредствомъ признака, взятаго изъ круга самыхъ воспріятій, а посредствомъ отношенія къ говорящему, т. е. не ка-

чественно, а указательно. Что до личныхъ мѣстоименій, то они, смотря по присутствію, или отсутствію грамматическихъ формъ въ языке, могутъ быть или только вещественными словами, или — то вещественно-формальными, какъ и указательный тотъ, этотъ, то чисто-формальными. Объ этомъ, а равно и о вспомогательныхъ глаголахъ будетъ сказано ниже. Здѣсь ограничусь ссылкою на Штейнталя (Gram. Log. u. Psych. § 128). Если нарѣчія отмѣстоименные служебны потому, что образованы отъ словъ припятыхъ за служебныя, то почему не отнесены къ служебнымъ нарѣчіямъ числительнымъ? Если это не недомовка, то что такое значитъ служебность? Во всякомъ случаѣ не формальность въ нашемъ смыслѣ. Въ мѣстоименныхъ нарѣчіяхъ формально не то, что они указательно означаютъ «качество» (какъ, такъ), «количество» (сколько столько), «место» (гдѣ, тамъ), «время» (когда, тогда) (Буслаева Гр. § 160 2), а то, что они суть нарѣчія, т. е. что они, въ качествѣ особаго члена предложения, равносильны дѣепричастіямъ и нарѣчіямъ отъ другихъ качественныхъ (не мѣстоименныхъ) словъ. Это слова столь-же вещественные, какъ верста и т. п. Потеря склоняемости не связана въ нихъ съ уничтоженіемъ специального значенія, какъ въ предлогахъ и союзахъ, а есть только средство обозначенія категоріи нарѣчія.

Формальная часть слова, по строенію, сходна съ словами чисто-вещественными. Грамматическая форма тоже имѣть или предполагаетъ три элемента: звукъ представленіе и значеніе. Такъ напр. суффиксы: Брс.—енокъ, Mr. енко, образующіе отечественные и фамильные имена, предполагаютъ дѣйствительно существующіе однозвучные съ ними или близкіе къ нимъ суффиксы съ значеніемъ уменьшительности. Отечественность (патронимичность) въ нихъ сравнена съ уменьшительностью, фамильность съ отечественностью, и каждое изъ этихъ сравненій основано на признакѣ, общемъ его членамъ, признакѣ, который по отношению къ значенію есть представленіе. Какъ бы ни было трудно здѣсь и вообще от-

дѣлить представлени€ оть предшествующаго значенія, мы, основываясь на случаяхъ, гдѣ эти величины явствен-но различаются, можемъ быть увѣрены, что они и здѣсь различны. Въ каждомъ изъ приведенныхъ суффиксовъ можно различить по три составные части, въ свою оче-редь подлежащія такому-же разбору.

Не смотря на такую сложность внутренняго строе-нія вещественно-формальныхъ словъ въ Арийскихъ язы-кахъ, въ словахъ этихъ есть единство значенія по край-ней мѣрѣ въ нѣкоторомъ смыслѣ. Моменты веществен-ный и формальный различимы для насъ не тогда, когда говоримъ, а лишь тогда, когда дѣлаемъ слово предме-томъ наблюденія. На мышленіе грамматической формы, какъ бы она ни была многосложна, мы затрачиваемъ такъ мало новой силы, кромѣ той, какая нужна для мышленія лексического содержанія, что содержаніе это и грамматическая форма составляютъ какъ бы одинъ актъ мысли, а не два, или болѣе, и живутъ въ созна-ніи говорящаго, какъ недѣлимая единица. Говорить на формальномъ языке, каковы Арийские, значитъ систематизировать свою мысль, распредѣляя ее по извѣстнымъ отдѣламъ. Эта первоначальная классификація образовъ и понятій, служащая основаніемъ позднѣйшей умышленной и критической, не обходится намъ, при пользованіи фор-мальнымъ языкомъ, почти ни во что. По этому свойству сберегать силу слова арийскихъ языковъ есть весьма со-вершенное орудіе умственного развитія: остатокъ силы, сбереженной словомъ, неизбѣжно находить себѣ другое примѣненіе, усиливая наше стремленіе возвыситься надъ ближайшимъ содержаніемъ слова. Нашъ ребенокъ, до-шедший до правильнаго употребленія грамматическихъ формъ, при всей скучности вещественного содержанія своей мысли, въ нѣкоторомъ отношеніи имѣетъ преиму-щество предъ философомъ, который пользуется однимъ изъ языковъ менѣе удобныхъ для мысли:

Есть языки, въ коихъ подведеніе лексического со-держанія подъ общія схемы, каковы предметъ и его пространственныя отношенія, дѣйствіе, время, лицо и пр.

требуетъ каждый разъ новаго усилія мысли. То, что мы представляемъ формою, въ нихъ является лишь содержаниемъ, такъ что грамматической формы они вовсе не имѣютъ. Въ нихъ напр. категорія множествен. числа выражается словами «много», «все», времени—словами какъ—«когда-то», «давно», отношенія, обозначаемыя у насъ предлогами,—словами, какъ «задъ», «спина» напр. *a* спина *b=a* за *b*. Тоже въ словообразованіи. Есть, положимъ, тема для вещественнаго значенія «спасти». Чтобы образовать погм. agentis «спаситель», нужно къ этой темѣ присоединить «человѣкъ»: спасти—человѣкъ (*retten—mensch*). Такъ прибавка материального слова «вещь» образуетъ имя дѣйствія (спасти вещь, *retten—sache=спасеніе*), прибавка словъ «место», «орудіе»—имена мѣста, орудія. (Humb. ueb Verschied. etc 260, Steinth. Charakterist. 317—8). Хотя въ тѣхъ-же языкахъ могутъ быть и болѣе совершенные способы обозначенія категорій, но тѣмъ не менѣе для нихъ характеристично то, что въ нихъ слово, существующее обозначать отношение, слишкомъ тяжеловѣсно по содержанию, что оно слишкомъ часто заключаетъ въ себѣ указаніе на образъ или понятіе, чуждыя главному содержанію, усложняющіе это содержаніе прибавками, не нужными съ нашей точки зреянія, уклоняющіе мысль отъ прямаго пути и замедляющіе ея теченіе.

Арійскіе языки представляютъ лишь случаи мнимаго сходства съ вещественнымъ обозначеніемъ категорій. Конечно, мы говоримъ напр. «на лицевой сторонѣ дома», но въ такомъ случаѣ мы останавливаемся на значеніи «лицевая сторона», какъ на содержаніи, коего форму, отношение къ «дому» выражаемъ невещественными флексиями. Въ Болгарскомъ вмѣсто нашего по встрѣчаемъ въ одномъ значеніи слѣдъ (слѣдъ смерть покаяніе-то не быва), въ другомъ—според, куда входитъ слово рядъ (според поп—ат и приход—ат); вмѣсто за—зад: зад—вратѣ-та=за ворота, за воротами. Но слѣд, зад, употребленные въ формальномъ значеніи предлоговъ, вовсе не тождественны съ подобнозвучными веще-

ственными словами, а только образованы изъ нихъ. Это образование и состояло въ низведеніи вещественныхъ словъ къ такому значенію, которое не вводить мысли въ лишнія затраты и не отвлекаетъ ее отъ предмета. Въ Болгарскихъ предлогахъ слѣдъ, задъ также не мыслится указаніе на предметы слѣдъ, задъ, какъ въ предлогѣ подъ—печной или другой какой-либо подъ. Впрочемъ известно, что формальные языки образуютъ свои формы изъ вещественныхъ словъ не столько качественныхъ, сколько указательныхъ.

V.

Почемъ узнается присутствіе грамматической формы
въ данномъ словѣ?

Грамматическая форма есть элементъ значенія слова и однородна съ его вещественнымъ значеніемъ. Поэтому на вопросъ, «должна ли известная грамматическая форма выражаться особымъ звукомъ» можно отвѣтить другимъ вопросомъ: всегда-ли создание нового вещественного значенія слова при помощи прежняго влечеть за собою измѣненіе звуковой формы этого послѣдняго? И наоборотъ: можетъ-ли одно измѣненіе звука свидѣтельствовать о присутствіи новой грамматической формы, нового вещественного значенія? Конечно нѣтъ. Выше мы нашли многозначность словъ понятіемъ ложнымъ: гдѣ два значенія, тамъ два слова. Послѣдовательно могутъ образоваться одно изъ другаго десятки вещественныхъ значеній при совершенной неизмѣнности звуковой формы.

Тоже слѣдуетъ сказать о грамматическихъ формахъ: звуки, служившіе для обозначенія первой формы, могутъ не измѣняться и при образованіи послѣдующихъ. При этомъ можетъ случиться, что эти послѣднія собственно для себя въ данномъ словѣ не будуть имѣть никакого

звукового обозначения. Такъ напр. въ глаголѣ мы различаемъ совершенность и несовершенность. Господство этихъ категорій въ современномъ Русскомъ языке столь всеобще, что нѣтъ ни одного глагола, который бы не относился къ одной изъ нихъ. Но появленіе этихъ категорій не обозначилось никакимъ измѣненіемъ прежнихъ звуковъ: дати и даяти имѣли туже звуковую форму и до того времени, когда первое стало совершеннымъ, а второе несовершеннымъ. Есть значительное число случаевъ, когда глаголы совершенный и несовершенный по вѣшности ничѣмъ не различаются: женить, настоящее женю (несов.), и женить, будущ. женю (соверш.), суть два глагола, различные по грамматической формѣ, которая въ нихъ самихъ, отдельно взятыхъ, не выражена ничѣмъ, такъ какъ характеръ и сохраняетъ въ нихъ свою прежнюю функцию, не имѣющую отношения къ совершенности и несовершенности.

Вещественное и формальное значение данного слова составляютъ, какъ выше сказано, одинъ актъ мысли. Именно потому, что слово формальныхъ языковъ представляется сознанію однимъ цѣлымъ, языкъ столь мало дорожитъ его стихіями, первоначально самостоятельными, что позволяетъ имъ разрушаться и даже исчезать безслѣдно. Разрушеніе этого обыкновенно въ Арийскихъ языкахъ начинается съ конца слова, гдѣ преимущественно сосредоточены формальные элементы. Но «Лат. servus осталось тѣмъ-же словомъ (съ тѣмъ же значеніемъ сущ. именит. ед. м. р.) и послѣ того, какъ, отбросивши окончаніе им. ед., стали говорить servi, потомъ serve; оно наконецъ понятно и въ пынѣщемъ Фр. serf» (Steinthal, Charakteristik 234). Вотъ еще примѣръ въ томъ-же родѣ. Во время единства Славянского и Латышско-Литовского языка въ именахъ мужескихъ явственно отличался именительный падежъ отъ винительного: въ единствен. числѣ именъ съ темою па-а первый имѣлъ форму а-с, второй а-м. По отдѣлѣніи Слав. языка, по еще до замѣтиаго раздѣлѣнія его на парѣчія, па мѣстѣ обоихъ этихъ окончаній стало стоять имъ самымъ въ отдельномъ

словъ потерялось виѣшнее различіе между именительнымъ и винительнымъ. Но это никакъ не значитъ, что въ сознаніи исчезла разница между падежемъ субъекта и падежемъ прямаго объекта. Многія обстоятельства, перечисленіе которыхъ отвлекло бы насъ далеко въ сторону, убѣждаютъ насъ въ томъ, что мужескій родъ болѣе благопріятенъ строгому разграничению этихъ категорій, чѣмъ женскій, единственное число болѣе чѣмъ множественное. Между тѣмъ въ то время, когда въ звуковомъ отношеніи смѣшались между собою падежи именъ и винит. ед. муж., они явственнно различались во множ. того-же рода, а въ женскомъ ед. различаются и понынѣ. Въ иѣкоторой части самихъ именъ муж. рода, смѣшившихъ звуковую форму именительного и винительного ед. ч., языкъ впослѣдствіи опять и виѣшнимъ образомъ различилъ эти падежи, придавши винительному окончаніе родительного. Въ этомъ сказалось созданіе новой категоріи одушевленности и неодушевленности, по виѣстѣ съ тѣмъ и то, что до самаго этого времени различія между именит. и винит. ед. муж. р. не исчезала изъ народнаго сознанія.

Въ Литовскомъ за не многими исключеніями, а въ Латышскомъ за исключеніемъ *it* (идеть, идутъ) суффиксъ 3-го лица въ настоящемъ и прошедшемъ потерянъ. То же и въ иѣкоторыхъ Слав. нарѣчіяхъ; но въ Латышско-Литовскомъ 3-е лицо ед. кроме того никакимъ звукомъ не отличается отъ 3 лица множ. Оставляя въ сторонѣ вопросъ, точно ли въ этихъ языкахъ потеряно сознаніе различія между числами въ 3-мъ лицѣ, можемъ утвердительно сказать, что сама категорія 3-го лица въ нихъ не потеряна, ибо это лицо, при всемъ виѣшнемъ искаженіи, отличается отъ 1-го и 2-го какъ един. такъ и множ. чиселъ.

Въ формальныхъ языкахъ есть случаи, когда звуки, указывающіе на вещественное значеніе слова, являются совершенно обнаженными съ конца. Такъ напр. въ Болг. «насиломъ можеше ми зе (букв. вѣз—*ж*), но не можеше ми да» (Памятн. и образцы нар. яз. и сл. I, 269).

Нельзя было бы думать, что зе, да суть корни, въ смыслѣ словъ, не имѣющихъ ни виѣшнихъ, ни внутреннихъ грамматическихъ опредѣлений. Это не остатки незапамятной старины, а произведенія относительно недавняго времени. Совершенно немыслимо, чтобы языкъ, оставаясь постоянно орудиемъ усложненія мысли, могъ при какихъ бы то ни было прочихъ условіяхъ въ какой либо изъ своихъ частей возвратиться къ первобытной простотѣ. Зе и да могутъ быть корнями по отношенію къ возможнымъ производнымъ словамъ, но независимо отъ этого это настоящіе инфинитивы, несмотря на отсутствіе суффикса ти. Во всякомъ случаѣ это слова съ совершенно опредѣленною грамматическою функциєю въ предложеніи.

Къ ѣтому прибавимъ, что и звуки носящіе вещественное значеніе словъ, могутъ исчезнуть безъ ущерба для самаго этого значенія. Такъ въ Бр. подъ, поди потерялось *u*, отъ которого именно и зависитъ первоначально значеніе ити. Въ Поль. *weź*. (возьми), отъ им (основная форма *jam*), осталась только небность конечной согласной предлога; небность эта могла впрочемъ произойти и отъ окончанія повелительного.

Если въ данномъ словѣ каждому изъ элементовъ значенія и соответствуетъ извѣстный звукъ, или сочетаніе звуковъ, то между звукомъ и значеніемъ въ дѣйствительности не бываетъ другой связи кромѣ традиціонной. Такъ напр. когда въ долготѣ окончанія именит. ед. ж. р. *à* находять нѣчто женственное, то это есть лишь произвольное признаніе цѣлесообразности въ факѣ, который самъ по себѣ непонятенъ. Если бы женскій родъ въ дѣйствительности обозначился краткимъ *à*, а мужскій и средній долгимъ, то толкователь съ такимъ-же основаніемъ могъ бы въ краткомъ-а видѣть женственность. Въ извѣстныхъ случаяхъ это самое женское—а можетъ стать отличиемъ сущ. м. р.: *Mr. сей собака* и сущ. сложныя, какъ *пали-вода*, *Болг. нехрани-майка* (дурной сынъ, не кормящій матери). Эти послѣднія суть сущ. м. р., хотя первая ихъ половина

не есть существительное, а вторая—существительное женское. Безъ сомнѣнія, преданіе основано на первоначальномъ соотвѣтствии звука и душевнаго движенія въ звукѣ предшествующемъ слову; но основаніе это остается неизвѣстнымъ, а если бы и было извѣстно, то само по себѣ не могло бы объяснить позднѣйшаго значенія звука. Такимъ образомъ для насъ въ словѣ все зависитъ отъ употребленія (Буслаевъ. Грам. § 7). Употребленіе включаетъ въ себя и созданіе слова, такъ какъ созданіе есть лишь первый случай употребленія.

Послѣ этого спрашивается, какъ возможно, что значеніе, все равно, вещественное, или формальное, возникаетъ и сохраняется въ теченіе вѣковъ при столь слабой поддержкѣ со стороны звука? Въ одномъ словѣ это и невозможно, но одного изолированного слова въ дѣйствительности и не бываетъ. Въ ней есть только рѣчь. Значеніе слова возможно только въ рѣчи. Вырванное изъ связи слово мертвое, не функционируетъ, не обнаруживаетъ ни своихъ лексическихъ, ни, тѣмъ болѣе, формальныхъ свойствъ, потому что ихъ не имѣеть (Humb. ueber Verschied. 206; Steinth. Charakteristik. 318—19, Буслаевъ, Грам. § 1). Слово конь въ связи не есть ни именительный, ни винительный ед., ни родительный множ.; строго говоря, это даже вовсе не слово, а пустой звукъ; но въ «кѣдѣ есть конь мой?» это есть именительный; въ «помяну конь свой», «повѣдѣ осѣдлать конь» это винительный; въ «отбѣгоща конь своихъ»—родительный· множественнаго. Рѣчь въ вышеупомянутомъ смыслѣ вовсе не тождественна съ простымъ или сложнымъ предложеніемъ. Съ другой стороны она не есть непремѣнно «рядъ соединенныхъ предложенийъ» (Буслаева Гр. § 1), потому что можетъ быть и однимъ предложеніемъ. Она есть такое сочетаніе словъ, изъ котораго видно, и то, какъ увидимъ, лишь до нѣкоторой степени, значеніе входящихъ въ него элементовъ. Такимъ образомъ «хочю ити» въ Стар. русскомъ не есть еще рѣчь, такъ какъ не показываетъ, есть ли «хочю» вещественное слово (volo), или

чисто формальное обозначение будущего времени. Итакъ,
✓ что такое рѣчь—это можетъ быть опредѣлено только
для каждого случая отдельно.

Изслѣдователь обязанъ соображаться съ упомянутымъ свойствомъ языка. Для полнаго объясненія онъ долженъ брать не искусственный препаратъ, а настоящее живое слово. Нарушеніе этого правила мы видимъ въ томъ, когда посылкою заключенія о функции слова служить не дѣйствительное слово съ однимъ значеніемъ въ вышеопредѣленномъ смыслѣ, а отвлеченіе какъ напр. въ слѣдующемъ: «Русская форма знай получаетъ въ рѣчи ~~смыслъ~~ желательный, или повелительный, или наклоненій ~~условный~~... «Изъ истинного пониманія грамматического значения формы, какъ формы, мы легко могли объяснить и тѣ частные значенія, которыхъ она можетъ имѣть въ живой рѣчи, мы поняли настоящей смыслъ и объемъ его употребленія въ языкѣ. Теперь спрашивается: имѣемъ ли мы право называть ее формою повелительного наклоненія, или желательного, или условнаго? Ровно никакого. Это значило бы отказаться отъ пониманія существеннаго грамматического ея значенія и ограничить ея разнообразное употребленіе въ рѣчи однимъ какимъ либо случайнымъ значеніемъ. И въ самомъ дѣлѣ: на какомъ основаніи эту форму мы назвали бы наклоненіемъ повелительнымъ, когда въ-же выражается въ языкѣ и желаніе, и условіе? Почему не назвать бы ее желательнымъ наклоненіемъ? Почему не назвать бы ее также наклоненіемъ условнымъ? Мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ ученыхъ, которые утверждаютъ, что этою «общую личною формою глагола» (въ этомъ ея сущность, по мнѣнію автора приводимыхъ строкъ,) выражается повелѣніе, а желаніе и условіе такъ—себѣ, какъ оттѣнки повелѣнія. Да почему же повелѣніе и желаніе не могутъ быть оттѣнками условія?» (Н. Некрасова, О значеніи формъ русскаго глагола 106). Мы видимъ, что здѣсь за истинное пониманіе формы считается не пониманіе ея въ рѣчи, где она имѣеть каждый разъ одно значеніе, т. е. говоря

точнѣе, каждый разъ есть другая форма, а попиманіе экстракта, сдѣланаго изъ пѣсколькихъ различныхъ формъ. Какъ такой препарать, «знай» оказывается не формою известнаго лица и наклоненія, а «общею личною формою». Такое отвлеченіе, а равно и вышеупомянутое общее значеніе корней и вообще «общее значеніе словъ» какъ формальное, такъ и вещественное, есть только создание личной мысли и дѣйствительно существовать въ языкѣ не можетъ. Языкоизначеніе вовсе не нуждается въ этихъ «общихъ» значеніяхъ. Въ одномъ ряду генетически связанныхъ между собою значеній напр. въ знай повелительномъ и условномъ, мы можемъ видѣть только частности, находящіяся въ известныхъ отношеніяхъ ^{бдѣнія} къ другой. Общее въ языкоизначеніи важно и объективно только какъ результатъ сравненія не отдельныхъ значеній, а рядовъ значеній, при чемъ, этимъ общимъ бываютъ не сами значенія, а ихъ отношенія. Въ этихъ случаѣахъ языкоизначеніе доводитъ до сознанія тѣ аналогіи, которымъ слѣдуетъ безсознательно творчество языка. Напр. когда мы говоримъ, что подобенъ въ значеніи приличенъ, красивъ, аналогично съ пригожъ, то мы не утверждаемъ ни того, что пе=при или доба=годъ, ни выводимъ общаго изъ значеній этихъ словъ, а признавая эти слова различными величинами и, не пытаясь добыть изъ нихъ среднее число, поступаемъ по формулы: а: b=c: d т. е. уравниваемъ не значенія, а способъ ихъ перехода въ другія.

Но вышеупомянутому автору въ «знай» кажется существеннымъ только то, что есть его личная выдумка, именно что это «общая личная форма». Конечно, можно бы и не говорить объ этомъ заблужденіи, если бы для насъ оно не представляло опасности и въ настоящее время. Мы не можемъ сказать, какъ Г. Курціусъ: «никто не станетъ теперь, какъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, выводить употребленіе падежа или наклоненія изъ основнаго понятія, получаемаго отчасти философскимъ путемъ, посредствомъ примѣненія категорій. Теперь врядъ-ли кто либо упустить изъ виду то, что подобныя

основныя понятія суть лишь формулы, добытыя посредствомъ отвлеченія изъ совокупности оттѣнковъ употребленія (Zur Chronologie d. Indogerm. Sprachforsch. 10).

Г. Некрасовъ думаетъ, что вышеупомянутое отвлече-
ніе есть субстанція, изъ которой вытекаютъ акциден-
ціальная частная т. е. по нашему единственная дѣй-
ствительная значенія, и что, отказываясь отъ своей вы-
думки, онъ потеряетъ связь между этими частными зна-
ченіями и долженъ будетъ ограничиться однимъ изъ
нихъ, отбросивши всѣ остальные. Дѣйствительно, невоз-
можнo представить себѣ, что такъ называемая частная
значенія сидятъ въ звукѣ вмѣстѣ и въ одно время, что
быть вмѣстѣ и именит. и винит., что знай есть
повелительное и въ тоже время условное. Но стараться
понимать форму какъ форму т. е. саму себѣ значить
создавать небывалая въ дѣйствительности и непреодо-
лимая затрудненія. Слово въ каждый моментъ своей
жизни есть одинъ актъ мысли. Его единство въ фор-
мальныхъ языкахъ не нарушается тѣмъ, что оно отно-
сится разомъ къ нѣсколькимъ категоріямъ напр. лица,
времени, наклоненія. Невозможно совмѣщеніе въ од-
номъ приемѣ мысли лишь двухъ взаимно исключающихъ
себя категорій. Слово не можетъ стоять въ повелитель-
номъ наклоненіи и въ тоже время въ условномъ, но
оно можетъ стать условнымъ и тогда оно станетъ другимъ
словомъ. Одно и тоже слово не можетъ быть въ тоже
время нарѣчиемъ и предлогомъ, нарѣчиемъ и союзомъ, и
если говорятъ, что разница между этими словами состо-
итъ лишь въ ихъ синтаксическомъ значеніи (Mikl. Verg.
Gr. IV, 151), то это лишь только пѣвидимому мало, а
въ сущности заключаетъ въ себѣ почти все различіе,
какое только можетъ существовать между словами, имѣю-
щими грамматическія формы.

Различныя невыдуманныя значения однозвучныхъ
словъ того-же семейства относятся другъ къ другу не какъ
общее и существенное къ частному и случайному, не какъ
цвѣть и оттѣнокъ, а какъ равно частные и равно су-
щественные предъидущія и послѣдущія, какъ равно само-

стоятельные цвѣта, смыняющіе другъ друга въ подвижной картинѣ мысли. Жизнь словъ, генетически связанныхъ между собою, можно представить себѣ, если это нужно, въ видѣ родословнаго дерева, въ коемъ отецъ не есть субстанція, а сынъ не акциденсъ, въ коемъ нѣтъ такого средоточія, отъ разъясненія котораго зависѣло бы все. Безъ предыдущаго слова не могло бы быть послѣдующаго, которое однако изъ одного предыдущаго никакимъ средствомъ выведено быть не можетъ, потому что оно не есть преобразованіе готовой математической формулы, а нѣчто совершенно новое.

Если не захотимъ придать слову рѣчъ слишкомъ широкаго значенія языка, то должны будемъ сказать, что и рѣчи въ значеніи извѣстной совокупности предложеній недостаточно для пониманія ходящаго въ нее слова. Рѣчь въ свою очередь существуетъ лишь какъ часть большаго цѣлага, именно языка. Для пониманія рѣчи нужно присутствіе въ душѣ многочисленныхъ отношеній данныхъ въ этой рѣчи явленій къ другимъ, которыхъ въ самый моментъ рѣчи остаются, какъ говорятъ, «за порогомъ» сознанія, не освѣщаясь полнымъ его свѣтомъ. Употребляя именную или глагольную форму, я не перебираю всѣхъ формъ составляющихъ склоненіе, или спряженіе; но тѣмъ не менѣе данная форма имѣть для меня смыслъ по мѣсту, которое она занимаетъ въ склоненіи или спряженіи (Humb. чеб Versch. 261). Это есть требование практическаго знанія языка, которое, какъ извѣстно, совмѣстимо съ полнымъ отсутствиемъ знанія научнаго. Говорящій можетъ не давать себѣ отчета въ томъ, что есть въ его языкѣ склоненіе, но тѣмъ не менѣе склоненіе въ немъ дѣйствительно существуетъ въ видѣ болѣе тѣсной ассоціаціи извѣстныхъ формъ между собою, чѣмъ съ другими формами. Безъ своего вѣдома говорящій при употребленіи данного слова принимаетъ въ соображеніе то большее, то меньшее число рядовъ явленій въ языкѣ. Напр. въ Русскомъ литературномъ языкѣ творит. п. ед. находится въ равномѣрной связи

съ другими надеждами того же склоненія и въ частности не стремится вызвать въ сознаніе ни одного изъ нихъ, такъ какъ явственно отличается отъ всѣхъ ихъ и въ звуковомъ отношеніи. Но въ Латышскомъ этотъ надеждъ не имѣеть особаго окончанія и совпадаетъ въ единствен. числѣ съ винительнымъ, а въ множ. съ дательн. Было бы ошибочно думать, что этотъ языкъ вовсе не имѣеть категоріи творительного или, точнѣе говоря, группы категорій обозначаемыхъ именемъ творительного. Вслѣдствіе звукового смѣщенія творительного съ винительнымъ въ единственномъ, говорящій былъ бы наклоненъ смѣшивать въ одну группу категоріи творительного и винительного; но безсознательно справляясь со множественнымъ числомъ, подъ звуковою формою винительного множественного онъ не находитъ значеній, которыхъ мы обозначаемъ именемъ творительного, и отыскиваетъ эти значенія подъ звуковою формою дательного множ. ч. Такимъ образомъ въ говорящемъ по-латышски особенность категоріи творительного поддерживается посредствомъ болѣе тѣсной ассоціаціи между единственнымъ и множественнымъ числами, чѣмъ въ Русскомъ.—Когда я говорю: «я кончилъ», то совершенность этого глагола сказывается мнѣ не непосредственно звуковымъ его составомъ, а тѣмъ что въ моемъ языкѣ есть другая подобная форма «кончалъ», имѣющая значеніе несовершенное. Тоже и наоборотъ. Случай, въ которыхъ совершенность и несовершенность приурочены къ двумъ различнымъ звуковымъ формамъ, поддерживаютъ въ говорящемъ наклонность различать эти значенія и тамъ, где они неразличены звуками. Слѣдовательно, говоря «женю» въ значеніи ли совершенномъ, или несовершенномъ, я нахожусь подъ вліяніемъ рядовъ явлений, образцами которыхъ могутъ служить кончаю и кончу. Чѣмъ совершеніе становится средства наблюденія, тѣмъ болѣе мы убѣждаемся, что связь между отдельными явленіями языка гораздо тѣснѣе, чѣмъ кажется. Въ каждый моментъ рѣчи наша самодѣятельность направляется всею массою прежде созданного языка, при чѣмъ конечно существу-

етъ разница въ степени влінія однихъ явлений на другія. Такъ, говоря «кончилъ» и «кончаль», я замѣтнымъ образомъ не подчиняюсь дѣйствію того отношенія между коньчили и коньчати въ Стар. Русскомъ, которое сказывается въ томъ, что не только аористъ коньчахъ, коньчаша, но и коньчати, коньчавъ и пр. мы принуждены переводить на наши совершенныя формы: окончилъ, окончить, окончивши.

VI.

Формы этимологическая и синтаксическая.

Сказанное выше о томъ, что нѣть формы, присутствіе и функція коей узнавались бы не иначе какъ по смыслу, т. е. по связи съ другими словами и формами въ речи и языкѣ, заставляетъ думать, что нижеслѣдующее раздѣленіе формъ на **этимологическая и синтаксическая**, хотя и имѣеть въ основаніи дѣйствительное явленіе, но выражено сбивчиво и понимается ошибочно. Намъ говорять, что «всѣ языки (т. е. флексивные) съ теченіемъ времени теряютъ или же искажаютъ этимологическія формы» и что недостатокъ ихъ восполняются формами «синтаксическими—описательными, откуда явствуетъ, что въ исторіи языковъ первоначальное господство этимологіи уступаетъ мѣсто послѣдующему за нимъ господству синтаксиса, и притомъ синтаксиса въ его позднѣйшемъ видѣ, когда онъ основывается уже не на первоначальной этимологической формѣ, а на отвлеченному понятіи, ю выражаемомъ» (Буслаевъ, Гр. § 117). Взглядъ на различіе формъ этимологическихъ и синтактическихъ зависитъ конечно отъ того, какъ понимать вообще дѣленіе грамматики на части. Г. Буслаевъ смотрѣть на это такимъ образомъ. Во-первыхъ, Грамматика, по его мнѣнію, есть наука о языкахъ (§ 18), а не о формахъ только. Впрочемъ, здѣсь онъ самъ противорѣчить своему опредѣленію, потому что посвящаетъ свою грамматику только

формамъ, а не лексическому составу языка, да и въ томъ же параграфѣ, вслѣдь за приведеннымъ определениемъ, говоритъ, что грамматика «отдѣльная грамматическая формы подводить подъ общіе законы». Во-вторыхъ, Грамматику, именно какъ ученіе о формѣ языка, онъ дѣлить «на этимологію, или словопроизведеніе и синтаксисъ, или словосочиненіе. Первая разматриваетъ каждое слово въ отдѣльности, вторая разматриваетъ слова во взаимномъ ихъ сочетаніи въ предложенияхъ простыхъ и сложныхъ». «Такъ какъ значеніе частей рѣчи и ихъ измѣнений опредѣляется въ синтаксической связи словъ, то этимологія не входитъ въ разсужденія объ этомъ предметѣ и ограничивается только звуковою частью реченій. Она разматриваетъ сначала свойства звуковъ, потомъ образованіе словъ помощью производства и сложенія и наконецъ измѣненія словъ по склоненіямъ и спряженіямъ; синтаксисъ же объясняетъ значеніе и употребленіе частей рѣчи и ихъ измѣнений... Такимъ образомъ этимологія и синтаксисъ отдѣльно изслѣдуютъ то, что въ языкѣ существуетъ въ совокупности, именно членораздѣльные звуки и мысли, ими выражаемыя. Первое составляетъ предметъ этимологіи, второе—синтаксиса» (Гр. § 18).

При такомъ пониманіи этимологіи не вѣрно сказано, будто она разматриваетъ каждое слово въ отдѣльности; очевидно, слѣдовало сказать: слово независимо отъ его роли въ предложеніи, потому что когда мы говоримъ: въ древне-славянскомъ языкѣ ни одно слово не оканчивалось на согласную, то конечно здѣсь рѣчь не объ отдѣльномъ словѣ. Это впрочемъ неточность выраженія; во и съ самимъ дѣленіемъ согласиться нельзя. Въ немъ на долю этимологіи выпали одни звуки, такъ что эта часть грамматики согласно съ определениемъ должна бы быть названа фонетикой. Однако г. Буслаевъ на практикѣ не слѣдуетъ своему определенію. Напр. что можно бы сказать о неопределенномъ на ти, совершенно отвлекаясь отъ «мысли»?—Что конечная гласная и предъидущее ей *t* по нарѣчіямъ измѣняются такъ-то, что

древнейшее данное ихъ произношеніе такое-то, а вѣроятное, открываемое известными соображеніями такое-то, что согласная предъ *т* измѣняется такъ-то, или не измѣняется. Однимъ словомъ, съ чисто-фонетической точки зрѣнія неопределенное на ти совершенно исчезаетъ, остаются только отношенія звуковъ. То-ли говорить г. Буслаевъ объ этой формѣ въ отдѣлѣ словообразованія? — «Неопределенное иаклоненіе есть существительное отъ глагола произведенное» (§ 51). Развѣ это полное отвлеченіе отъ мысли? Можно бы сказать въ предѣлахъ этимологіи и больше, напр. опредѣлить падежъ, въ которомъ заключено это существительное, и показать, какъ случилось, что именно этотъ падежъ повелъ къ нашей формѣ. Здѣсь не личная непослѣдовательность г. Буслаева. О подобныхъ вещахъ говорять и другіе въ отдѣлѣ этимологіи, потому что этимологія не фонетика. Конечно, можно въ ней ограничиться перечисленіемъ окончаній, но это перечисленіе не есть объясненіе, стало быть вовсе не часть науки. Послѣ того, какъ сказано въ фонетикѣ, что есть въ языкѣ *т* и *и*, что они сочетаемы, что д передъ *т* — *с*, для какой надобности еще повторять, что есть нѣкое ти, напр. вести, брести?

Допустимъ, что этимологія «ограничивается только звуковою частью реченій». Какой смыслъ имѣть при этомъ раздѣленіе формъ на этимологическія и синтаксическія? Почему это напр. «окончанія склоненій разматриваются въ этимологіи», а «составъ описательной формы склоненій (одинъ членъ напр. *le*, или членъ съ предлогомъ напр. *du=de-l*) принадлежитъ синтаксису» (§ 168)? Развѣ описательной формы нельзя разматривать со стороны однихъ звуковъ? Развѣ, узко понимая этимологію, какъ перечень звуковыхъ указаний на формы безъ ихъ объясненія, послѣдовательно опускать въ этомъ перечнѣ указанія, не составляющія звукового единства напр. буду дѣлать? Вѣдь отдѣльно взятая буду и дѣлать указываютъ вовсе не на-то, на что ихъ сочетанія. Если непослѣдовательно, то почему буду дѣлать есть форма синтаксическая?

Но, какъ сказано, содержаніе этимологіи другое. Вся область изученія языка наиболѣе естественно дѣлится на фонетику, разсматривающую внѣшнюю форму слова, звуки, предполагая ихъ знаменательность, но не останавливаясь на ней, и учение о значеніи, въ которомъ, наоборотъ, вниманіе сосредоточено на значеніи, а звуки только предполагаются. Значеніе словъ, въ той мѣрѣ, въ какой оно составляетъ предметъ языкоznанія, можетъ быть названо внутреннею ихъ формою, въ отличіе отъ внѣшней звуковой, иначе—способомъ представлениія внѣязычного содержанія. Съ такой точки зрењія въ языкѣ нѣтъ ничего кромѣ формы внѣшней и внутренней (Steinth. Gr. Log. u. Ps.). Но извѣстные языки въ области своей внутренней формы дѣлаютъ различие между представлениемъ содержанія и представлениемъ формы, въ какой оно мыслится. Этому въ языкоznаніи соответствуетъ учение о значеніи въ тѣскомъ смыслѣ, или о вещественномъ значеніи и учение о грамматическихъ формахъ. Каждое изъ этихъ двухъ дѣленій можетъ рассматриваться съ двухъ точекъ: этимологической и синтаксической. Будетъ-ли передъ нами вещественное, или формальное значеніе слова, мы равно а) или опредѣляемъ его, что возможно только изъ контекста, изъ сочетанія его съ другими—точка синтаксическая; б) или изыскиваемъ путь, которымъ языкъ дошелъ до этого значенія—точка этимологическая. Въ послѣднемъ случаѣ мы непремѣнно переходимъ за предѣлы данного слова, или формы, напр. показывая, чѣмъ было неопредѣленное наклоненіе, прежде чѣмъ само собою, мы говоримъ не о немъ, а о другихъ формахъ. Конечно, слова предшествующія по отношенію къ данному, тоже должны быть опредѣлены синтаксически и если это не дѣлается, то предполагается сдѣланіемъ. Такимъ образомъ этимологія и синтаксисъ относятся другъ къ другу какъ исторія и описаніе современного состоянія; послѣднее объясняется первымъ. То, что по отношенію къ данному слову есть этимологія, то по отношенію къ предшествующему—синтаксисъ. Точки

зрѣнія этиологическая и синтаксическая примѣняются и къ фонетикѣ, хотя здѣсь не носять этихъ названій и хотя здѣсь менѣе побужденій держать ихъ раздѣльно, по большей простотѣ предмета. И въ области значеній строгое раздѣленіе этиологии и синтаксиса врядъ-ли возможно.

Чѣмъ далѣе идетъ наука и чѣмъ яснѣе становится связь моментовъ жизни языка, тѣмъ менѣе нужнымъ кажется въ видахъ порядка и ясности далеко разносить объясненія этиологическія и синтаксическія. Такъ какъ историчность есть существенная черта языко-зnanія и такъ какъ синтаксисъ есть моментъ исторіи языка, то неисторическое языкоznanie какъ наука, не историческая этиология и исторический синтаксисъ равно не мыслимы.

Вообще условіемъ годности опредѣленія этиологии кажется, во-первыхъ, то, чтобы принято было въ соображеніе употребленіе этого слова обѣ изслѣдований вещественнаго значенія словъ, и во-вторыхъ, чтобы помѣстить этиологію въ ряду другихъ частей языкоznanія такъ, чтобы она не совпадала съ фонетикой. Такое совпаденіе было-бы доказательствомъ невѣрности опредѣленія.

Затѣмъ возвращаюсь къ вышеприведенному положенію г. Буслаева обѣ отношеніи формъ этиологическихъ и синтактическихъ и о смѣнѣ господства этиологии и синтаксиса.

Если держаться того, что этиология и синтаксисъ суть лишь двѣ различныя точки зренія на одно и тоже явленіе языка, а въ частности на грамматическую форму, то нельзя понять, почему форма, представляющая звуковое единство, имѣеть болѣе права называться этиологическою, чѣмъ форма раздѣльная, такъ называемая описательная или синтаксическая? И какъ съ возможностью разсматривать всякую форму синтактически, примирить первоначальное господство этиологии? Впрочемъ, говоря о первоначальномъ господствѣ этиологии, г. Буслаевъ разумѣеть, какъ кажется, уже не то, что формы

съ самаго начала бывають слитны, а въчто другое. Извѣстно, что напр. формамъ слитнымъ какъ Поль. знаемъ. Mr. знатиму, Серб. знаю предшествуютъ раздѣльныя знать юсмъ и пр., и что звуковое сліяніе здѣсь позже формального значенія вспомогательного слова. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что такъ бывало и въ древнѣйшія времена, т. е. напр. что формы глагола ас имѣли уже чисто формальное значеніе прежде, чѣмъ слились съ темою другаго глагола для образования аориста. Слѣдовательно, если бы здѣсь была рѣчь лишь о раздѣльности и слитности, то о времени доисторического образования формъ можно бы сказать словами г. Буслаева, только наоборотъ, что тогда господство синтаксиса смѣнилось господствомъ этимологіи. Конечно, признавая, что и въ древнѣйшія времена образованія формъ синтактическія отношенія имѣли такую же важность, какъ и теперь, хотя съ тѣхъ порь въ языке многое измѣнилось, г. Буслаевъ различаетъ два вида синтаксиса: одинъ древнѣйший, другой позднѣйший, который «основывается уже не на первоначальной этимологической формѣ, а на отвлеченнѣи понятіи ею выражаемой». И въ другомъ мѣстѣ: «синтаксическое употребленіе словъ бываетъ двоякое: 1) основанное на этимологической формѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ наглядное и 2) отступающее отъ этой формы по требованію мысли и потому отвлеченное» (§ 155). Съ такимъ раздѣленіемъ мы не можемъ согласиться; примѣры, существующіе его подкрѣпить, намъ вовсе не показываютъ его необходимости. Г. Буслаевъ говоритъ: въ древнѣйшемъ періодѣ мыслъ находится въ тѣснѣйшей связи съ этимологическою формою и потому синтаксическое употребленіе словъ основывается на этимологической формѣ, напр. числительные пять, шесть, десять, имѣющія форму существительныхъ женскаго р. ед. ч., согласовались первоначально въ этомъ родѣ и числѣ съ мѣстоименіями, прилагательными и глаголами напр. въ Юрид. Ак. (XVII в.): «та десять копенъ описана». Въ новѣйшемъ періодѣ языкъ сочетаетъ слова независимо отъ этимологической формы, на основаніи только обща-

го смысла, какой дается реченіямъ, потому напр. упомянутыя числительныя согласуются уже не въ женскомъ р. ед. ч., а въ среднемъ тогоже числа (напр. десять взято), или во множ. числѣ (напр. десять взяты), на томъ основаніи, что эти числительныя принимаются въ отвлеченному смыслѣ числа вообще» (Гр. § 116). Въ противоположность этому можно утверждать, что отношение мысли къ грамматической формѣ не похоже на то вѣрованіе, по которому душа, вылетѣвша изъ тѣла, смотрить на него какъ на сброшенную одежду, не чувствуя на себѣ его тяжести. Мысль въ формальномъ языкѣ никогда не разрываетъ связи съ грамматическими формами: удаляясь отъ одной, она непремѣнно въ тоже время создаетъ другую. Синтактическія отношенія формы всегда согласны съ нею самою: она вѣдь и узнается по этимъ отношеніямъ. Въ «десять взято», «десять взяты» мы видимъ не сочетаніе, независимое отъ этимологической формы, а совершенно иная формы сравнительно съ женскимъ десять единств. ч., формы, которая сочетаются соответственно своей природѣ. Въ говорящемъ никогда не бываетъ несогласія между формою и ея сочетаніемъ, но для наблюдателя формы и вообще значенія распадаются на двѣ группы. Одни стоять, такъ сказать, на краю горизонта, такъ что за ними ничего не видно. Таковы слова этимологически—темныя, коимъ предшествующихъ наблюдатель не знаетъ и въ коихъ именно потому онъ уже никакъ не можетъ усмотреть разлада между какимъ-либо однимъ значеніемъ и другимъ. Другія ближе къ наблюдателю, заключаются въ себѣ явственныхъ указаний на «вои предъидущія и тѣмъ даютъ наблюдателю поводъ къ ошибкѣ, состоящей въ томъ, что онъ принявши эти предъидущія за неподвижныя, лумаетъ, будто это сдѣлалъ самъ языкъ, будто въ сасомъ языкѣ водворилось несогласіе между значеніемъ и употребленіемъ, или между этимологіею и синтаксисомъ» или еще иначе, между «началомъ этимологическимъ» и «логическимъ» (Буслаевъ, Гр. § 230), при чемъ первое отождествляется съ нагляднымъ, а второе съ

отвлеченнымъ. Въ сочетаніи «надѣяться на Бога» г. Буслаевъ видѣтъ «синтаксическое сочетаніе, основанное на этимологической формѣ и первоначальномъ воззрѣніи, лежащемъ въ ея основѣ», потому что этотъ глаголь «означаетъ представленіе о положеніи чего нибудь на что нибудь» (какъ полагаться на что, или на кого); но «надѣяться чего» (какъ ожидать чего) сочетаніе, по его мнѣнію, основанное уже не на формѣ, а на отвлеченномъ понятіи, которое въ послѣдствіи было придано слову» (§ 116). «Перенесеніе слова отъ одного значенія къ другому расширяетъ смыслъ грамматической формы уже по требованію отвлеченной мысли... Ставя глаголь надѣяться въ одинъ разрядъ съ синонимомъ ожидать, уже отвлекаемъ это первое слово отъ его собственнаго наглядного значенія, опредѣляемаго этимологическимъ составомъ» (ib. § 154). Съ нашей точки приведенные примѣры представляются въ такомъ видѣ: Въ «надѣяться на что» представленіе взято изъ значенія полагаться на что. Иначе, надежда здѣсь обозначена сходствомъ съ дѣйствіемъ опирающагося на что. Предметъ, возбуждающій надежду, есть здѣсь нѣчто въ родѣ горы каменной («надѣюсь, полагаюсь какъ на каменную гору»), стѣны нерушимой, почвы подъ ногами. Въ надѣяться чего напр. награды значение измѣнилось и можетъ быть приблизительно обозначено посредствомъ ожидать чего, какъ и въ Mr. Поль. сподіватись (и архаич. сподієтись), spodziewać się съ родительнымъ, имѣющимъ здѣсь смыслъ мысленного движенія отъ предмета. Но развѣ представленіе осталось тоже? Ничуть. Оно взято изъ значенія «надѣяться», а не изъ того значенія, изъ коего въ надѣяться на... было взято представленіе надежды. Иначе: значеніе надѣяться чего обозначено сходствомъ съ тою надеждой, въ которой на первомъ планѣ не увѣренность, а ожиданіе. Это значеніе вовсе не имѣть отношенія къ «полагаться на что», ибо усмотрѣнное нами отношеніе есть отношеніе предыдущаго слова, а не этого. Въ «надѣяться чего» видимъ не расширение смысла грамматической формы «надѣяться

на», а совершенно новую грамматическую форму, которая не можетъ несогласоваться съ синтаксическимъ сочетаниемъ своимъ, потому что состоить именно въ этомъ сочетаніи съ родительнымъ. Если въ «надѣяться на что» значеніе и сочетаніе опредѣляются этимологическимъ составомъ глагола, вліяніемъ слитнаго предлога, то развѣ не слѣдуетъ назвать этимологическимъ составомъ того обстоятельства, что въ надѣяться чего предлогъ на лишенъ прежней функции, благодаря чему стало возможно сочетаніе глагола съ родительнымъ? Не мудрено, что въ этомъ сочетаніи нѣтъ согласія съ предыдущею, со всѣмъ другою грамматическою формою.

И въ какомъ отношеніи наша ошибка можетъ быть характеристична для позднѣйшаго языка? Безъ сомнѣнія, всякое послѣдующее слово есть болѣе сложное произведеніе, чѣмъ предшествующее, именно потому, что послѣднее нужно для первого, а не наоборотъ. Справедливо также, что мы отчасти можемъ измѣрить степень сложности двухъ значеній, принадлежащихъ даже къ различнымъ рядамъ. При этомъ подъ сложностью значеній мы разумѣемъ сложность, такъ сказать, лѣсовъ и подмостокъ, нужныхъ для сознанія значенія съ такойто точки зрѣнія. Такъ напр. значеніе словъ сѣрый, бѣлый очевидно образовалось менѣе извилистымъ путемъ, чѣмъ многія обстоятельственные названія цвѣтовъ въродѣ «иаваринскаго дыму съ пламенемъ», названія, которыхъ весьма часто, если не всегда, суть не излишне синонимы, но доводятъ до сознанія до того времени не замѣчаемыя оттѣнки и смѣщенія цвѣтовъ. Но, во-первыхъ, такого рода сложность послѣдующаго вещественнаго значенія не есть непремѣнно отвлеченностъ сравнительно съ предыдущимъ. Нынѣшняя ландшафтная живопись, именно въ силу своей большой сложности, какъ продукта мысли, сравнительно съ живописью предшествующихъ вѣковъ, по содержанію болѣе конкретна, чѣмъ эта послѣдняя. Почему же того же не можетъ быть и въ языкахъ? И действительно оказывается, что въ словѣ мы можемъ сознавать и сравнительно конкретное по-

средствомъ значеній сравнительно отвлеченныхъ, а не только наоборотъ. Во-вторыхъ, грамматическая форма, въ качествѣ отношенія, есть всегда нечто отвлеченное. Поэтому сравненіе грамматическихъ формъ между со-бою относительно отвлеченности покажетъ намъ только различие въ степени, если еще покажетъ, а не различіе коренное. Отношеніе глагола къ объекту въ «надѣяться на Бога», по мнѣнію г. Буслаева, наглядно, а въ надѣяться награды отвлеченно «по требованію мысли» (§ 155), какъ будто въ первомъ случаѣ мысль ничего не требовала; но возврѣніе, лежащее въ основаніи первой формы, не «первоначально» въ безусловномъ смыслѣ уже потому, что вообще форма не есть въ язы-кѣ явленіе первоначальное. Эта форма предполагаетъ другія формы, еще болѣе первоначальные, по отношенію къ которымъ она могла бы быть названа отвлеченною. Слѣдовательно, если мы раздѣлимъ языкъ на два періо-да: предшествующій—значеній конкретныхъ и послѣдую-щій—значеній абстрактныхъ, то мы ничего не выигра-емъ, если не покажемъ, съ какой именно точки начи-нается наша абстрактность, и если не докажемъ, что опредѣленная нами точка выбрана не произвольно. Впро-чемъ, г. Буслаевъ противополагаетъ абстрактности не конкретность, а изобразительность: «въ исторіи языка періодъ изобразительного представлѣнія предшествуетъ періоду отвлеченныхъ понатій». (§ 156). Но изобрази-тельность въ словѣ мы можемъ понимать, какъ достоин-ство способа обозначенія, а не свойства обозначаемаго. Поэтому она можетъ противополагаться не отвлеченности значенія, а только неизобразительности. Формы «на-дѣяться на Бога» и «надѣяться награды» въ нашемъ смыслѣ равно изобразительны, потому что обѣ равноМѣрно указываютъ на значеніе, каждая на свое. Неизо-разительность можетъ быть недостаткомъ личнаго язы-ка, а не народнаго. Въ послѣднемъ изобразительность, пока онъ живъ, не оскудѣваетъ, потому что она тож-дественна съ понятіемъ слова. Послѣдня, очевидно, не зависитъ отъ того, подлежитъ ли чувствамъ означаемое

или нѣть, просты ли средства обозначенія или сложны.

Возвратимся еще разъ къ оспариваемому нами положенію: «(Флексивные) языки съ теченіемъ времени теряютъ этимологическія формы, вмѣстѣ съ чѣмъ господство этимологіи смѣняется въ нихъ господствомъ синтаксиса». Противъ того, что этимологія и синтаксисъ, какъ двѣ взаимно условливающія себя точки зрѣнія, не раздѣльны, такъ что нельзя допустить строя языка выказывающаго господство этимологіи, или синтаксиса, можно возразить, что вѣдь въ Китайскомъ, какъ говорятъ, вся грамматика состоитъ въ синтаксисѣ, и этимологіи, какъ части грамматики, вовсе нѣть; что флексивные языки, повидимому, съ теченіемъ времени приближаются къ такому состоянію, что подъ господствомъ синтаксиса во флексивныхъ языкахъ разумѣются тѣ случаи, когда напр. число третьего лица въ глаголѣ, взятое отдельно отъ мѣстоименія, не указано (какъ въ Литовскомъ агѣ, ореть, оруть), или когда родъ и число существительного не обозначаются въ прилагательномъ, такъ что, какъ говорятъ, послѣднее вовсе не согласуетъ съ существительными), какъ къ Англійскомъ.

Но можно допустить, что въ китайской грамматикѣ этимологія имѣетъ лишь другой характеръ, а не отсутствуетъ. Это языкъ, хотя и формальный, но не имѣющій и никогда не имѣвшій флексій. Въ немъ слово (говорять «корень») безъ всякихъ приспособленій становится членомъ рѣчи (Steinthal. Charakter. 133). Между тѣмъ флексивный языкъ никогда не доходитъ до такого состоянія и даже не приближается къ нему. «Продолжительное существование флексій въ такомъ языкѣ, его флексивная природа уже опредѣлили известнымъ образомъ (и навсегда) направление мысли въ языкѣ (hat dem Sprachsinn seine gestalt gegeben). Между духомъ народа, говорящаго такимъ языккомъ, духомъ сформированнымъ флексивностью языка, и внѣшнимъ видомъ этого языка (отсутствиемъ флексій) существуетъ только многое несоответствіе (Hinsh. Ueber Verschied. 292—3).

Вообще разсмотрѣвши выше приведенное мнѣніе о

смѣнѣ господства этимологіи господствомъ синтаксиса, мы не беремъ себѣ изъ этого мнѣнія ничего, кроме сырыхъ фактovъ, лежащихъ въ его основаніи, именно: что а) звуковые элементы отдѣльныхъ формъ съ теченіемъ времени стираются; б) формы, какъ значенія, смѣняются другими; с) эти послѣднія могутъ состоять болѣе чѣмъ изъ одного слова и не составлять звукового единства.

Противоположеніе этимологіи синтаксису есть лишь неудачное преобразованіе другой противоположности созданія и паденія формъ, или созданія и употребленія формы, противоположности, къ которой мы и переходимъ.

VII.

Созданіе и разрушеніе грамматическихъ формъ.

Въ созданіи грамматическихъ формъ многое остается таинственнымъ; однако вѣрно, что оно не есть слѣдствіе той причины, на которую указываетъ Максъ Юлльеръ. Онъ говорить: «Въ Санскритскомъ винçати изъ дви—даçати, двадцать, мы имѣемъ примѣръ того, что называется фонетической порчей (corruption), разрушающей не только (внѣшнюю) форму языка, но и всю его природу. Какъ скоро эта порча обнаружится» (слѣдовательно есть время, когда она не обнаруживается; да же авторъ говоритъ, что есть языки, коимъ она совершенно чужда), «языкъ теряетъ то, что слѣдуетъ считать существеннымъ характеромъ человѣческой рѣчи, именно знаменательность каждого ея элемента. Народъ, говорившій языккомъ, въ коемъ винçати—двадцать, столь-же мало думалъ при этомъ словѣ, что оно заключаетъ въ себѣ два и десять, какъ французъ о томъ, что въ vingt есть слова deux и dix. Поэтому языкъ, поддаваясь фонетическимъ измѣненіямъ вступаетъ въ новую пору своего развитія. Жизнь ослабѣваетъ или со-

всѣмъ угасаетъ въ словахъ или частяхъ словъ, носящихъ па себѣ первые слѣды этихъ фонетическихъ преобразованій. Съ этой поры такія слова и ихъ части могутъ удерживаться въ языкѣ только искусственно, посредствомъ традиціи и, что особенно важно, съ этой поры начинается различеніе существенныхъ, или коренныхъ, и только формальныхъ, или грамматическихъ составныхъ частей слова». «Фонетическая порча ведеть къ первому появленію, такъ называемыхъ грамматическихъ формъ» (M. Müller Vorl. *über die Wiss. der Sprache.* I Serie, 40—1). Итакъ фонетическая измѣненія—это болѣзнь, въ извѣстное время овладѣвающая языкомъ. Будучи направлена къ разрушенію языка (такъ какъ, по вышесказанному, она уничтожаетъ то, что въ немъ существуетъ), эта болѣзнь его однако не уничтожаетъ, а напротивъ какъ бы мимоходомъ создаетъ то, чѣмъ формальные языки превосходятъ всѣ остальные, что въ нихъ есть вышшаго и лучшаго не для посторонняго суды, а для самого говорящаго,—именно эта болѣзнь создаетъ грамматическую форму. Возможно ли это? Совершенно произвольно утвержденіе, что традиціонность въ языкѣ есть нечто искусственное, конвенціональное (*ib.* 42). Искусственность можетъ быть понята лишь какъ противень безыскусственности, подъ которой въ этомъ случаѣ мы могли бы разумѣть только непосредственную знаменательность звука; но такую знаменательность мы можемъ представить себѣ лишь въ безусловно первыхъ словахъ, которыхъ прямо возникли изъ патогномическихъ звуковъ. Уже во второмъ словѣ ряда звукъ значитъ нечто не потому, что онъ самъ по себѣ изобразителенъ, а потому что прежде онъ означалъ нечто другое. Уже здѣсь становится безразличнымъ, возникъ ли этотъ звукъ первоначально въ самомъ говорящемъ, или переданъ извнѣ. Традиція одновременна съ самимъ языкомъ; она есть принадлежность всякаго языка, а не одного формального, и никакъ не можетъ появляться только въ относительно позднее время. Искусственность предполагаетъ умыселъ, иначе она будетъ пустымъ словомъ; но въ традиціонности

языка нѣтъ умысла. Звуковая измѣнчивость есть тоже явленіе первоначальное, всеобщее, отнюдь не свойственное однимъ лишь формальнымъ языкамъ. Поэтому она также не можетъ считаться явленіемъ болѣзненнымъ, какъ и образованіе миѳовъ, которое, по Мюллеру, тоже есть болѣзнь языка. Еслибы эта измѣнчивость сама по себѣ способна была образовать грамматическія формы, то языки, имѣющіе свойство распадаться на нарѣчія, или что тоже, разростаться въ группы нарѣчій, т. е. всѣ языки безъ исключенія стали бы формальными, чего на дѣлѣ нѣтъ.

Кто думаетъ, что фонетическая порча производить грамматическія формы, тотъ долженъ бы думать, что она же ихъ разрушаетъ. По крайней мѣрѣ несомнѣнно, что звуковая измѣнчивость сопровождаетъ языкъ въ тотъ периодъ, который называютъ времемъ разрушенія формъ. Если принять, какъ это и дѣлаютъ, созданіе и разрушеніе формъ за явленія противоположныя, какъ математическое увеличеніе и уменьшеніе, то будетъ ясно, что одна и также сила сама по себѣ не можетъ производить противоположныхъ явленій. Ясно, что тутъ что-то неладно.

Самъ Мюллеръ долженъ быть признать косвенно, что звуковая измѣнчивость не есть самостоятельная разрушительно-творческая сила: «слова сопротивляются фонетической порчѣ, пока живы и вполнѣ понятны; но какъ скоро они, такъ сказать, теряютъ присутствіе духа, появляется въ нихъ и фонетическая порча, пораженная коею части слова сохраняютъ лишь конвенціональное, искусственное существование и ссыхаются въ грамматическія формы». (ib. 42). Слѣдовательно, фонетическая порча разрушаетъ только то, что ей позволяютъ разрушать. Ея присутствіе или отсутствіе зависитъ отъ присутствія или отсутствія «духа». Но намъ ясно, что если въ словѣ или его элементѣ нѣтъ духа, то оно вовсе не существуетъ, какъ слово или какъ элементъ другаго, и что особенность формального слова, т. е. то, почему оно формально, не можетъ быть названо отсутствіемъ духа.

Такимъ образомъ то, что Мюллеръ называетъ отсутствіемъ жизни въ словѣ и его непонятностю, есть только новое появленіе жизни, новая понятность: измѣненіе функціи слова, образованіе нового слова изъ прежняго. Значить, духъ править звукомъ въ словѣ. Согласно съ этимъ и грамматическая форма не есть муміеобразный остатокъ прежней жизни слова, а напротивъ, то, въ чёмъ есть особою силою проявляется жизнь мысли въ словѣ. Было бы странно, еслибы было иначе. Членораздѣльный звукъ есть материалъ несравненно болѣе податливый, чѣмъ напр. глина, такъ какъ онъ не берется изъ виѣшней природы, а производится самимъ человѣкомъ одновременно съ тѣмъ, чemu онъ служитъ. Поэтому слѣдуетъ ожидать, что вліяніе звука на творчество мысли въ словѣ будетъ менѣе уловимо, чѣмъ вліяніе глины на дѣятельность ваятеля.

Такъ оно и есть. Возьмемъ любой случай потери формы, напр. потерю причастія настоящаго дѣйствительнаго въ русскихъ говорахъ. *) Мы чувствуемъ, что смышеніе и безразличное употребленіе формъ, какъ знающіи, знающе, давно обнаружившееся въ письменности, не было слѣдствіемъ какой либо физіологической необходимости. И теперь слухъ нашъ достаточно тонокъ для явственнаго разграничения этихъ звуковъ, и никакія привычки и наклонности другихъ органовъ не мѣшаютъ намъ произносить напр. знающе ви. знающи и наоборотъ. Смышеніе формъ въ этомъ случаѣ мы можемъ объяснить только психологическимъ мотивомъ, именно безсознательнымъ стремленіемъ къ образованію новой грамматической категоріи—дѣяпричастія. Такимъ образомъ и разрушеніе, и рожденіе формъ, равно какъ и вещественныхъ значеній, ближайшимъ образомъ зависятъ не отъ наклонностей виѣшнихъ органовъ слова, а отъ извѣстной потребности мысли. Конечно, и въ органахъ съ теченіемъ времени происходятъ измѣненія, но

*) Прич. наст. въ нашъ литературный языкъ внесено изъ Ст. Славянскаго.

измѣненія эти, по крайней мѣрѣ во многихъ случаяхъ, состоять не въ огрубѣніи органовъ, а въ ихъ усовершенствованіи, которое могло бы повести лишь къ размноженію виѣшнихъ знаковъ формъ.

Итакъ послѣ всего сказанного для насъ все-таки остается вопросомъ: что такое созданіе и разрушение грамматическихъ формъ, если точно то и другое характеризуетъ два различные периода въ жизни языка?

«Въ періодѣ образованія формъ, говоритъ В. Гумбольдтъ, народы болѣе заняты самимъ языкомъ, чѣмъ его цѣлью т. е. тѣмъ, что онъ долженъ означать. Они усиливаются выразить мысль и это ихъ стремленіе (Drang) вмѣстѣ съ вдохновительнымъ вліяніемъ удачи производить и поддерживаетъ ихъ творческую силу.... Это первоначальное преобладаніе стремленія создавать языкъ подъ стремленіемъ создавать живой духъ» (т. е. духъ не какъ субстанцію, а какъ дѣятельность: создавать нечто вышеназванное тѣмъ, что долженъ означать языкъ).... «сказывается въ томъ, что чѣмъ первобытнѣе (unsprünglicher) языки, тѣмъ богаче формами. Въ нѣкоторыхъ языкахъ обиліе формъ видимо перерастаетъ потребность мысли. Поэтому оно умѣряется во время превращеній, испытываемыхъ языками подъ вліяніемъ болѣе зрѣлаго развитія мысли (Geistes-bildung). Періодъ созданія формъ оканчивается мгновеніемъ, когда языкъ какъ орудіе на лицо, и тогда духъ остается употреблять его и воплощаться въ иемъ. Такъ и бываетъ въ дѣйствительности: способъ, какимъ духъ высказывается, употребляя языкъ какъ орудіе, сообщаетъ этому послѣднему цѣль и характеръ» (Humb. Ueber Versch. 195 — 6).

Два періода языка характеризуются здѣсь тѣмъ, что въ первомъ языкъ создается и самъ служитъ цѣлью, а во второмъ употребляется, становится средствомъ. Это должно бы объяснить, почему, какъ предполагаютъ, въ языкахъ формальныхъ настаетъ время уменьшенія формъ, однако вовсе не объясняетъ. Противоположности созданія и употребленія, цѣли и средства, какъ и выше разсмотрѣнная противоположность этимологіи и

синтаксиса, имѣютъ субъективное значеніе: это не различные періоды языка, а различныя точки зрѣнія на одиинъ и тотъ же періодъ. По мысли самого Гумбольдта, языкъ отличается отъ всякаго виѣшняго орудія тѣмъ, что посдѣлнее сначала дѣлается для извѣстной виѣшней цѣли, т. е. сначала само служить цѣлью дѣятельности, а потомъ употребляется, и отъ этого портится. Такое орудіе безъ виѣшней цѣли не мыслимо, между тѣмъ главная цѣль языка (извѣстное преобразованіе мысли говорящаго) заключена въ немъ самомъ. Нельзя себѣ представить момента рѣчи, который бы не былъ въ тоже время актомъ объективированія, сознанія, толкованія мысли и который не измѣнялъ бы въ тоже время языка, хотя мы замѣчаемъ эти измѣненія лишь тогда, когда они достигаютъ значительной величины. Поэтому языкъ всегда есть столько же цѣль, сколько средство, на столько-же создается, на сколько употребляется. Не мыслимо, чтобы человѣкъ, говоря, имѣлъ въ виду будущія цѣли своей мысли, а не насущныя ея потребности, чтобы онъ могъ отвлекаться отъ обозначаемаго словомъ иначе, какъ становясь наблюдателемъ явлений языка. Во всѣ времена человѣкъ, говоря, усиливается выразить свою мысль, т. е. довести ее до извѣстной степени ясности, связать ее съ прежними актами своего мышленія.

Самъ Гумбольдтъ говорить, что «было бы ошибочно думать, что періоды языка рѣзко разграниченные здѣсь для большей ясности, такъ разграничены и въ дѣйствительности. Постоянна работа духа, состоящая въ употребленіи языка, оказываетъ непрерывное влияніе на самое строеніе языка, на созданіе формъ; по влиянію это тоньше (feiner) и при первомъ взглядѣ иногда ускользаетъ отъ вниманія. Ни одного періода въ жизни человѣчества или народа нельзя считать исключительно предназначеннымъ для развитія языка». Если употребленіе есть тоже созданіе, то и прежнее утвержденіе, что народъ сначала создаетъ языкъ, а потомъ употребляя сообщаетъ ему свои особенности, рушится само собою: «образъ мысли народа (Denk- und Sinnesart),

сообщающей языку цветъ и характеръ, действуетъ на языкъ уже съ первого начала (Humb. ib. 196).

Затѣмъ, повидимому, отбросивши противорѣчія, въ которыхъ вовлекла противоположность периодовъ увеличенія формъ, Гумбольдтъ опять возвращается къ этому «факту» и не спрашивая, точно ли это фактъ, пытается дать ему новое объясненіе. «Чѣмъ далѣе зашелъ языкъ въ дѣлѣ строенія грамматическихъ формъ, тѣмъ менѣе представляется случаевъ, требующихъ новаго рѣшенія. Поэтому борьба съ выраженіемъ мысли становится менѣе упорною; чѣмъ болѣе духъ пользуется тѣмъ, что уже имъ создано, тѣмъ болѣе ослабѣваетъ его стремленіе къ творчеству, его творческая сила. Съ другой стороны, возрастає количество созданного и вошедшаго въ постройку материала и эта внѣшняя масса теперь» (съ неопределеннной точки, съ которой начинается ослабленіе творчества въ языкѣ?) «въ свою очередь действующая на духъ, налагаетъ на него свои собственные законы и сдерживаетъ свободное и самостоятельное вліяніе интелигенціи. Въ этихъ двухъ пунктахъ» (въ уменьшениі творчества, по мѣрѣ уменьшениія числа задачъ его вызывающихъ и увеличенія вліянія прежде созданного) «заключается то, что въ вышеприведенномъ различіи (двухъ периодовъ языка) принадлежитъ не личному взгляду, а действительной сущности вещей» (ib. 196—7). Допустивши, что уменьшеніе творчества, не смотря ни на что, несомнѣнно, мы спросимъ, точно-ли въ языкахъ съ теченіемъ времени представляется все менѣе и менѣе случаевъ, требующихъ нового рѣшенія? Наблюденіе свидѣтельствуетъ о непрерывномъ измѣненіи языковъ во всѣхъ частяхъ ихъ строенія. Языкъ постоянно остается посредникомъ между познаннымъ и вновь познаваемымъ. Какъ вещественные значения, такъ и формы должны быть разсматриваются, какъ средства и вмѣстѣ акты познанія. Если міръ, какъ мы вѣrimъ, не исчерпаемъ для познанія и если вѣрно, что не можетъ быть найдено предѣловъ лексическому развитию языка, то нельзѧ назначить и черты ограничивающей количество и качество возмож-

ныхъ въ формальномъ языкѣ категорій. Съ другой стороны, если даже допустимъ невѣроятное, что количество предстоящихъ задачъ напередъ известно народной мысли, то нельзя будетъ понять, почему задачи эти представляются этой мысли все рѣже, по мѣрѣ приближенія къ своему концу, почему творчество не остается въ той же силѣ до самаго своего объективнаго предѣла? Сила отдѣльнаго человѣка ослабѣваетъ не потому, что онъ доходитъ до цѣли, а потому и по мѣрѣ того, какъ онъ тратитъ ее на совершение пути. Силы же народа, къ коимъ принадлежитъ творчество въ языкахъ, отличаются отъ единичныхъ силъ тѣмъ, что при равнѣ благопріятныхъ виѣшнихъ условіяхъ возстановляются нарожденіемъ новыхъ поколѣй. Поэтому ослабленіе творчества языка, если оно есть, можетъ происходить не отъ уменьшенія количества предстоящихъ задачъ, не отъ близости цѣли, а развѣ отъ другихъ причинъ.

Другаго утвержденія Гумбольдта, что сила творчества въ языкахъ находится въ обратномъ отношеніи къ массѣ созданнаго языка, что чѣмъ больше эта масса, тѣмъ менѣе вліяніе на языкъ интеллигенції *), тоже нельзя объяснить никакимъ сравненіемъ. Наибольшее сходство языковъ представляется съ искусствомъ и наукой, которыя предполагаютъ его существованіе и возникаютъ при его посредствѣ, но какъ известно, его не замѣняютъ. Въ наукѣ масса познаннаго находится не въ обратномъ, а въ прямомъ отношеніи, если не къ энергіи познавательной дѣятельности, для измѣренія коей мы не имѣемъ средствъ, то къ успѣхамъ ея. Нельзя отвергать возможности ослабленія или застоя этой дѣятельности, но то и другое можетъ происходить отъ ухудшенія почвы, отъ причиненнаго виѣшними вліяніями перерыва въ преданіи. **) Въ этомъ случаѣ прежде добытое

*.) Подъ которой мы можемъ разумѣть здѣсь лишь совокупность способностей народа создающихъ языкъ.

**) «Преобладаніе практическаго направленія въ языкахъ можетъ навязывать ему сокращенія, опущенія формальныхъ словъ, элипсы всякаго рода, ибо когда имѣютъ въ виду одно только

мыслью теряется для нея въ большей или меньшей мѣрѣ; но вообще количество процентовъ мысли увеличивается съ увеличеніемъ капитала. Въ частности это относится и къ языку. Самъ по себѣ онъ содѣйствуетъ непрерывности преданія, постоянству въ капитализаціи мысли, и если преданіе порою прерывается, то онъ въ этомъ неповиненъ. Масса созданного увеличивается въ языкахъ и въ то время, которое называютъ временемъ созданія по преимуществу. Если принять вышеупомянутое обратное отношеніе, то какъ понять, что увеличеніе массы созданного въ одно время сопровождалось созданиемъ формъ, а послѣ—ихъ разрушеніемъ?

За исключениемъ случаевъ нарушения непрерывности преданія въ языкахъ, все остальное, совершающееся въ немъ, можетъ быть понято лишь какъ слѣдствіе усложненія мысли. Съ этой точки зреінія разсмотримъ такъ называемый фактъ паденія формъ въ формальныхъ языкахъ. Трудно болѣе заподозрить дѣйствительность этого факта, чѣмъ это сдѣлалъ Гумбольдтъ: «Отъ предполагаемаго Индоевропейскаго языка пошелъ цѣлый рядъ языковъ, служившихъ и служащихъ органами высшей въ свѣтѣ цивилизациі». Причина этому должна заключаться въ томъ, что «строеніе этихъ языковъ наиболѣе соответствуетъ потребностямъ духа, наиболѣе возбуждаетъ его дѣятельность и потому сохраняетъ наиболѣе прочную си-

---

взаимное пониманіе, то препебрегаютъ всѣмъ непосредственно ненужнымъ для этого» (Нимѣ. ib. 290). Мысль эта приводится Гумбольдтомъ въ связь съ противоположностью созданія и употребленія языка, но ее слѣдуетъ освободить отъ этой связи, ибо и въ упомянутыхъ явленіяхъ есть своего рода творчество. Мы можемъ представить себѣ часть народа въ такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ, при которыхъ всѣ интересы сосредоточены на немногихъ ближайшихъ потребностяхъ, когда быстрое теченіе дѣйствія не даетъ сроку расширить кругъ мысли, воспользоваться всѣмъ прежде добытымъ ею запасомъ. Результаты такого состоянія вмѣстѣ съ вліяніемъ посторонняго языка мы видимъ въ безобразномъ и бѣдномъ русско-китайскомъ кяхтинскомъ говорѣ (Изв. II отд. А. Н. II, 370). «Приспособлен-

лу производить новые образования, вызываемые течениемъ времени и (внѣшними) судьбами народовъ» (Humb. ib. 253). Сущность этого строенія состоитъ въ томъ, что каждое слово этихъ языковъ носить на себѣ печать опредѣленной грамматической категории (ib. 185), изъ коихъ наиболѣе выдающіяся и важная суть глаголъ, союзъ и мѣстоименіе относительное. Эти части рѣчи, будучи, подобно всѣмъ остальнымъ, слѣдствіемъ синтеза, въ тоже время въ большей мѣрѣ, чѣмъ остальные, имѣютъ синтезъ своею грамматическою функциею. Глаголъ, создаетъ предложеніе, союзъ и мѣстоименіе относительное связываютъ предложенія въ высшія и болѣе сложныя единицы.

«Но какимъ образомъ согласить то, что плодотворное жизненное начало (Индоевропейскихъ) языковъ состоитъ въ ихъ флексивности, съ тѣмъ явленіемъ, что богатство флексий свойственно именно юношескому возрасту жизни языковъ, а съ течениемъ времени исподволь уменьшается? По меньшей мѣрѣ странно то, что начало ослабывающее (флексивность) есть вмѣстѣ съ тѣмъ начальоохранительное. Между тѣмъ стиранье (das abschleifen) флексий есть неоспоримый фактъ (ib. 289).».

Фактъ состоить въ стираны флексий, разсматриваемыхъ какъ звуковые элементы, но не въ уменьшени

ный къ специальной цѣли своей и выгодно, съ блестящимъ успѣхомъ служа ей, языкъ этотъ къ другимъ приспособлениямъ уже не способенъ, для иныхъ распросовъ помимо торговыхъ не годится». (Максимовъ, Поездка на Амуръ, 488). Механическое смышеніе народностей особенно благопріятствуетъ возникновенію такихъ говоровъ; по они могутъ образоваться и среди однороднаго населения, группами, которые выдѣлены изъ массы известными односторонними интересами. Нѣть ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что такие исключительно практическіе говоры при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ могутъ далеко распространять свое влияніе. Такое влияніе поистинѣ можно бы назвать явленіемъ ненормальнымъ и болѣзненнымъ, при чѣмъ, само собою, оно не можетъ быть возведено на степень всеобщаго двигателя развития языка.

общаго количества формъ и не въ потерѣ формальности въ языкахъ ее выработавшихъ. Грамматическая форма, какъ было уже сказано, со своего появленія и во всѣ послѣдующіе періоды языка есть значеніе, а не звукъ. Формальность языка есть существованіе въ немъ об- щихъ разрядовъ, по которымъ распредѣляется частное содержаніе языка, одновременно съ своимъ появленіемъ въ мысли. Ежеменутно распредѣляя содержаніе своей мысли въ языкѣ по разрядамъ, невозможно утратить привычки къ такой классификациіи, а напротивъ можно только все болѣе и болѣе укоренять въ себѣ эту привычку. Придерживаясь сравненія языка съ наукой, мы a priori найдемъ вѣроятнымъ, что съ теченіемъ времени извѣстные грамматические разряды могутъ оказывать- ся несомнѣнными съ удобствомъ мысли, подобно тому какъ извѣстная научная дѣленія уничтожаются по мѣрѣ успѣховъ знанія. Такое сравненіе заставляетъ насъ усомниться въ основательности того сожалѣнія (напоми- нающаго печальное вѣрованіе въ смѣну золотаго вѣка вѣками менѣе благородныхъ металловъ), съ которымъ нерѣдко говорилось о потерѣ формъ въ языкахъ. *) Если въ наукѣ уничтоженіе извѣстныхъ дѣленій есть выигрышъ мысли, то того-же слѣдуетъ ожидать и отъ уничтоженія извѣстныхъ грамматическихъ категорій, разумѣется, при непрерывности преданія въ языкѣ. Тутъ есть однако иѣ- которая разница. Наука вся находится въ области кри- тической мысли. Измѣненія въ наукѣ всегда имѣютъ ясно сознанныя основанія. Между тѣмъ языкъ, будучи орудиемъ сознанія, самъ по себѣ есть созданіе безсо-

*) Бурціусъ, считая необходимымъ принимать два періода жизни Индоевропейскихъ языковъ (*der Bildung und der Ausbildung, der Vervollkommnung*), о чёмъ еще можно поспо- рить, признаетъ, что языки втораго періода, стало быть и ны- нѣшніе, лучше удовлетворяютъ назначению всякаго языка служить выраженіемъ мысли, чѣмъ основной языкъ первого періода и что въ исторіи языка никакого потерянного рая иѣтъ (*zur Chronologie der indogerm. Sprachforsch.* Отд. отискъ 12—14).

знательное. Говорящему ясно то, до чего доводить его языкъ, по путь, которымъ идеть при этомъ языкъ, не ясенъ. Поэтому говорящій, содѣствуя уничтоженію извѣстной грамматической категоріи, никогда не знаетъ, почему онъ это дѣлаетъ и какую пользу отъ этого получаетъ. Только для науки о языкахъ, а ве для созданія и употребленія слова, важно решеніе этихъ вопросовъ. Но языкознаніе только ищетъ этого решенія и рѣдко его находить. Отвѣтить на вопросъ о значеніи данной формы иди ея отсутствія для мысли было бы возможно лишь тогда, когда бы можно связать эту форму съ остальными формами данного строя языка, связать такимъ образомъ, чтобы по одной форме можно было заключить о свойствахъ если не всѣхъ, то многихъ остальныхъ. До сихъ поръ языкознаніе большею частію принуждено вращаться въ кругу элементарныхъ наблюдений надъ разрозненными явленіями языка и дасть намъ право лишь нальяться, что дальнѣйшія комбинаціи этихъ явленій отъ него не уйдутъ. Покамѣстъ возможны лишь шаткія заключенія о роли данного явленія въ общемъ механизмѣ словесной мысли извѣстнаго периода, такъ какъ мы умѣемъ читать лишь самыя грубыя указанія на родство явленій. Такъ напр. мы нашли въ словѣ лелѣть удвоеніе извѣстнаго рода и по этой нити дошли до заключенія, что Русскій языкъ вмѣстѣ со многими другими предполагаетъ такую-то категорію интенсивности глагола, что такой самой категоріи въ настоящее время пѣть, такъ какъ ее не слѣдуетъ смѣшивать съ интенсивностью, обозначаемою посредствомъ именныхъ суффиксовъ. Съ предполагаемою категоріею случилось нечто въ родѣ превращенія живаго организма въ почву; но въ языкознаніи болѣею частью нельзя еще сказать (продолжая сравненіе), какого рода растительности благопріятствуетъ почва, заключающая въ себѣ такія-то составные части, что именно должно слѣдовать за разрушеніемъ напр. категоріи интенсивности?

Такимъ состояніемъ знанія объясняется существование взгляда, который въ превращеніи извѣстнаго

созданія языка, такъ сказать, въ почву видѣть смерть и болѣе ничего; въ прошедшемъ языка, обладавшемъ двойственнымъ числомъ, аористами, имперфектомъ, будущими, составлявшими звуковое единство и т. п. находимъ тонкость мысли и богатство, а въ настоящемъ этого языка, лишенаго упомянутыхъ формъ, — грубость и бѣдность. Но объясненіе взгляда не есть его оправданіе. Чтобы оправдать такой взглядъ нужно бы предположить или, что съ теченіемъ времени сила, создающая языки, освобождается изъ него для другой дѣятельности, при чёмъ языкъ перестаетъ быть орудіемъ мысли, какимъ онъ былъ съ начала, или, что языкъ изъять изъ области закона природы, по которому смерть есть начало новой жизни. То и другое несправедливо. Болѣе обѣщаетъ убѣжденіе, что за потерю формы слѣдуетъ рожденіе новой, при чёмъ въ результатѣ получится одно изъ двухъ: а) отдельная грамматическая форма, подобно растительной и животной, можетъ непосредственно перерождаться въ другую. Напр. говоря «два, три, четыре рубля», мы относимъ существительное къ категоріи, которую обозначаемъ посредствомъ «нѣсколько» (больше одного и меньше пяти) и которая непосредственно предполагаетъ существованіе категоріи двойственности. б) Грамматическая форма неизбѣжно входить въ строй языка, лежащей въ основаніи послѣдующаго строя, но сама можетъ исчезать, не оставляя непосредственнаго остатка въ другой формѣ, подобно тому какъ окончательно вымираютъ иѣкоторые роды растеній и животныхъ. Возможно, что иѣкоторыя породы кислицы, дикой груши, собаки, овцы вымерли, не оставивши никакого слѣда въ родословной нынѣ существующихъ породъ этихъ растеній и животныхъ; но отъ этого далеко до общаго вымирания формъ или сведенія ихъ въ немногимъ. Напротивъ, число породъ воспитываемыхъ человѣкомъ растеній и животныхъ постоянно увеличивается. Такъ и въ языкахъ изъ вымирающихъ иѣкоторыхъ формъ безъ видимаго остатка не слѣдуетъ, что количество формальныхъ оттѣниковъ, различаемыхъ въ рѣчи, уменьшается. По крайней мѣрѣ, если

это уменьшение действительно существует, если точно мысль въ языке довольствуется немногими разрядами вмѣсто множества прежнихъ, то это должно быть лучше доказано, чѣмъ было до сихъ поръ. Безъ лучшихъ доказательствъ мы этому не повѣримъ, потому что примѣръ науки говорить намъ, что съ увеличениемъ способности къ отвлеченному мышленію и съ увеличениемъ запаса знаній многія дѣленія и категоріи оказываются негодными и отбрасываются, но за то являются новыя, такъ что въ развитіи наукъ нѣтъ никакой возможности говорить о противоположности періода возникновенія и паденія общихъ понятій.

Какимъ образомъ доходить до мысли о паденіи грамматическихъ формъ? Берутъ напр. схемы склоненій въ трехъ періодахъ языка и сосчитываютъ въ каждомъ отдельно различные по звукамъ окончанія. Оказывается, положимъ, что въ древнемъ верхнѣмецкомъ языке такихъ окончаний было 40, въ среднемъ 20, въ новомъ 5--6. Отсюда выводъ, повидимому, несомнѣнныи: паденіе формъ. Но здѣсь за форму принять ея виѣшній знакъ, тогда какъ форма есть значеніе; сосчитано число виѣшніхъ знаковъ извѣстнаго рода, но не показано, что эти знаки достаточно различались по своему значенію и что присутствіе ихъ въ языке было признакомъ богатства и порядка, а не лишнимъ бременемъ для мысли; что, если они и различались достаточно, то не замѣнились ли какими либо другими указаціями на форму. Число формъ т. е. формальныхъ значеній въ разныхъ періодахъ языка вовсе не сосчитано. Между тѣмъ, чтобы доказать, что число формъ уменьшается, нужно именно считать формальные оттѣнки значеній — трудъ не столь легкій, какъ счетъ окончаній. Вѣроятные результаты такого труда были бы, во-первыхъ, менѣе точны, потому что въ каждомъ языке есть большое количество такихъ формальныхъ значеній, коихъ ученые наблюдали вовсе не замѣчаютъ (хотя, если это ихъ собственный языкъ, различаются на дѣлѣ), кои учеными понимаются ошибочно, или смѣшиваются съ

другими. Во-вторыхъ, при всей неточности, результаты эти могли бы быть далеко не согласны съ выводами изъ счета окончаний.

Необходимо разъ навсегда отѣлаться отъ ложнаго пониманія грамматической формы, о которомъ было говорено выше (§ 5). Необходимо твердо знать, что при счетѣ формъ мы должны стремиться къ тому, чтобы считать за единицу дѣйствительную форму, а не абстракцію. Мы привыкли напр. говорить объ одномъ творительномъ пад. въ Русскомъ языкѣ, но на дѣлѣ этотъ падежъ есть не одна грамматическая категорія, а нѣсколько различныхъ, генетически связанныхъ между собою. Всякое особое употребленіе творительного есть новый падежъ, такъ что собственно мы имѣемъ нѣсколько падежей обозначаемыхъ именемъ творительного. Сколько именно такихъ особыхъ употребленій и вообще сколько падежей въ современномъ Русскомъ или другомъ языкѣ, это вопросъ не изъ тѣхъ, которые можно предлагать дѣтямъ въ школѣ, такъ какъ и сами ученые въ этомъ, какъ увидимъ, между собою несогласны. Каждое особое значеніе предлога даетъ новый падежъ. Не зная числа падежей въ истинномъ значеніи этого слова, конечно, нельзя правильно судить и о томъ, уменьшается ли ихъ число или нѣтъ. Для меня несомнѣнно, что новые падежи въ вышеуказанномъ смыслѣ появляются и донынѣ. Впрочемъ нельзя отвергать того, что въ языкахъ, служащемъ органомъ непрерывно дѣятельной мысли, дѣйствительно уменьшается число категорій извѣстнаго рода. Возможно въ языкахъ, хотя и не индоевропейскихъ, что напр. въ дѣствіи различается непремѣнно, совершается ли оно мушиною или женшиною, сидя или стоя и т. п. Хотя въ формальныхъ языкахъ этого и не бываетъ, но и въ нихъ есть, а прежде было больше недостаточно одухотворенныхъ категорій, т. е. такихъ, въ которыхъ вещественное содержаніе слова недостаточно отѣлено отъ его формы. Потеря подобныхъ категорій, къ числу коихъ можно отнести напр. интенсивность, дезидеративность, оптативность глагола, никакъ не мо-

жеть противорѣчить развитію формальности языка и увеличенію въ немъ количества другихъ формъ. Предупреждая систематическое решеніе такихъ вопросовъ, можно думать, что такъ какъ не мыслимо оскудѣніе творчества въ языкахъ безъ особыхъ пертурбаций, зависимыхъ отъ новыхъ виныхъ причинъ, то новые языки вообще суть болѣе совершенные органы мысли, чѣмъ древніе, ибо первые заключаютъ въ себѣ большій капиталъ мысли, чѣмъ послѣдніе. Важность древнихъ языковъ, каковы Санскритскій, Греческій, Латинскій, для языкознанія происходит не отъ того, что они въ лексическомъ и формальномъ отношеніи выше новыхъ, а совершенно наоборотъ, отъ того что они во всѣхъ отношеніяхъ ниже, т. е. проще и доступнѣе анализу. Въ этомъ же заключается и педагогическое значеніе этихъ языковъ.

Предположивъ, что языки, кроме частныхъ случаевъ совершенствуются всесторонне, не трудно примирить съ этимъ то обстоятельство, что съ древнѣйшихъ временъ, доступныхъ изслѣдованію, въ формальныхъ языкахъ замѣчается вывѣтривание звуковъ (въ томъ числѣ и тѣхъ, которые поддерживаютъ формальныя значенія) и чередованье формъ простыхъ и описательныхъ.

Что до звуковъ, то потеря окончаний, а отчасти и префиксовъ, можетъ сопровождать два различныхъ явленія: появленіе новой категоріи, или сохраненіе прежней. Въ первомъ случаѣ языку не дорожить звукомъ, потому что звукъ прямо ему мѣшаетъ, такъ напр. польскому дѣепричастію «*znaїdс*» приличнѣе потеря бывшей въ немъ нѣкогда конечной гласной, чѣмъ ея сохраненіе (*«znaїaющi»*). Такъ какъ эта гласная въ дѣепричастіи уже не имѣетъ смысла, то сохраненіе ея лишь безъ нужды замедляло бы теченіе рѣчи и мысли. Въ сущности то же бываетъ и въ случаѣ сохраненія прежней категоріи. Звукъ въ словѣ есть средство объективировать мысль, ставить и удерживать ее передъ собою, какъ предметъ подлежащей дѣйствію слѣдующей мысли. Затѣста силы на произнесеніе звука въ рѣчи оправдывается лишь въ той мѣрѣ, въ какой безъ звука невозможно удержать

передъ собою значеніе. Чѣмъ слабѣе энергія мысли, тѣмъ болѣе она нуждается въ звукѣ, какъ виѣшней опорѣ; но, по всѣмъ соображеніямъ, эта энергія въ языкѣ увеличивается и этимъ объясняется небрежность въ сохраненіи прежняго звуковаго состава слова. Процессъ паденія звуковъ въ языкѣ напоминаетъ нѣсколько другихъ сходныхъ явлений. Малограмотные до такой степени нуждаются въ звукѣ для пониманія, что или вовсе не могутъ читать иначе какъ громко, или, по крайней мѣрѣ, читаютъ беззвучно, но раздѣльно, произнося слова, шевеля губами и пр. Отъ упражненія это проходитъ: человѣкъ выучивается читать глазами, т. е. для объективированія мысли ему довольно ея изображенія на письмѣ. Въ исторіи письменъ, средства объективировать слово, замѣчается нѣчто подобное. Мы замѣнили уставъ и полууставъ скорописью, которая въ свою очередь можетъ быть вытѣснена стено-графіей. Небрежность относительно сохраненія первона-чальной формы буквъ есть противень той, съ какою языкѣ обращается со звуками, какъ скоро они становятся ему не нужны. Предѣлъ, за который не переходить сокращенія въ томъ и другомъ случаѣ, есть понятность, предѣлъ измѣничивый, а не неподвижный. Становясь сильнѣе въ умственномъ счислѣніи, мы менѣе нуждаемся въ цифирныхъ знакахъ и счетахъ, хотя невозможно представить себѣ, чтобы подобная пособія могли со временемъ оказаться вовсе не нужными.

Итакъ, если, при сохраненіи грамматической кате-горіи, звукъ бывшій ея поддержкою теряется, то это значитъ не то, что въ языкѣ ослабѣло творчество, а то, что мысль не нуждается болѣе въ этой виѣшней опорѣ, что она довольно сильна и безъ нея, что она пользуется для распознаванія формы другимъ болѣе тонкимъ средствомъ, именно знаніемъ мѣста, которое занимаетъ слово въ цѣломъ, будѣть ли это цѣлое рѣчью или схемою формъ. Кто не умѣстъ считать и имѣть недостаточное понятіе о пространственныхъ отношеніяхъ, тотъ долженъ, чтобы выбрать одинъ предметъ изъ многихъ, знать его собственные примѣты напр. цветъ и т. п.; но, имѣя воз-

можность опредѣлить предметъ по порядку, по мѣсту въ пространствѣ, можно, если это нужно, не обременять мысли никакими другими примѣтами.

Существование въ языкѣ описательныхъ формъ не только не есть признакъ паденія формальности, но, на-противъ, свидѣтельствуетъ о торжествѣ этого принципа. Описательная форма есть сочетаніе словъ уже имѣющихъ формальныя опредѣленія, но въ совокупности составляю-щихъ одинъ актъ мысли. Возможность такого сочетанія требуетъ присутствія въ языкѣ чисто-формальныхъ словъ. Нужна продолжительная работа мысли для того, чтобы освободить вещественные слова отъ всяаго веществен-наго содержанія и обратить ихъ въ безпримѣсную вы-раженія отношеній. Всякая описательная форма, возник-шая послѣ простой и предполагающая эту послѣднюю (напр. сочетаніе личнаго мѣстоименія, какъ формы, съ глаголомъ, формального глагола съ причастіемъ, предло-га съ именемъ), тѣмъ самымъ есть созданіе довольно сложное. Какъ бы ни было трудно доказать въ отдѣль-ныхъ случаяхъ, что описательная форма, вытесняющая простую, вносить въ языкѣ новое содержаніе, мы вообще должны предполагать какъ на основаніи частныхъ наблюдений, такъ и a priori, что замѣна простой формы сложной не есть только заплата на старое платье, а создание новой формы мысли; образованіе предлога изъ существительного и сочетаніе этого предлога съ именемъ, будь ли оно еще снабжено падежнымъ оконча-ніемъ или нѣтъ, по значенію єюемъ для мысли" не есть тоже, что прежній падежъ, а нѣчто, по всей вѣроятно-сти, болѣе согласное съ новыми" ея потребностями. Съ такой точки зрѣнія въ новыхъ языкахъ по отношенію къ древнимъ можно видѣть перерожденіе, а невырожде-ніе и искаженіе, такъ что невполнѣ можно согласиться съ Гумбольдтомъ, когда онъ говорить лишь о сохраненіи существенныхъ чертъ формальности древнихъ языковъ въ новыхъ, а не "объ укрѣпленіи и развитіи этого начала.

•Замѣна "падежа предлогомъ въ новыхъ языкахъ (Индоевропейскихъ) вовсе" не тождественна съ тѣмъ слу-

чаемъ, когда въ приставочныхъ языкахъ отдѣльное слово указываетъ на падежъ. Хотя первоначальное значеніе такого слова и забыто, но все же слово это не выражаетъ чистаго отношенія, потому что все строеніе такого (нефлексивнаго) языка вытекаетъ не изъ того возврѣнія (*innere Sprachansicht*), которое энергически стремится къ рѣзкому разграниченню частей рѣчи, потому что духъ такого народа не съ этой точки (формальныхъ различій) воспринимаетъ созданія своего языка. Римскому языку вполнѣ свойственна была формальная точка зреенія. Предлоги составляли въ немъ систему (чистыхъ отношеній); каждый, смотря по своему значенію, требовалъ соотвѣтственнаго падежа и только вѣмъ съ падежемъ обозначалъ отношеніе. Это прекрасное *) согласованіе (предлога съ падежемъ) не перешло въ языки, выродившіеся изъ Римскаго; но въ языкахъ этихъ сохранилось чутье такого порядка, признаніе предлога особою частью рѣчи съ формальнымъ значеніемъ. По принципу эти языки не менѣе формальны, чѣмъ ихъ родоначальны. Тоже находимъ и въ употребленіи глагола. Какъ бы ни были несовершены его формы **), но синтетическая его сила та же, потому что языкъ разъ навсегда и неизгладимо отѣлилъ его отъ имени. ***)
Мѣстоименіе, часто ставимое въ Романскихъ

*) Во всякомъ формальномъ языке своя красота формъ, и если ученые находятъ ее болѣе въ древнихъ языкахъ, чѣмъ въ новыхъ, то они любуются не столько этими древними языками, сколько своимъ трудомъ, употребленнымъ на ихъ изученіе: что дорого, то мило.

**) Это несовершенство формъ глагола въ новыхъ языкахъ принято подъ вліяніемъ мысли о паденіи формъ. Въ действительности его можетъ и не быть. Различные формы могутъ быть равно совершенны т. е. равно необходимы для производимыхъ ими дѣйствій.

***) Это иѣстѣ слѣдовало-бы обсудить тѣмъ, которые въ русскомъ глаголѣ видятъ именной характеръ, т. е. принимаютъ, что разъ установленное разграничение имени и глагола стирается со временемъ.

языкахъ при глаголѣ, тамъ гдѣ оно не ставилось въ языкѣ первообразномъ, соответствуетъ по смыслу, въ какомъ оно принимается, истинному понятию о глаголѣ, потому что въ Романскихъ языкахъ мѣстоименіе въ этихъ случаяхъ есть лишь отдельное отъ глагола, иначе поставленное личное окончаніе, между тѣмъ какъ въ языкахъ, коимъ чуждо отношеніе лица, мѣстоименія имѣютъ вещественное значеніе» (Humb. Ueber Versch. 295; Steinh. Gr. Log. u. Ps. § 128).

VIII.

Грамматика и логика.

Слѣдующее нехитрое разсужденіе довольно характерично для направленія и нынѣ имѣющаго многихъ послѣдователей преимущественно между тѣми изъ представителей языкоизслѣдованія, которые не столько сами изучаютъ языкъ, сколько учатъ ему въ школахъ. На вопросъ: «есть ли именительный падежъ единственная форма логико-грамматического подлежащаго?», отвѣчають: «Въ предложеніяхъ «Паллада любить Улисса», «я не сплю по ночамъ», «у меня есть книги» именительные падежи говорятъ о томъ же лицѣ или предметѣ, о которомъ творительный въ «Палладою любимъ Уліссъ», дательный въ «мнѣ не спится по ночамъ», родительный «у меня нѣть книгъ». Именительные въ первыхъ трехъ предложеніяхъ суть подлежащія. Имъ приписываются тѣ же сказуемыя, что и такъ называемыя косвенные падежи въ трехъ остальныхъ. Слѣдовательно, эти косвенные падежи Палладою, мнѣ, книгъ суть тоже подлежащія, ибо двѣ величины порознь равны третьей равны между собою *). Это все равно, какъ еслибы ска-

*) Разсужденіе это нисколько не оправдывается тѣмъ, то въ его пользу можно привести весьма сильные авторитеты

зать: вотъ палецъ счетомъ одинъ, а вотъ свѣчка тоже одна, слѣдовательно что палецъ, что свѣчка—все едино. Какъ здѣсь мы узнаемъ не то, что такое палецъ, и что свѣчка, а то что разныя вещи можно считать за единицу, которая всегда равна себѣ; такъ и тамъ въ лучшемъ случаѣ мы узнаемъ только то, что для логики словесное выраженіе примѣровъ ея построено безразлично. Если же цѣль теоретическаго изученія языка именно и состоитъ въ знаніи функций различныхъ падежей и т. п., то для такого изученія «логико-грамматическое» подлежащее и тому подобное въ свою очередь безразлично, такъ какъ существованіе этихъ вещей возможно только въ языке.

Изумительно, что авторъ вышеприведенаго разсужденія тутъ же говоритъ: «различіе между грамматикою и логикою, давно сознаваемое многими, окончательно доказано лѣтъ 15 тому назадъ, какъ всѣмъ известно, Штейнталемъ въ его «Grammatik, Logik und Psychologie. Berl. 1855». Въ этой книгѣ Штейнтель именно и доказалъ, что понятія, каково «логико грамматическое подлежащее», заключаются въ себѣ разрушительныя для себя противорѣчія, логически немыслимы.

Ссылаясь на ту же книгу Штейнталя, я не буду останавливаться на рассматриваемомъ въ ней вопросѣ объ отношеніи логики къ грамматикѣ и ограничусь лишь слѣдующими положеніями.

Слово не однімъ присутствіемъ звуковой формы, но всѣмъ своимъ содержаніемъ отлично отъ понятія и не можетъ быть его эквивалентомъ или выражениемъ уже потому, что въ ходѣ развитія мысли предшествуетъ понятію.

Грамматическое предложеніе вовсе не тождественно и не параллельно съ логическимъ сужденіемъ. Названія

напр. Гrimma, у которого тоже подлежащее есть или прямой падежъ, или косвенный, при чемъ въ дѣйствительномъ оборотѣ косвенный зависитъ отъ прямого, а въ страдательномъ наоборотъ. (D. Gr. IV, 1).

двухъ членовъ посдѣдняго (подлежащее и сказуемое) одинаково съ названіемъ двухъ изъ членовъ предложе-
нія, но значенія этихъ названій въ грамматикѣ и логи-
кѣ различны. Логическое подлежащее весьма часто бы-
ваетъ грамматическимъ сказуемымъ, логическое сказу-
емое грамматическимъ подлежащимъ. Предложение мо-
жетъ вовсе не заключать въ себѣ логического сужденія.

Такъ какъ другихъ членовъ сужденія, кроме субъ-
екта и предиката, логика не знаетъ, то изъ логическаго
сужденія не могутъ быть выведены и объяснены такъ
называемые второстепенные члены предложенія. Одно
предложение можетъ соотвѣтствовать столькимъ логиче-
скимъ сужденіямъ, сколько паръ членовъ въ пред-
ложеніи.

Грамматическихъ категорій несравненно больше,
чѣмъ логическихъ. Поэтому недостаточное отвлеченіе
логического содержанія мысли отъ словеснаго выраже-
нія обнаруживается внесеніемъ въ логику категорій, во-
все ненужныхъ для ея цѣлей напр. связи, нѣкоторыхъ
дѣлений сужденія. Наоборотъ, подчиненіе грамматики ло-
гикѣ сказывается всегда въ смѣшаніи и отождествленіи
такихъ явленій языка, которыя найдемъ совершенно
различными, если приступимъ къ наблюденію съ одною
предзвѣтою мыслью о томъ, что апріорность въ наблю-
дательныхъ наукахъ, каково языкоznаніе, весьма опасна.

Логическая грамматика не можетъ постигнуть
мысли, составляющей основу современного языкоznанія
и добытой наблюденіемъ, именно, что языки раз-
личны между собою не одной звуковой формой, но всѣмъ
строемъ мысли, выразившимся въ нихъ и всѣмъ своимъ
влияніемъ на послѣдующее развитіе народовъ. Индиви-
дуальпая различія языковъ не могутъ быть понятны ло-
гической грамматикѣ, потому что логическая категорія,
навязываемая ею языку, народныхъ различій не
имѣютъ.

Многіе до сихъ поръ держатся того мнѣнія,
что логика есть нѣчто въ родѣ естественной исто-
ріи мышленія, что она рассматриваетъ всякия явле-

нія мысли по крайней мѣрѣ со стороны ихъ формы, но въ тоже время не могутъ не признать, что можно мыслить весьма дѣятельно и нелогично, изъ чего слѣдуетъ, что логика рассматриваетъ такое свойство мысли, котораго въ мысли можетъ и не быть. Между тѣмъ въ этомъ послѣднемъ наблюденіи даны предѣлы логики, перехоля которыхъ, она перестаетъ быть сама собою. Совершенствованіе наукъ выражается въ ихъ разграниченніи относительно цѣли и средствъ, а не въ смышеніи, въ ихъ взаимодѣйствіи, а не въ рабскомъ служеніи другимъ. Логика можетъ быть самостоятельна только въ томъ случаѣ, если ея задача будетъ поставлена лишь въ изысканіи условій логической истины, которая есть лишь одна изъ сторонъ полной истины, доступной въ данное время. Логика должна спрашивать лишь о томъ, не заключаетъ ли данная мысль противорѣчій, независимо отъ новыхъ наблюденій, которыми она можетъ быть подтверждена или опровергнута? Иначе: мыслима ли мысль сама въ себѣ? Напр. сужденія—«которые корни растутъ вверхъ (или горизонтально)», «корни имѣютъ лиственные почки»—истинны съ логической точки, если подъ корнемъ разумѣется вообще подземная часть растенія. Логика не можетъ дать никакого руководства къ другой повѣркѣ этихъ сужденій. Но какъ скоро независимо отъ логики составлено иное понятіе о кориѣ, какъ о писходящей оси растенія, то и логика найдетъ, что вышеупомянутыя сужденія ложны, что корень не можетъ рости вверхъ, не можетъ имѣть лиственныхъ почекъ, иначе онъ не корень. Здѣсь видно, что логическая и грамматическая правильность совершенно различны, такъ какъ послѣдняя возможна и безъ первой, и наоборотъ, грамматически-неправильное выраженіе, на сколько оно понятно, можетъ быть правильно въ логическомъ отношеніи. Въ этомъ заключены двѣ существенные черты логики. Во-первыхъ, она есть наука гипотетическая. Она говорить: если дана мысль, то отношенія между ея элементами должны быть такія-то, а въ противномъ случаѣ мысль нелогична. Но логика не говоритъ, какимъ

путемъ мы дошли до данной мысли, т. е. она не есть наука генетическая, какова психологія. Напр. въ суждениі логика не рассматриваетъ процесса сказыванія, а со своей односторонней точки зрѣнія оцѣниваетъ результаты совершившагося процесса. Напротивъ, языкознаніе принадлежитъ къ числу наукъ историческихъ.

Во вторыхъ, логика есть наиболѣе формальная изъ наукъ. Она судить о всякой мысли, относящейся къ какой бы ни было области знанія, такъ какъ всякая мысль допускаетъ одностороннюю логическую повѣрку: согласіе или несогласіе съ требованіями тождества мысли съ самой собою. Языкъ есть тоже форма мысли, но такая, которая ни въ чёмъ кромѣ языка не встрѣчается. Поэтому формальность языкознанія вещественна сравнительно съ формальностью логики. Языкознаніе и въ частности грамматика ничуть не ближе къ логикѣ, чѣмъ какая-либо изъ прочихъ наукъ.

Сказанное имѣть цѣлью указать на путь, по которому пельзя дойти до вѣрнаго опредѣленія основныхъ понятій языкознанія и который не ведетъ къ объясненію явлений языка.

IX.

Трудности при опредѣленіи предложенія и его членовъ.

Считается совершенно извѣстнымъ, что въ языкахъ, подобныхъ нашему, необходимо различать содержаніе и грамматическую форму. Однако, разматривая опредѣленія предложенія и его частей въ грамматикѣ г. Буслаева, пользующейся у насъ заслуженною извѣстностью и во многихъ отношеніяхъ типичной, мы можемъ, мнѣ кажется, убѣдиться, что понятіе содержанія (на сколько оно составляетъ предметъ языкознанія) и формы слова еще весьма неясны. Въ этой неясности иное лично, но во многомъ проявляется такое общее состояніе знанія, когда съ одной стороны еще чувствуется благого-

вѣніе къ старой теоріи (логико-грамматической), для которой нѣтъ въ словѣ ни собственно язычнаго содержанія, ни формы, а есть только нѣчто, по другому взгляду, вовсе не заключенное въ словѣ, именно понятіе, а съ другой стороны имѣются уже факты, которые, будучи какъ слѣдуетъ сведены и направлены, могли бы нис-ровергнуть эту теорію. Такъ напр. дается опредѣленіе предложения, заимствованное изъ логической грамматики, не заключающее въ себѣ опредѣленія глагола, съ такимъ-же основаніемъ примѣнимое къ языкамъ, вовсе не имѣющимъ глагола, какъ и къ нашему. Затѣмъ изъ наблюденія сообщается, что предложеніе безъ глагола невозможно. Если бы придать надлежащій вѣсь послѣднему утвержденію, то оказалось бы, что первое опредѣленіе предложения пусто и должно быть выкинуто; по этого не дѣлаютъ и тѣмъ производятъ туманъ.

По Буслаеву, «предложение, какъ суждение, выраженное словами, состоить изъ подлежащаго и сказуемаго напр. «человѣкъ мыслитъ», «науки полезны» (Гр. § 120). Намъ же известно, что подъ «добрый человѣкъ» и «любить науки» тоже могутъ разумѣться сужденія; но выраженія эти не суть предложений. Съ другой стороны, правда, что суждение должно состоять изъ подлежащаго и сказуемаго; но есть такое опредѣленіе предложения, болѣе вѣрное, чѣмъ ходячее, по которому выходитъ, что не только «хочется», но и «хочу» суть предложения безъ подлежащаго. Существенный признакъ предложений въ нашихъ языкахъ состоить въ томъ, что въ предложение входять части рѣчи, если ихъ нѣть, то нѣть и нашего предложения. На это обстоятельство нѣть даже намека въ опредѣленіи предложения, какъ сужденія, такъ какъ изъ понятія о суждении части рѣчи выведены быть не могутъ. Слѣдовательно такое опредѣленіе бесполезно.

«Во всякомъ предложениі должно отличать: 1) саму матерію, или содержаніе предложения, т. е. названія самыхъ понятій и представлений, входящихъ въ составъ предложения, и 2) способъ сочетанія ихъ въ предложениі».

«Содержаніе предложения выражается отдельными словами, означающими или предметъ (имя существительное), или дѣйствіе (глаголъ), или свойство (прилагательное). Способъ же сочетанія именъ и глаголовъ въ предложениі означается или окончаніями этихъ словъ (склоненіями и спряженіями), или же такими отдельными словами, которые сами по себѣ содержанія рѣчи не выражаютъ, а служатъ связью другимъ словамъ въ предложениі, или показываютъ между ними отношеніе. Такъ напр. въ предложениі «дерева цвѣтуть» сверхъ понятій: дерево, цвѣсти, отношеніе глагола цвѣтуть къ подлежащему дереву означено помощью окончанія — утъ» (ib. § 120).

Здѣсь содержаніемъ предложения названы понятія. Подъ этимъ словомъ мы не можемъ понимать ничего другаго, кроме единствъ познанныхъ признаковъ. Напр. понятіе дерева есть совокупность того, что мы знаемъ о деревѣ: что оно имѣетъ корень, стволъ, вѣтви, что оно растетъ, что оно многолѣтне и пр. Языкоzнаніе предполагаетъ, что слово можетъ указывать на такое содержаніе, но затѣмъ о немъ не судить и не нуждается въ немъ для объясненія явлений языка. Повторяемъ, что содержаніе языка состоитъ лишь изъ символовъ вицзычного значенія и по отношенію къ послѣднему есть форма. Чтобы получить вицзычное содержаніе, нужно бы отвлечься отъ всего того, что опредѣляетъ роль слова въ рѣчи напр. отъ всякаго различія въ выраженіяхъ: «онъ носитъ мечъ», «кто носить мечъ», «кому носить мечъ», «чье дѣло ношенье меча», «меченосецъ», «меченоша», «меченосный». Если при этомъ не всякое различіе между частями рѣчи исчезнетъ, то это будетъ служить лишь доказательствомъ несовершенства отвлеченія, а никакъ не того, что въ содержаніе предложения входять

различія между существительнымъ, прилагательнымъ и глаголомъ. Г. Буслаевъ, хотя гороритъ, что предложение по содержанію состоитъ изъ понятій, но подъ этимъ понимаетъ существительное, прилагательное, глаголь, т. е. настоящія грамматическая формы, которые суть содержаніе не для языка, а для грамматики. Но для грамматики различія между существительнымъ, глаголомъ и пр. суть въ той же мѣрѣ содержаніе, какъ и различія между падежами, числами, лицами и пр. Разница въ томъ, что «существительное», «глаголь» суть отвлеченія и впѣ мысли ученыхъ не существуютъ; дѣйствительное же бытіе имѣетъ только извѣстное существительное, извѣстный глаголь, составляющіе часть живой рѣчи, стоящіе въ совершенно опредѣленномъ отношеніи къ другимъ частямъ языка, снабженные всею полнотою формальныхъ опредѣлений, какую только могутъ выѣстить въ данный моментъ рѣчи, напр. мечь въ именит. или винит. ед. м. какъ подлежащее или дополненіе; посѣть 3 л. ед. наст. какъ сказуемое.

Признавши, что и то, что г. Буслаевъ называетъ матеріею, есть не матерія, а «способъ сочетанія», форма, мы преобразуемъ его положеніе такимъ образомъ: во всякомъ предложеніи должно различать форму и форму, т. е. въ предложеніи кроме формы нѣтъ ничего, такъ что, отнявши форму, мы уничтожимъ предложеніе флексивныхъ языковъ.

Понятное дѣло: когда, сказавши, что предложение состоитъ изъ подлежащаго и сказуемаго, мы затѣмъ порознь опредѣляемъ то и другое, то наши опредѣленія должны исключать другъ друга. Это не соблюдено въ слѣдующемъ:
а) «Основной членъ предложения есть сказуемое. *)
Собственная и первоначальная этимологическая форма сказуемаго есть глаголъ.»

---

*) Изъ опредѣленія предложения, какъ сужденія, и этого не видно. Въ сужденіи и подлежащее, и сказуемое равно существенны.

«Глаголъ въ смыслѣ сказуемаго означаетъ 1) признакъ, приписываемый предмету и 2) отношение лица говорящаго къ слушающему и къ предмету рѣчи».

Отношение лица «означается или мѣстоименіями личными, или личными окончаніями глагола, напр. я думаю» (§ 122).

б) «Подлежащее выражается или 1) самимъ лицомъ глагола напр. да—мъ, я говорю; или отдельною частью рѣчи, означающею предметъ, о которомъ говорится, напр. земля движется» (§ 124).

Здѣсь мѣстоименіе я въ «я говорю» не названо отдельною частью рѣчи вѣроятно въ томъ смыслѣ, что оно находится въ столь-же тѣсной связи съ глаголомъ, какъ и личное окончаніе.

Изъ сравненія а и б видно, что личное окончаніе или вмѣстѣ съ нимъ и личное мѣстоименіе входять въ составъ понятія сказуемаго и что они же входятъ и въ понятіе подлежащаго, такъ что предположеніе о раздѣльности этихъ членовъ предложения не выдержано. Выпутаться изъ этого можно такимъ образомъ. Личное окончаніе или вмѣстѣ съ нимъ мѣстоименіе личное, какъ чистая форма (отношеніе къ лицу, а не обозначеніе его указаниемъ), суть непремѣнныя составные части глагола. Безъ нихъ неѣть глагола, стало быть неѣть сказуемаго. Но если подлежащее не есть сказуемое, то оно никогда не бываетъ ни личнымъ окончаніемъ, ни личнымъ мѣстоименіемъ въ формальномъ значеніи.

Определеніе подлежащаго, какъ предмета, о которомъ говорится, имѣло бы смыслъ лишь какъ ссылка на другое определеніе, именно того, что мы условились понимать подъ предметомъ, о которомъ говорится. Что отождествление подлежащаго, какъ именительного падежа, и «предмета, о которомъ говорится», совершение условно и произвольно, въ этомъ, какъ давно замѣчено, можетъ убѣдить всякий смышленый и еще неперешколенный ребёнокъ. Вотъ рѣчь: «не заботьтесь о завтрашнемъ днѣ».

О чём тутъ говорится?—О завтрашнемъ днѣ.—Нѣтъ, не то! Какой главный предметъ этой рѣчи?—Чтобъ мы не заботились.—Нѣтъ, предметъ, о которомъ здѣсь говорится, это вы, второе лицо.—Но вѣдь о насть здѣсь ничего не говорится». Развѣ это не справедливо? Вообще всякая знаменательная часть рѣчи можетъ быть, смотря по контексту, предметомъ, о которомъ говорится въ предложениі.

Перейдемъ къ опредѣленію отношенія подлежащаго и сказуемаго къ другимъ членамъ предложения.

«Отдѣльные слова тогда только могутъ составить предложеніе, когда будутъ сложены одно съ другимъ: 1) по способу согласованія, или 2) по способу управлениія словъ». (Буслаевъ, Гр. § 121). Этими двумя или долженъ исчерпываться способъ сочетанія словъ въ предложениі. Ниже намъ представится случай повѣрить это утвержденіе. Согласованіе предполагаетъ, что одинъ членъ есть согласуемый (объясняющій), а другой, съ которыемъ нѣчто согласуется,—объясняемый. Управление тоже предполагаетъ члены управляющій и управляемый (ib.).

«Подлежащее и сказуемое именуются главными членами предложения, въ отличие отъ другихъ словъ, которыхъ ихъ объясняютъ и дополняютъ и называются членами второстепенными» (ib. § 125).

Такъ какъ второстепенные члены предложения въ свою очередь могутъ имѣть при себѣ свои собственные согласуемые и управляемые слова (§ 127), то значитъ

Подлежащее и сказуемое суть члены объясняемые и дополняемые, но не служащіе другимъ объясненіемъ. Затѣмъ намъ остается узнать, что значитъ быть объясняемымъ, дополняемымъ и объяснять, дополнять. Но какъ бы въ частности ни опредѣлялись эти явленія, во всякомъ случаѣ они предполагаютъ части рѣчи, флексіи въ общирномъ смыслѣ. Согласно съ этимъ, путь, которому мы здѣсь слѣдовали, не приводить къ опредѣленію

подлежащаго и сказуемаго. Такое определение можетъ быть удовлетворительно только въ томъ случаѣ, если будеть вмѣстѣ съ тѣмъ определениемъ частей рѣчи, функция коихъ—быть подлежащимъ и сказуемымъ.

«Второстепенные члены разсматриваются въ двоякомъ отношеніи: 1) по синтаксическому употребленію и 2) по значенію» (Гр. § 125). Значеніе словъ, какъ членовъ предложения, формально и, какъ такое, сказывается въ синтаксическомъ употребленіи, есть само это употребленіе. Конечно, не звуки слова и не его вещественное значение составляютъ его грамматическую функцию, а именно его формальное значеніе. Такимъ образомъ для насъ двѣ точки зрѣнія, различаемыя г. Буслаевымъ, составляютъ одну и ту же; но такъ какъ онъ держитъ эти точки раздѣльно и, какъ увидимъ, глядя съ нихъ приходимъ къ противорѣчивымъ заключеніямъ объ одномъ и томъ же, то значитъ, здѣсь подъ значеніемъ разумѣется не то, что выше (§ 120) было названо матеріею предложения и оказалось его формою. Здѣсь подъ значеніемъ можетъ разумѣться лишь пѣчто неграмматическое и даже вовсе неязычное.

Посмотримъ, какъ представляются второстепенные члены съ точки синтактическаго употребленія.

«По синтаксическому употребленію они суть слова, присоединяемыя къ главнымъ членамъ предложения посредствомъ согласованія или управления. Присоединяемыя посредствомъ согласованія именуются словами опредѣлительными; посредствомъ управления—дополнительными» (§ 125). Минуя тотъ кругъ, что главное есть то, что невторостепенно и наоборотъ, посмотримъ, какъ разграничиваются согласование и управление. «Согласованіемъ называется такое сочетаніе словъ, въ которомъ одно слово уподобляетъ свое окончаніе оконча-

нію другаго»... «управлениемъ — такое, въ которомъ одно слово зависитъ отъ другаго» (§ 121).

Въ первомъ определеніи было бы точнѣе сказать не объ уподобленія окончанія (какое мы видимъ напр. когда винительные цѣркви, камене, отличные по окончанію отъ винител. именъ съ темою — *и*, получаются при томъ же значеніи окончаніе сходное съ пѣть, кость, именно церковь, камень), а объ уподобленіи формы, въ смыслѣ значенія. Затѣмъ согласованіе и управление сводятся на уподобленіе и зависимость. Если точнѣе не опредѣлить этихъ терминовъ, то они легко могутъ быть поставлены одинъ вмѣсто другого: когда подъ вліяніемъ существительного я говорю: «добрый (а не — ая, ое) человѣкъ», «человѣкъ добръ», то это случай согласованія, уподобленія; а между тѣмъ развѣ здѣсь прилагательное не зависитъ отъ существительного? Наоборотъ, въ управлениі зависимости можетъ быть названа уподобленіемъ. Когда при действительномъ глаголѣ ставимъ винительный прямого объекта (любить ближняго), или при глаголѣ предложномъ имя съ такимъ же или соотвѣтственнымъ предлогомъ (войти въ городъ, выйти изъ города), то развѣ это не согласованіе, не уподобленіе падежа значенію глагола?

Остается искать другихъ различій. При управлениі «слово означаетъ свою зависимость отъ другаго или окончаніемъ падежа или же предлогомъ» (§ 121); при согласованіи предлога не бываетъ. Эта черта могла бы охарактеризовать употребленіе безпредложныхъ падежей въ определеніи, но она осталась необъясненною.

Различіе определительныхъ и дополнительныхъ по разряду словъ, къ коимъ они присоединяются, тоже неудачно: определительная присовокупляется къ существительнымъ и мѣстоименіямъ напр. этотъ человѣкъ, доброе дѣло, я самъ и проч.; дополнительная зависитъ отъ глагола или отъ имени, произведенаго отъ глагола; *) напр. «любить чтеніе», «лю-

*) Есть ли доказательства, что всѣ дополнительныя прилагательныя отглагольны?

бовь къ чтенію», «достоинъ награды» (§ 125). Слѣдовательно, опредѣлительныхъ не бываетъ при глаголѣ и прилагательномъ; но 1) куда отнести прилагательное въ «остался бѣденъ»? Оно есть именительный чадежъ и потому зависимъ и дополнительнымъ быть не можетъ (§ 121); оно согласуется и потому, какъ увидимъ, не можетъ быть обстоятельствомъ; оно ближайшимъ образомъ относится къ глаголу и потому не есть опредѣлительное подлежащаго, тѣмъ болѣе что качественное прилагательное, будучи такимъ опредѣлительнымъ въ литературномъ Русскомъ языкѣ, стоитъ въ определенной формѣ (бѣдный человѣкъ). Остается признать, что оно входить въ составъ сказуемаго—какъ что? какъ опредѣлительное. Самъ г. Буслаевъ называетъ такое слово опредѣленіемъ: составное сказуемое содергть въ себѣ при глаголѣ существительномъ (только) второстепенные члены предложения, между прочимъ «опредѣленіе» напр. Богъ всемогущъ (при опредѣлительномъ всемогущій Богъ) (§ 128). Опредѣленіе есть опредѣлительное, стоящее при глаголѣ. 2) Какъ назвать такой въ «это такой добрый человѣкъ, что....»? Это слово показываетъ здѣсь не качество человѣка (такой человѣкъ), а качество доброты (такой добрый) слѣдовательно есть опредѣлительное прилагательное.

По началамъ параграфовъ 121 и 125 казалось бы, что всѣ отношения между членами предложения должны подходить подъ понятія согласованія и управлениія и что второстепенные члены должны быть непремѣнно или опредѣлительными, или дополнительными; но къ удивлению оказывается, что «сверхъ опредѣлительныхъ и дополнительныхъ должно отличать еще такие члены предложения, которые не состоятъ въ видимой синтаксической связи съ словами, къ которымъ присоединяются, т. е. не согласуются и не управляются напр. «очень хороший», ити въ городъ. «Такія слова именуются обстоятельственными». (§ 125).

Это видно г. Буслаеву съ той-же точки «синтаксического употреблени¤»; при этомъ оказывается, что послѣднее можетъ быть отождествлено съ «синтаксическою связью» лишь въ томъ случаѣ, если эту связь раздѣлимъ на видимую и невидимую: обстоятельственные слова или вовсе не находятся въ связи съ другими членами и въ такомъ случаѣ стоять виѣ предложени¤, что невозможно, или находятся съ ними въ невидимой связи и тогда какъ узнать о существовани¤ этой связи?

Хотя мы видимъ, что попытка опредѣлить второстепенные члены предложени¤ по синтаксическому употреблени¤ г. Буслаеву не удалась; но въ этомъ виновата не точка зрењія (синтактическое употреблени¤). Какъ сказано, мы можемъ считать эту точку единственно вѣрною и съ заранѣе готовымъ сомнѣніемъ приступаемъ къ разсмотрѣнію того, что можетъ явиться г. Буслаеву съ другой точки, называемой имъ (и другими) значеніемъ.

«Разматривая второстепенные члены предложени¤ по ихъ значенію, видимъ: 1) что опредѣлительные присоединяются къ другимъ словамъ посредствомъ не только согласованія, но и управлени¤ и 2) что между обстоятельственными, сверхъ вышеупомянутыхъ, несогласующихся и не управляемыхъ, большая часть такихъ, которые относятся къ дополнительнымъ. Что же касается до этихъ послѣднихъ» (г. е. дополнительныхъ, которые въ тоже время не суть обстоятельственны?), то самое ихъ значение опредѣляется синтаксическимъ употреблениемъ, т. е. управлениемъ» (125).

Передъ нами два дѣленія понятія о второстепенномъ членѣ предложени¤, изъ коихъ первое, по синтактическому употреблени¤, сосчитъ въ томъ, что такой членъ бываетъ или согласуемымъ, или управляемымъ, или такимъ, въ коемъ нѣть признаковъ ни согласованія, ни управлени¤. Второе дѣленіе того же понятія,

по значенію, совмѣщаются съ первымъ, такъ что опредѣлительное есть частью согласуемое, частью управляющее, обстоятельственное—частью управляемое, частью ни управляющее, ни согласуемое; дополнительное все заключено въ понятіи управляемаго, но не тождественно съ этимъ понятіемъ, въ которомъ, кромѣ дополненія, вмѣщаются отчасти опредѣлительныя и обстоятельственныя. Съ одной точки дѣленіе второстепенныхъ членовъ на согласуемые и пр. че только оказалось нужнымъ для дѣленія ихъ на опредѣлительные и пр. но и совершенно совпадало съ нимъ; по съ другой точки первое дѣленіе оказалось совершенно ненужнымъ для втораго. Вглядываясь въ нижеслѣдующія поясненія второго дѣленія, мы находимъ объясненіе такому отношенію въ томъ, что второе дѣленіе по значенію основано не на наблюденіи надъ языкомъ, а надъ чѣмъ-то не имѣющимъ къ языку непосредственнаго отношенія; что автору только кажется, будто онъ различнымъ образомъ дѣлить одно и тоже понятіе, между тѣмъ какъ онъ дѣлить два различныя понятія и влагаетъ въ одно то, что нашелъ въ другомъ.

«Опредѣлительные присоединяются къ другимъ словамъ для означенія признаковъ, по вопросамъ: какой? чей? который? сколько? Напр. этотъ домъ, моя книга, умный человѣкъ, пятый годъ, пять лѣтъ» (§ 125). Свойство этихъ вопросовъ таково, что, отвѣчая на нихъ, мы не должны обращать вниманія на грамматическую форму отвѣтовъ и что опредѣлительное, узнанное по этимъ отвѣтамъ, окажется понятіемъ вовсе не грамматическими. Г. Буслаевъ пытается ограничить эти отвѣты известными грамматическими формами, напр. считаетъ опредѣлительными изъ несогласуемыхъ словъ только такие, которые стоять въ родительномъ безъ предлога, а не въ другихъ падежахъ съ предлогомъ или безъ него (ib.); но это съ его стороны непослѣдовательно.

«Какой» есть вопросъ о качествѣ независимо отъ его грамматической формы. Если г. Буслаевъ говорить,

что родительные падежи въ «человѣкъ *пожилыхъ лѣтъ*», «свѣтъ солица» суть опредѣлительныя, потому что стоять вмѣсто «*пожилой* человѣкъ», солнечный свѣтъ, (ib.), то мы лишь разовьемъ эту его мысль, утверждая, что существительныя въ родительномъ съ предлогомъ, предложномъ, винительномъ, творительномъ, дательномъ съ предлогами и безъ нихъ, служащіе отвѣтами на вопросъ о качествѣ и замѣняемые прилагательными, суть тоже определенныя: человѣкъ въ лѣтахъ (=пожилой); итогъ деньгамъ (=депежный); Ст. Сл. євангелие на умѣніе погамъ (=ножъноє); корова съ теленкомъ (въ смыслѣ «стельная»); дѣвица съ длинными волосами (=длинноволосая); черезъ мѣру трудъ (=чрезмѣрный); Мр. свита до діла (добра); курка до соку (соковá); сорочка до долу (доділна изъ одной ткани до самаго низу); сидѣльце од золота (золотое); молодецъ г—речи (къ рѣчи, «гречивый», ггзесчу, до ггзесгу); на руку ковінка (шалка ловкая) и т. д. Нашъ выводъ согласенъ между прочими съ слѣдующими словами г. Гатталы: «за подчиненный атрибутъ (по терминологии г. Буслаева—несогласуемое опредѣлительное) слѣдуетъ считать (между прочимъ) и родительный и другіе падежи съ предлогами вездѣ, гдѣ ими ближайшимъ образомъ опредѣляется существительное или другое имя, занимающее его мѣсто, напр. král jsem bez wojsk, laska k Bohu. Сюда въ особенности относятся описанія сложныхъ нѣмецкихъ словъ, какъ boty do bláta (koth—stiefeln), hra v karty (karten—spiel), šátek na krk (hals—tuch), šaty do prase a šaty na svátek (alltags und feiertags—kleider) (Srovnaní mluvnice jáz. českého a slov. § 23). Не переходимъ ли мы такимъ образомъ въ область другихъ членовъ предложенія? Да, конечно. Въ «любовь къ чтенію» лат. съ предл., по синтаксическому употребленію, есть дополненіе (Буслаевъ, § 125); но намъ до этого въ сущности нѣть дѣла, такъ какъ на этотъ разъ опредѣляемъ по значенію. Дурно только то, что, занимаясь этими отвѣтами, мы думаемъ, будто различаемъ второстепенные члены предложенія между собою: мы не от-

личаемъ ихъ даже отъ главныхъ, ибо было бы произвольно думать, что глаголь не можетъ служить отвѣтомъ на вопросъ о качествѣ: какой это лугъ? — его понимаетъ весною (лугъ поемный).

Отвѣтомъ на «чей» (вопросъ о принадлежности) служить безразлично родит. существительного и прилагательное: сынъ отца, отцовскій сынъ. Говорится, будто и другое есть одинъ и тотъ же членъ предложенія.

«Который»? па это отвѣтъ — не только иѣстоименіе указательное и числительное порядочное, но и всякое обозначеніе мѣста, занимаемаго предметомъ въ ряду другихъ, напримѣръ, Mr. обозначеніе степени родства: братъ у первыхъ (въ первыхъ).

Отвѣчая на «сколько»? мы отвлекаемся отъ синтаксического различія между двѣ версты (именит.), много людей и много сдѣлалъ, заплатилъ три (винит.) съ полтиной. Замѣчательно еще слѣдующее: «не согласуются съ своимъ опредѣляемымъ слова опредѣлительныя, выраженыя... числительными количественными, начиная съ пяти напр. пять лѣтъ (т. е. лѣта числомъ пять)» (ib.). Согласно съ этимъ въ старинномъ «та десять копеекъ описана» (Буслаевъ, Гр. § 230), или въ современномъ «тѣ десять копеекъ описаны» опредѣлительное есть десять, а опредѣляемое — родительный копеекъ. Подлежащее здѣсь па лицо; но гдѣ же оно? Если десять есть опредѣлительное, то оно не подлежащее. Дозволивши себѣ передѣлку въ «копны числомъ десять описаны, по вышеуказанному образцу», узнаемъ, что подлежащее есть копень, родительный падежъ! Пусть кто либо согласиться съ этимъ извѣстіемъ то, что «этимологическая (замѣтимъ: не синтаксическая) форма подлежащаго есть именитый падежъ» (Гр. § 124). Г. Буслаевъ, сколько мнѣ извѣстно, прямо не говоритъ, что родительный бываетъ подлежащимъ; но онъ долженъ бы это сказать, потому что это дѣйствительно такъ со стороны «значенія» этого падежа, и другіе ученые это дѣлаютъ, напр. Гаттала: послѣ основныхъ числительныхъ отъ пяти... и собирательныхъ двѣ (двоє и пр.), какъ атрибутовъ

подлежащаго, это послѣднее ставится въ родительномъ, а сказуемое въ 3-мъ л. ед. ср. р.: *vystupovalo sedm krav pekných a tlustých.* (Srov. mluv. § 22, 1, c.), не смотря на то, что тамъ же (§ 23, 2): «За подчиняемый атрибутъ считаемъ родительный раздѣлительный въ случаѣ въ § 22, 2, 1, с. (*vystupovalo sedm krav*) и послѣ парѣчій, какъ *mnoho*, *malo*: *zběhlo se mnoho lidu*.» Такимъ образомъ *krav* есть въ тоже время и подлежащее и опредѣлительное, т. е. двѣ точки, съ которыхъ это кажется, непримиримы.

«Дополнительными словами означается отношеніе дѣйствія къ предмету» (т. е. наоборотъ предмета къ дѣйствію), «который подлежитъ дѣйствію и къ лицу дѣйствующему. Эти отношенія выражаются помошью косвенныхъ падежей, какъ безъ предлоговъ, такъ и съ предлогами т. е. въ управлѣніи непосредственнымъ и посредственнымъ» (Буслаевъ. § 125 II).

Категоріи дополненія (лицо дѣйствующее и предметъ подлежащей дѣйствію) опредѣляются такимъ образомъ—

«Въ синтаксическомъ отношеніи лицомъ дѣйствующимъ можетъ быть не только одушевленный но и неодушевленный предметъ; и наоборотъ, предметомъ дѣйствія можетъ быть лицо одушевленное. Напр. въ выраженіяхъ: «освѣщено солнцемъ» и «любить родителей» солнце есть лицо дѣйствующее, а родители—предметъ дѣйствія». Точка зрѣнія, съ которой творительный при страдательномъ оборотѣ означаетъ лицо дѣйствующее, есть не синтаксическая, не грамматическая. Съ грамматической точки дѣйствующее лицо есть именительный падежъ, подлежащее. Самъ г. Буслаевъ говорить, что, приписывая дѣйствіе предмету неодушевленному, мы представляемъ его лицомъ дѣйствующимъ, напр. «рѣка омываетъ берега» (§ 148). Удержаніе обѣихъ точекъ зрѣнія ведеть къ нераэрѣшимой путаницѣ, ибо если творитъ падежъ при страдательномъ оборотѣ

есть лицо действующее, то именительный подлежащего въ томъ же оборотѣ есть предметъ дѣйствія, т. е. тоже самое, что винительный при дѣйствительномъ глаголѣ. И въ другихъ случаяхъaprіорно-грамматическое направление смыывается дополненіе съ подлежащимъ. Такъ г. Буслаевъ говоритъ, что при безличномъ сказуемомъ лицо действующее обозначается различными косвенными падежами, замѣнившими первоначальный именительный подлежащаго, именно дательнымъ (мнѣ думается=я думаю), творительнымъ (его громомъ убило =громъ его убиль), родительнымъ «происшедшімъ изъ подлежащаго» (наѣхало гостей) и просто родительнымъ подлежащаго» (нѣтъ денегъ), а въ народномъ языкѣ родительнымъ съ предлогомъ *у* при страдательномъ причастіи (впереди его проѣхано у богатыря=богатырь проѣхалъ) (§ 201). Сказанное здѣсь о замѣнѣ косвенными падежами первоначального именительного (подлежащаго) придаетъ всему такой видъ, какъ будто эти косвенные падежи имѣютъ какое-то право наслѣдства на значеніе подлежащаго; но такъ не бываетъ. Когда извѣстная категорія возникаетъ изъ другой, т. е. при ея посредствѣ, то въ результатѣ мы получаемъ двѣ категоріи, которые въ общемъ могутъ быть весьма различны между собою. Такъ изъ причастія, какъ опредѣленія, получается дѣепричастіе, которое не остается въ роли опредѣленія по наслѣдству, а создаетъ себѣ новую роль. Но въ разсматриваемомъ случаѣ нѣтъ и этого: врядъ-ли какая либо этимологія возведетъ всѣ косвенные падежи къ именительному; по крайней мѣрѣ совершенно несомнѣнно, что этимологическая связь ихъ съ именительнымъ можетъ быть лишь самая отдаленная. И замѣны въ смыслѣ вытѣсненія одного оборота другимъ (какимъ бы ни было: этимологически-родственнымъ, или пѣтъ) здѣсь нѣтъ: «мнѣ думается» и «я думаю» остаются въ языкѣ на равныхъ правахъ. Здѣсь есть только субъективная замѣна. т. е. ученый подставляетъ одно изъ синонимическихъ выражений вместо другаго, котораго объясненіе кажется ему болѣе

труднымъ. Здѣсь видимъ только ошибочный пріемъ: для облегченія задачи изслѣдованія судить по одной вещи о другой совершенно отличной. Синонимичность такъ употребляемыхъ словъ состоить въ томъ, что они безразличны по отношенію къ извѣстной абстракціи, каково напр. логическое подлежащее. Гораздо откровеннѣе было бы поступить здѣсь, какъ, выше по образцу разсужденія: «свѣтъ солнца=солнечный свѣтъ; слѣдовательно солнца есть опредѣлительное», т. е. сказать: «мнѣ хочется=*я* хочу, слѣдовательно мнѣ (не происходить отъ подлежащаго и не замыняеть его, а) есть подлежащее». Такъ и дѣлаются другіе, между прочимъ г. Гаттала, который знаетъ случай, когда между подлежащимъ, стоящимъ въ родительномъ, и сказуемымъ нѣть никакого согласованія: *není jich* ихъ (подлежащ.), нѣть (*Sr. mlu.* § 19, I). У Зикмунда (*Skladba jaz. Česk.* § 14) узнаемъ еще болѣе: подлежащимъ бываетъ не только родительный безъ предлога и съ нимъ, но и дательный, и винительный съ предлогами, именно тогда, когда падежи эти обозначаютъ мѣру и приблизительный счетъ (при сказуемыхъ въ среднемъ родѣ) напр. *zemřelo lidí do* (*okolo*, *blízko*) *tříkřáte sto tisíc*; *bylo jich k dvěma tisícům*; *pod tisíc koní tam bylo*; *hosti bylo o tří stoly*. Допуская пользованіе синонимичностью выражений въ вышеопредѣленномъ смыслѣ, возражать противъ этого невозможно, ибо подставивши напр. вмѣсто послѣдняго выражения другое хотя и не русское и не чешское: «три стола гостей были» (а не было), мы увидимъ, что подлежащее въ первомъ есть не *hosti* (гостей), а о *tří stoly* (около трехъ столовъ). Возражать можетъ только тотъ, для кого и гостей не есть подлежащее и для котораго единственное указаніе на функцию членовъ предложения есть ихъ грамматическая форма. Кстати замѣчу, что Малецкій (*Gram. jęz. Polskiego* §§ 601, 646) весьма здраво судить о томъ свойствѣ Польского языка, по которому числительные при такъ называемыхъ безличныхъ глаголахъ ставятся въ родительномъ: *dwóch*, *trzech*, *pięciu*, *szesciu* *było*, *poległo*, *zostało*: только ка-

жется (съ логико-грамматической точки), что подлежащее здѣсь двоѣ и пр.; но въ дѣйствительности подлежащаго нѣтъ, а родительный, по мнѣнію Малецкаго, имѣющій смыслъ винительного, во всякомъ случаѣ есть второстепенный членъ предложения.

«Слова обстоятельственные употребляются въ предложениѣ для означенія обстоятельства мѣста, времени, образа дѣйствія или качества, мѣры и счета, причины». Слѣдуетъ перечисленіе вопросовъ (гдѣ, откуда и пр.), на которые отвѣтами служатъ обстоятельственные (Буслаевъ. Гр. § 125, III). Не останавливаясь на трудности по этимъ вопросамъ разграничить между собою категоріи обстоятельства, обращаю вниманіе на то, что и сама эта категорія въ цѣломъ не можетъ быть отличена отъ дополненія, а какъ мы видѣли, и отъ подлежащаго, когда самъ не знаешь, почему судить: по формѣ, или не по формѣ. Въ «войти въ городъ»—«въ городъ» по значенію есть обстоятельство мѣста, а по управлению—дополнительное (Буслаевъ ib.). Слѣдовательно дополнительное не есть значеніе. Однако «глаголы, означающіе движеніе и пребываніе, требуютъ послѣ себя, въ смыслѣ дополненія, обстоятельственныхъ словъ... напр. ити въ городъ» (ib.). Слѣдовательно, такъ какъ обстоятельство имѣть смыслъ дополненія, то дополненіе есть значеніе.

Мы видѣли выше, что творительный въ «освѣщено солнцемъ» есть *quod libet*: подлежащее или дополненіе; но въ «пишу первомъ» это есть обстоятельство образа дѣйствія. Почему не подлежащее? Развѣ не можетъ здѣсь говориться о перѣ (а не о кисти и пр.), что я имъ пишу? Винительный въ «съѣлъ пирогъ» есть дополненіе, но въ «съѣлъ кучу пироговъ»—обстоятельство мѣры и т. д.

Въ заключеніе замѣтимъ, что то направленіе, которое произвело такую путаницу въ грамматикѣ, строго говоря, не можетъ быть названо логико-грамматическимъ. Въ немъ несравненно болѣе априорнаго, чѣмъ можетъ дать формальная логика. Такъ напр. къ сбивчивости опредѣленій второстепенныхъ членовъ предложения логика не причастна, потому что, какъ выше сказано, второстепенныхъ членовъ она вовсе не знаетъ, что признаетъ и г. Буслаевъ (Гр. § 126).

X.

Члены предложения и части рѣчи.

1. Когда говорится, что «первое слово есть уже предложеніе», то подъ «предложеніемъ» безсознательно разумѣется не то, что носить это название въ формальныхъ языкахъ, а психологическое (не логическое) сужденіе при помощи слова. Первое слово служить связью двухъ мысленныхъ единицъ: объясняемой (психологической субъектъ) и объясняющей (психологической предикатъ). Такое слово есть представление объясняемаго. Сочетаніе двухъ такихъ словъ есть представление объясняемаго и представление объясняющаго безъ всякаго сознанія ихъ отношеній. Между тѣмъ простѣйшее предложеніе нашихъ языковъ заключаетъ уже въ себѣ грамматическую форму; оно появляется въ языкѣ вмѣстѣ съ нею. Образованіе и измѣненіе грамматическихъ формъ, составляющихъ формальное (грамматическое) содержаніе предложенія, есть другое название для образования и измѣненія самаго предложения т. е. того ближайшаго цѣлаго, въ коемъ совершается жизнь этихъ формъ. Въ виду взгляда на языкъ, какъ на дѣятельность, невозможно смотрѣть на грамматическая категоріи, каковы глаголъ, существительное, прилагательное, какъ на нечто неизмѣнное, разъ навсегда выведен-

ное изъ всегдашихъ свойствъ человѣческой мысли. Напротивъ, даже въ относительно небольшіе періоды, заключающіе въ себѣ нѣсколько поколѣній, эти категоріи замѣтно мѣняются. Глаголь, относящій свое лексическое содержаніе къ грамматическимъ понятіямъ совершенности, несовершенности и степеней длительности, не есть тотъ глаголь, который не знаетъ этихъ категорій. Точно такъ измѣнчивое множество понятій заключается въ отвлеченіи, которое мы называемъ «имя». Но вмѣстѣ съ измѣненіемъ частныхъ грамматическихъ категорій по количеству и качеству неизбѣжно измѣняется и предложеніе./ Строго говоря, исторія языка на значительномъ протяженіи времени должна давать цѣлый рядъ опредѣленій предложенія, и если бываетъ иначе, то это зависитъ лишь отъ несовершенства наблюдений. Вниманіе наше останавливается преимущественно на такихъ чертахъ предложенія, которые въ теченіе вѣковъ и тысячелѣтій кажутся неизмѣнными, и такимъ образомъ возникаетъ опредѣленіе, разумѣбъся, очень общее, сходное для многихъ періодовъ одного языка и даже многихъ языковъ.

2. Мы замѣчаемъ, что въ Арийскихъ языкахъ главное, независимое отъ другаго предложеніе (кромѣ случаевъ опущенія) невозможно безъ глагола въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. за исключеніемъ причастныхъ формъ *), и что самъ по себѣ такой глаголь составляетъ предложеніе. Поэтому, опредѣливши такой глаголь, мы тѣмъ самымъ опредѣлимъ minimum предложенія этихъ языковъ **).

*) Въ слѣдующей статьѣ «о составныхъ членахъ» будуть рассмотрѣны причастныя формы, какъ сказуемыя придаточныхъ предложений въ Славянскомъ и Литовско-Латышскомъ языкахъ. Здѣсь оставляются они въ сторонѣ.

**) По Курціусу (*Zur chronolog. der indog. sprachl.* 21) разница между именемъ и глаголомъ та, что «das nomen bloss nennt, das verbum aussagt» т. е. что глаголь есть сказуемое.

На вопросъ «что такое глаголь, какъ сказуемое, и чѣмъ отличается онъ отъ ближайшей къ нему части рѣчи, имени?» прежде всего слѣдуетъ отвѣтить такимъ образомъ: если предложеніе не можетъ быть опредѣлено, какъ содержаніе, то и свойство составныхъ его членовъ вообще, и въ частности различіе имени и глагола должно быть только формальное т. е. должно состоять не въ содержаніи, а въ способѣ его представлять.

Многіе называютъ всѣ корни, за исключеніемъ мѣстоименныхъ, глагольными. Если подъ єтимъ разумѣть болѣе того, что отъ такихъ корней образуются между прочимъ и глаголы; если думать, что такъ называемый глагольный корень ближе къ глаголу, чѣмъ къ имени; то выйдетъ, что глагольный корень не есть корень въ смыслѣ первообразнаго слова безъ всякихъ опредѣлений.

Говорятъ, что глаголь означаетъ дѣйствіе, какъ существительное—предметъ, а прилагательное свойство (Буслаевъ, Гр. § 120). Пусть даже корень глагола «летить» и точно означаетъ дѣйствіе, движеніе: это одно не составитъ глагольной природы, ибо слова бѣгъ, пляска, рѣчъ, и т. п., означающія дѣятельности, не суть глаголы (Steinth. Gr. Log. u. Ps. 370; ср. Буслаева Гр. § 158: «названія отвлеченныхъ свойствъ и дѣйствій суть существительныя, а не прилагательныя и глаголы, напр. бѣлизна, доброта, любовь, хожденіе»). Но первобытое качественное (см. ниже) слово означаетъ даже не дѣятельность, а неразложенное воспріятіе, безразличную совокупность дѣятельности или качества и предмета, напр. не полетъ приписываемый птицѣ, а летящую птицу безо всякаго анализа этого явленія. Въ корѣ глагола летить, по предположенію, нѣть никакой грамматической формы, кроме звуковой; въ немъ все есть содержаніе, притомъ такое, которое не можетъ быть получено посредствомъ извлечения экстракта изъ формъ летить, летять, летъ, летящій, летучій и пр., потому что такой экстрактъ не будетъ означать конкретнаго явленія полета.

Глаголъ предполагаетъ или грамматически-сформированное слово, какъ другой глаголъ, имя, или слово, не имѣющее грамматической формы. Въ послѣднемъ случаѣ лексическое содержаніе глагола есть примѣта или признакъ, посредствомъ котораго воспріятіе вводится въ сознаніе. Такое же содержаніе въ той же мѣрѣ предполагается и именемъ и есть стольже доименное какъ и доголагольное. Будучи названо примѣтою, оно не будетъ отличено и отъ словъ, лежащихъ въ основаніи нашихъ мѣстоименій; но доголагольное и доименное слово отличается отъ домѣстоименного тѣмъ, что послѣднее отмѣчаетъ воспріятія указаніемъ, т. е. относительно говорящаго (этотъ—болѣе близкій ко мнѣ, тотъ—болѣе далекій отъ меня-же), а первое—признакомъ безъ относительнымъ. Поэтому, устранивши сбивчивый терминъ «глагольные корни», слѣдуетъ назвать доименные и доголагольные слова корнями безъ относительными, качественными или объективными, а до-мѣстоименные (кромѣ позднѣйшихъ рѣдкихъ случаевъ, когда мѣстоименіе образуется отъ словъ качественныхъ, какъ Литов. *pats*, самъ)—относительными, указательными или субъективными (Steinth. Charakteristik и пр. 278).

Итакъ понятіе о качественномъ или, какъ прежде называли, глагольномъ корнѣ не даетъ никакого руководства къ различенію глагола и имени. Сравнивая съ одной стороны выраженія, какъ «зеленая трава», не составляющія предложения, а съ другой предложения, какъ «трава зеленѣть», мы не найдемъ въ нихъ никакого различія по содержанію; но глаголъ изображаетъ признакъ во время его возникновенія отъ лица, а имя—нѣть. Въ этомъ опредѣленіи глагола безразлично, будетъ ли моментъ возникновенія признака современенъ рѣчи говорящаго, или нѣтъ; будетъ ли время представляться продолжительнымъ, или мгновеннымъ; будетъ ли самое возникновеніе признака фактомъ, или повѣніемъ, желаніемъ, условіемъ. При большомъ разнообразіи прочихъ формальныхъ опредѣленій, въ гла-

глаголъ постоянно лишь то, что въ немъ признакъ предстаетъся «энергическимъ обнаружениемъ силы непосредственно вытекающимъ изъ лица» (Humb. Ueb. Versch. 256, 259; Steinth. Charakt. 278). Въ понятіе о глаголѣ непремѣнно входитъ отношеніе къ лицу, каково бы ни было это послѣднее: известное или нѣтъ, дѣйствительное или фиктивное. Отсюда вытекаетъ слѣдующее: во первыхъ, что глаголъ предполагаетъ двойственность состава, сочетаніе корней качественного и указательного, между тѣмъ какъ въ имени 3-е лицо первоначально могло разумѣться и само собою, безъ особаго указанія; во вторыхъ, такъ какъ въ выраженіяхъ, какъ «люблю», и равносильныхъ имъ, хотя и снабженыхъ знакомъ лица спереди (*j'aime*), есть только отношеніе къ лицу, а самое лицо (подлежащее) не обозначено никакъ, ни качественно, ни указательно, то такія выраженія не заключаютъ въ себѣ ничего, кроме скажемаго т. е. безсубъектны. Поэтому предложенія, какъ «свѣтаетъ», которыя дѣйствительно отличны отъ вышеупомянутыхъ, такъ же неволко называть ихъ «старымъ именемъ» («безличныя», хотя имѣютъ лицо т. е. *Iusus a non lucende*), какъ и именемъ, какое предлагаютъ имъ теперь, между прочимъ, Миклошичъ: «безсубъектны». Правда, они безсубъектны, но этимъ не обозначено ихъ отличие отъ «люблю» и пр. Въ послѣднихъ мы имѣемъ указаніе на опредѣленный субъектъ («люблю кто?—я»), въ первыхъ на неопредѣленный: «свѣтаетъ» что?—неизвестно что, нѣчто, въ Славянскихъ языкахъ, какъ и въ Нѣмецкомъ относимое къ среднему роду («разсвѣло»). Впрочемъ въ стремлѣніи къ точности выраженія легко дойти до абсурда, если не принимать въ разсчетъ, что вообще слово цѣнится не по своему ⁴этимологическому значенію, а по тому, на которое указываетъ значение этимологическое. Подъ безличностью глагола давно привыкли поминать не отсутствіе грамматического лица, а известныя его свойства. Этимъ устранена опасность смѣшанія понятій и необходимость исключить нового термина.

О другомъ определеніи подлежащаго и сказуемаго (Буслаевъ, Гр. §§ 122, 124), по которому выходитъ, что «дамъ», «я говорю» суть сказуемыя, но въ тоже время заключаютъ въ себѣ подлежащія (личныя окончанія и личныя мѣстоименія съ чисто формальнымъ значеніемъ), такъ что за вычетомъ подлежащаго сказуемымъ окажется не личный глаголъ, а глагольная тема, было говорено выше (IX).

Личныя окончанія, какъ знаки связи сказуемаго съ подлежащимъ, образовались изъ указательныхъ словъ, имѣвшихъ вещественное значеніе. До этого не было еще глагола-сказуемаго въ вышеопредѣленномъ смыслѣ, но возникновеніе его могло быть известнымъ образомъ подготовлено. Штейнталъ думаетъ, что до появления личныхъ окончаній разница между названіемъ дѣйствующаго лица и его энергіи была въ Арийскихъ языкахъ наимѣчена тѣмъ способомъ, который въ семитическихъ языкахъ есть главное средство образованія формъ, а въ Арийскихъ уже съ давнихъ поръ имѣть лишь второстепенное значеніе, именно внутреннимъ измѣненіемъ корня; дѣйствіе означалось удвоеннымъ корнемъ, дѣйствующее лицо — корнемъ простымъ съ усиленною гласною (Charakterist. 255). Во всякомъ случаѣ тотъ глаголъ и то имя были вовсе не то, чѣмъ они стали по образованіи личныхъ и падежныхъ окончаній.

3. Определенія подлежащаго, определенія (грамматического атрибута) сложнаго сказуемаго, дополненія (грамматического объекта) должны совпадать съ определеніемъ имени, къ которому мы теперь и переходимъ.

Существительные и прилагательные въ тѣсномъ смыслѣ (т. е. произведенные отъ безотносительныхъ корней), будучи близки къ глаголу *), еще болѣе близки между собою. И теперь многіе суффиксы безразлично образуютъ какъ существительные, такъ и прилагательные.

*.) Что однако не даетъ права утверждать, что «всѣ имена происходятъ отъ глаголовъ (Mikl. Synt. 2).

тельныя, а чѣмъ далѣе въ старину, тѣмъ болѣе здѣсь сходства между этими частями рѣчи. Такъ напр. Славянскіе языки потеряли прилагательная съ темою на *у*, отчасти сохранивши эту тему въ существительныхъ; но несомнѣнно, что прилагательная съ такой темой были и въ этихъ языкахъ. Склоненіе существительныхъ и прилагательныхъ первоначально одно и отлично отъ склоненія мѣстоименій. Образованіе мѣстоименнаго склоненія прилагательныхъ, а въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ почти полное забвеніе имѣннаго ихъ склоненія есть явленіе относительно позднее. Согласно съ этими сходствами для существительного и прилагательного есть общее название (имя) и должно быть общее опредѣленіе, въ коемъ бы обѣ эти части рѣчи безразлично противополагались глаголу.

Ходачія опредѣленія, неуказывающія ни на взаимную близость существительного и прилагательного, ни на ихъ отношеніе къ глаголу, именно опредѣленіе существительного, какъ названія предмета, а прилагательного—какъ названія свойства, не вѣрны. Первое не довольно опредѣлительно, а второе и вовсе не опредѣляеть.

Существительное есть точно названіе предмета, но лишь въ одномъ смыслѣ этого слова, который самъ нуждается въ опредѣленіи. Дѣло въ томъ, что такое грамматической предметъ? Съ извѣстной точки зрѣнія бѣлизна, доброта, скучность и добрякъ, скупецъ суть названія качествъ; но эта точка не даетъ познанія языка, ибо мѣшаешь отличать добрякъ отъ добрый: это точка не грамматическая. Другое съ такимъ же основаніемъ скажутъ, что имена первоначально означаютъ дѣятельности, ибо всѣ вещи мы представляемъ какъ-либо дѣйствующими и называемъ согласно съ этимъ (Mikl. Synt. 2).

Прилагательное называютъ именемъ свойства, понимая подъ свойствомъ какъ безотносительное качество (бѣлый), такъ и относительное т. е. такое, которое немыслимо въ предметѣ, если при этомъ мыслится другой предметъ (отцовъ, отцовскій). Свойство безъ дру-

тихъ определений есть терминъ такой же неграмматический, какъ и качество, отношение, дѣйствіе. Глаголъ бѣлъеть, существительное бѣлизна, нарѣчіе бѣлымъ-бѣло съ такимъ же правомъ могутъ быть названы названиями качества или свойства, какъ и прилагательное бѣль. Если останемся при определеніи прилагательного какъ признака, то мы станемъ на точку зрения недоросля, съ которой «слово дуракъ — прилагательное, потому что прилагается къ глупому человѣку». Существительное и глаголъ могутъ означать и относительные качества: бабство (свойство бабы), бабить, бабовать (что «она бабить» — это ея качество).

Отыскивая такое определеніе имени, которое бы соответствовало вышеприведенному определенію личного глагола, мы находимъ, что въ имени представляется признакъ не какъ производимый предметомъ (солнце свѣтить), а какъ данный въ предметѣ, находящійся въ немъ (свѣтлое солнце, свѣтъ солнца). Имя относится къ глаголу, какъ воспоминаніе прежде полученного впечатлѣнія къ самому этому болѣе живому впечатлѣнію. Когда я говорю: «солнце свѣтить», то это, при ясности этимологического значенія слова «солнце» (свѣтлое, свѣтящее), значить: то, что я прежде называлъ свѣтымъ и что подъ этимъ ярлыкомъ было сложено въ моей памяти, то производить теперь свѣть *).

Разница между существительнымъ и прилагательнымъ сходна съ разницей между предложениемъ, состоящимъ изъ подлежащаго и сказуемаго и предложениемъ безъ подлежащаго, съ однимъ сказуемымъ. Въ послѣднемъ случаѣ въ сказуемомъ обозначено отношеніе къ подлежащему, но само подлежащее не мыслится. Такъ и въ прилагательномъ бѣль, бѣлый мыслится и то,

*) Разница между глаголомъ и именемъ сводится на различие «der flüssigen und der erstarrten handlung» (G. Curt. Zur Chronolog. 21); но что дѣйствіе «застываетъ» въ имені, это, конечно, свойство не изображаемаго, а способа изображенія.

что признакъ находится въ чемъ либо, но само это нѣ что со стороны своего содержанія не мыслится. Оно опредѣлено лишь грамматическою формою прилагательного; оно есть при бѣлый именительный един. числа м. р., а въ прочемъ можетъ быть названіемъ какой угодно совокупности признаковъ. Такимъ образомъ прилагательное есть признакъ данный въ чемъ-то, что безъ помощи другого слова остается со стороны содержанія неопределеннымъ. Ниже увидимъ, что это опредѣленіе прилагательного косвенно заключаетъ въ себѣ и опредѣленіе существительного. Предупреждая это послѣднее, замѣтимъ слѣдующее о происхожденіи категорій имени.

Принимая теорію одновременного возникновенія имени и глагола и ихъ противоположность, мы тѣмъ самымъ признаемъ ихъ взаимную связь и непосредственную близость. Между тѣмъ въ нашемъ языкѣ и близкихъ къ нему изъ всѣхъ отдельловъ имени одно причастіе прямо примыкаетъ къ глаголу, занимая по значенію середину между нимъ съ одной стороны и существительнымъ и прилагательнымъ въ тѣсномъ смыслѣ *) съ другой. Въ причастіи возникающій признакъ (черта глагола) представляется даннымъ (черта имени); иначе: въ немъ данный признакъ представляется зависимымъ отъ энергіи присущей предмету, но сама эта энергія не мыслится, между тѣмъ какъ въ собственномъ прилагательномъ не мыслится и отношеніе къ енергіи. «Зеленѣющая» трава значить не только имѣющая признакъ зелени, какъ «зеленая», но и имѣющая его въ силу того, что сама производить этотъ признакъ. Въ нынѣшнемъ языкѣ замѣчаемъ, что существительные и прилагательные въ тѣсномъ смыслѣ производятся отъ причастій, но никогда на оборотъ. Отсюда заключеніе, что первобытое имя, предшествовавшее вы-

*) А не между однимъ прилагательнымъ и глаголомъ. Сущ. и прилагат. берутся здѣсь въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. безъ мыслимостей существительныхъ и прилагательныхъ.

дѣленію категорій существительного и прилагательного, ближе всего подходило къ причастію, что оно могло бы быть названо причастіемъ, если бъ съ послѣднаго снять слои, налегшие на него впослѣдствіи. Прежде всего мы не должны себѣ представлять причастія непремѣнно словомъ отглагольнымъ: оно не происходитъ отъ глагола, а появляется вмѣстѣ съ нимъ. Собственно и о позднѣйшихъ причастіяхъ, понимаемыхъ въ тѣсномъ смыслѣ, по крайней мѣрѣ о значительной ихъ части нельзѧ сказать съ увѣренностью, что они произведены отъ глагола (*vb. finitum*): фактъ состоитъ только въ общности темы глагола и причастія, общности, которая въ нѣкоторыхъ случаяхъ могла произойти и наоборотъ вслѣдствіе отпричастности нѣкоторыхъ глагольныхъ разрядовъ. Относительно первобытнаго Арийскаго языка имѣеть силу слѣдующее предположеніе, основанное между прочимъ на существованіи въ Санскритѣ и др. языкахъ именъ, присоединяющихъ падежныя окончанія непосредственно къ корню. По образованіи отъ качественнаго корня личнаго глагола посредствомъ присоединенія къ этому корню знаковъ 3-хъ лицъ ед. числа и сліяніи съ ними въ одно слово, оставшееся простое качественное слово не могло уже быть попрежнему безформеннымъ, какъ кругъ, по отсѣченіи его части, перестаетъ быть кругомъ. Это слово, напр. да по отношенію къ 3-му лицу дата, своимъ присутствіемъ отѣнявшее глаголъ, и само было уже отрицательно характеризовано и имѣло функцию части рѣчи. Какой? Мы говоримъ—имени-причастія безъ временъ, залоговъ, родовъ, чиселъ и падежей, стало быть имени, стоящаго на степени безразличія грамматическаго субъекта и объекта. Появившіеся впослѣдствіи суффиксы не создали категоріи имени, а лишь внесли въ нее пѣкоторыя различія, врядъ-ли опредѣлимые въ настоящее время, но, конечно не бывшія нынѣшними различіями существительного, прилагательного и причастія въ собственномъ смыслѣ. Нынѣшнее причастіе есть часть рѣчи обособленная, оставшаяся за выдѣленіемъ категорій существительного и прилагатель-

наго, откуда понятно, что способы его образования весьма ограничены сравнительно съ болѣе древнимъ причастіемъ. Такое мнѣніе кажется лишь продолженіемъ въ темнѣе прошедшее выводовъ положительного языкоznанія. Въ періодѣ ближайшемъ къ началу славянской письменности есть основанія предполагать большее число причастій, чѣмъ сколько ихъ находится позже. Да оглянувшись, и въ наличномъ Славянскомъ языкѣ можно ихъ найти больше, чѣмъ сколько принято считать. Такъ можно лишь одобрить мнѣніе, что вторая половина составныхъ словъ, какъ скоро-ходъ, блюдо-лизъ, серб. брзо-плет (родъ вскорѣ плетомаго плетня), руко-сад (вино-градъ собственноручной посадки) есть причастіе (Jagić, Rad. Jugosl. Akad. V. 214). Изъ этого однако не слѣдуетъ, что ловъ въ брзо-лов предполагаетъ причастіе наст. дѣйств. ловъ есть его искаженіе, или что плеть въ брзо-плет предполагаетъ прич. наст. стр. плетомъ. Легкость, съ которою формы, какъ-плеть, припимаютъ то дѣйствительное, то страдательное значеніе, ведетъ къ мысли, что первоначально залога въ нихъ вовсе не было. Точно также, переводя эту форму посредствомъ причастій наст. вр. плетущій или плетомый, мы только по нуждѣ беремъ для объясненія форму, спабженную значеніемъ времени, но отнюдѣ не приписываемъ времени первобытному причастію. И въ числѣ причастій въ тѣсномъ смыслѣ есть такія, которыхъ, какъ, кажется, первобытое причастіе вообще, сами по себѣ времени не имѣютъ.

Итакъ первобытое имя-причастіе могло равняться нынѣшнему причастію за вычетомъ изъ послѣднаго между прочимъ категорій времени и залога. Разница между нимъ и глаголомъ могла состоять не въ отсутствіи въ немъ энергичности, а въ томъ, что въ немъ признакъ, производимый дѣятельностью лица, представлялся не возникающимъ въ сознаніи въ моментъ рѣчи, а усвоеннымъ сознанію прежде, и въ этомъ смыслѣ даннымъ. Поэтому въ языкѣ, состоявшемъ, по предложенію, кромѣ мѣстоименій, лишь изъ причастій и

глаголовъ, оба эти члена предложениѧ были дифференцированы гораздо менѣе, чѣмъ въ нынѣшнемъ языкѣ имя и глаголъ. Имя было, такъ сказать, гораздо предикативнѣе; предложеніе заключало въ себѣ менѣе единства, основаннаго на противоположности главныхъ членовъ, чѣмъ нынѣшнее. «Солнце свѣтить» могло значить приблизительно: тотъ комплексъ признаковъ, который уже познанъ, какъ производящій свѣтъ (время прошедшее, но лишь субъективное, относящееся не ко времени совершенія событія, а ко времени усвоенія)—производитъ свѣтъ.

Когда прилагательное или причастіе въ языкѣ доступномъ наблюденію становится существительнымъ, то признакъ въ немъ сначала несколько не измѣняется, а лишь то, въ чемъ находится признакъ, становится по содержанию опредѣленнымъ. Что было въ прилагательномъ и причастіи вопросомъ, напр. бѣль кто? *) ветхъ кто? коростель (т. е. издающій такіе-то звуки: Поль. chrg въ chrōseiel; ср. дер въ деркачъ, дергачъ **) кто? то является въ видѣ отвѣта въ существительномъ: бѣль бѣлокъ, ветхъ—ветошка ***) коростель (т. е. издающій такіе-то звуки)—такая-то птица. Мы предполагаемъ такое же отношеніе первобытнаго причастія къ существительному. Существительное первоначально есть признакъ заключенный (данный, уже готовый) въ чѣмъ-то опредѣленномъ для мысли и безъ помощи другого слова: бѣлокъ есть бѣлая

*) Что первоначально разницы между *кто?* и *что?* не было, въ этомъ, кроме различныхъ соображеній, можетъ наглядно убѣдить наблюденіе надъ дѣтьми. Я знаю ребенка, говорящаго уже довольно бойко, но упорно удерживающаго такія выраженія, какъ «кто это въ стаканѣ?»—дѣтокъ поставленный въ воду.

**) Суф.—*telъ*, образующій поима *agentis*, заключаетъ въ себѣ суф.—*tar*, образующій причастія въ Санскр. и Латинскомъ.

***) Въ стар. Русск. прямо *ветхъ*: «Богъ мыться въ мовицѣ и вспотився, от(ре)ся (или отъръся, прич.) *ветхомъ* и верже съ небесе на землю» (Лавр. лѣт. 76). Нѣть достаточ-

часть яйца, бѣлая покрытая снѣгомъ гора; бѣль есть бѣлая пряжа, бѣлая колосья (безъ зерен!), бѣлая мед-
кая рыба, бѣлый порошокъ (сулема); старикъ — старый
человѣкъ или старое русло рѣки, носящей мужское имя,
напр. Днѣпръ; старуха — старая женщина или старое
русло рѣки съ женскимъ именемъ, старка — старая
овца, старая водка и т. п.

Хотя, произнося подобное существительное, мы не
мыслимъ *in extenso* того, въ чёмъ данъ этимологиче-
скій признакъ, и хотя, стало быть, это нѣчто остается
за предѣлами сознанія; но въ существительномъ это нѣ-
что и въ остальномъ своемъ составѣ, кромѣ этимологи-
ческаго признака, уже не есть сырой материалъ мысли:
оно было уже прежде въ этихъ непоименованныхъ
признакахъ доведено до сознанія. Сравнительно съ пер-
вобытнымъ именемъ, существительное есть результатъ
болѣе сложной работы мысли.

Способъ, какимъ языкъ даетъ въ существительномъ
ответъ на вопросъ, заключенный въ прилагательномъ,
чисто формаленъ. Прибавка въ существительномъ ко-
ваго суффикса, который самъ по себѣ можетъ быть
столь же свойственъ и прилагательнымъ, или легкое
измѣненіе значенія прежняго суффикса, бывшаго уже
въ прилагательномъ, сами по себѣ не опредѣляютъ то-
го, что именно означается признакомъ въ существитель-
номъ. Продолжая сдѣланное выше сравненіе существи-
тельного съ предложениемъ, состоящимъ изъ подлежа-
щаго и сказуемаго, сравненіе, которое не должно быть
принимаемо за отождествленіе, мы можемъ сказать, что
существительное болѣе сходно съ такимъ предложениемъ,
въ коемъ подлежащее есть мѣстоименіе, какъ знамена-
тельная часть рѣчи, чѣмъ съ такимъ, гдѣ подлежащее

ной причины думать, что это описка, вм. *въхдѣтьма* или *въх-
тѣмъ*, какъ стоитъ въ Ипатьевскомъ спискѣ, или что *въхѣтъ*
(Mr. вихуть, Поль. wiechęć, чеш. věchet', хорут. vehet)
есть перестановка изъ *вѣхѣтъ*. Ср. *вѣха*. Написаніе «вехоть
соломы» (Ип. 218) ошибочно.

есть существительное. Если существительное бѣль, бѣлая пряжа, можетъ быть сравнено съ «это бѣло», то бѣль, въ значеніи чего-то бѣлаго (будто бѣль забылъ-
лася), сходно съ предложеніемъ, въ коемъ подлежащее
есть неопределеннное мѣстоименіе: «нѣчто бѣло». Въ по-
слѣднемъ примѣрѣ кругъ признаковъ, въ которомъ за-
ключены признаки бѣлизны, представляется неизвѣст-
нымъ, однако же въ томъ смыслѣ, какъ въ прилагатель-
номъ, ибо въ бѣль не требуется поясненія другимъ сло-
вомъ (существительнымъ), что бѣло, какъ въ прилага-
тельномъ бѣль. Въ бѣль, нѣчто бѣлое, данъ на это
отвѣтъ, хотя и не ясный; совокупность неизвѣстныхъ
признаковъ, къ коимъ отнесенъ признакъ этимологиче-
ски данный, здѣсь представляется дѣйствительно суще-
ствующей.

За тѣмъ, намъ представляются существительныя
отвлеченные, какъ бѣлизна. Гдѣ здѣсь совокупность
признаковъ, изъ которой выдвинуть одинъ? Ея нѣть въ
дѣйствительности. Она фиктивна. Но такія фикціи не
съ разу создаются въ языкѣ. При появленіи такихъ су-
ществительныхъ, ихъ грамматической роль прибавляеть
къ ихъ признаку свои, на столько опредѣленные, что
при благопріятныхъ для этого условіяхъ изъ нихъ мо-
жетъ развиться миѳический образъ напр. «встала оби-
да, всплескала лебедиными крылья». Лишь въ послѣд-
ствіи исчезаетъ это значеніе грамматического рода, со-
означаемый самостоятельный кругъ признаковъ пустѣ-
еть, перестаетъ быть содеряніемъ и становится лишь
способомъ представлять признакъ этимологически дан-
ный. Существительное становится отвлеченнымъ т. е.
назначеніемъ признака мыслимаго самостоятельно,
независимо отъ какого либо комплекса призна-
ковъ. Этимъ опредѣленіемъ существительное отвлечено-
ное не смыывается съ прилагательнымъ, ибо послѣд-
нее есть данный признакъ, мыслимый не самостоятельно,
а въ чёмъ-то другомъ. «Грамматическое различие меж-
ду существительными конкретными и абстрактными ос-
новано не на противоположности чувственного и непод-

лежащаго чувствамъ, а на томъ, признается ли субстанциальность реальною т. е. объективно существующею въ действительности, или только идеальною, то есть формою, которая придана мыслью чему-то, что само по себѣ несамостоятельно. Конкретнымъ существительнымъ будетъ и название неподлежащаго чувствамъ или сверхчувственного, если послѣднее мыслится какъ самостоятельный индивидуальная субстанція напр. Богъ, духъ, душа, время. Напротивъ, содержаніемъ отвлеченнаго существительного можетъ быть воспринимаемое чувствами напр. красота, величина, ибо сущность такого существительного въ томъ, что оно подводить подъ форму субстанциальности понятіе атрибутивное, все равно чувственное, или нечувственное, т. е. свойство или дѣйствіе находящееся въ субстанціи» (Heyse, System der Sprachw. § 187).

Оба приведенные определенія существительного, какъ признака, предполагаютъ, что этотъ признакъ ясенъ, что онъ вноситъ свое содержаніе въ мысль; но съ течениемъ времени во множествѣ сущ. конкретныхъ признакъ теряется; такъ напр. въ словѣ дубъ хотя и былъ пѣкогда свой признакъ столь же явственный, какъ въ бѣлокъ и т. п., но теперь это слово относитъ мысль лишь къ извѣстному самостоятельному кругу признаковъ, не противопоставляя этому кругу никакого отдельнаго признака. На этой степени развитія существительное конкретное есть такое название определенного вмѣстителя или вмѣстилища признаковъ, при которомъ ни одинъ изъ этихъ признаковъ въ частности не входитъ въ сознаніе. Здѣсь насть остается возможность сравненія съ предложеніемъ, ибо въ этихъ существительныхъ никакого подобія сказуемаго намъ не дано.

Забвеніе признака въ существительномъ происходитъ если не исключительно, то главнымъ образомъ отъ того, что этотъ признакъ оказывается несущественнымъ въ ряду другихъ, имъ соозначаемыхъ, или противорѣ.

чить имъ.* Напр. если правда, что дочь значило доильница, отъ доенія коровъ, то какой смыслъ имѣть бы этотъ признакъ, когда при другихъ условіяхъ быта отъ употребленія этого слова въ рѣчи сложилось нынѣшнее его значеніе? Такія измѣненія въ словѣ не находятся въ непосредственной зависимости отъ грамматической формы, но они могутъ сами измѣнить ее. Такъ существительное съ забытымъ признакомъ тѣмъ самымъ рѣзче отдѣлено отъ прилагательного, чѣмъ существительное съ признакомъ явственнымъ.

Сводя эти три опредѣленія существительного, съ тѣмъ, чтобы получить одно общее, мы можемъ возвратиться къ старинному опредѣленію. Общий признакъ существительного тотъ, что оно есть названіе грамматической субстанціи, или вещи. Если бъ сказать «названіе предмета», то нужно было бы пояснить, что здѣсь разумѣется предметъ въ обширномъ смыслѣ, т. е. какъ грамматический субъектъ, такъ и объектъ, между тѣмъ какъ грамматический предметъ въ тѣсномъ смыслѣ, или объектъ, есть лишь косвенный несогласуемый падежъ. Грамматическую субстанцію слѣдуетъ отличать отъ метафизической. Послѣдняя есть вещь сама по себѣ отдѣльная отъ всѣхъ своихъ признаковъ и представляемая недоступною никакому разложенію и изслѣдованію причиной появленія этихъ признаковъ въ нашемъ сознаніи. Грамматическая вещь несравненно древнѣе такого понятія. Она есть совокупность признаковъ совершенно однородныхъ съ тѣмъ, который можетъ быть

* *Примѣчаніе.* Ср. мою статью «Мысль и языкъ» въ Жур. Мин. Нар. Пр. 1862 г., отд. оттис. стр. 173; Steinthal, *Einleitung in die Psychologie und Sprachwissenschaft*, Berl. 1872. Съ этимъ важнымъ сочиненіемъ Берлинскаго профессора, составляющимъ 1-й томъ обширнаго труда «*Abriss der Sprachwissenschaft*» и содержащимъ въ себѣ, по словамъ автора, лучшіе, существенѣйшіе результаты его изслѣдований, я познакомился уже по напечатаніи первыхъ девяти главъ настоящей статьи.

этимологически данъ въ существительномъ, болѣе тѣсно связанныхъ въ мысли между собою и со словомъ, чѣмъ съ другими признаками. Совокупность эта, какъ мы видѣли, можетъ быть и дѣйствительная, и фиктивная. Въ послѣднемъ случаѣ она лишена содержанія и дѣйствуетъ лишь какъ средство опредѣлить точку зреенія на признакъ, этимологически данный въ существительномъ. Въ первомъ случаѣ связь этой совокупности со словомъ состоитъ не въ томъ, что она мыслится вмѣстѣ съ нимъ, а въ томъ, что, при произнесеніи слова, она, не занимая собою сознающей мысли, представляетъ готовою стать ея предметомъ.

По Миклошичу, существительное отличается отъ прилагательного по значенію тѣмъ, что «первое можетъ означать (точнѣе—просто означаетъ)носителя признаковъ (*den Träger von Beschaffenheiten*), а второе пѣть» (Mikl. Synt. 3). Подъ признаками, коихъ носителемъ является существительное, слѣдуетъ здѣсь разумѣть, какъ показываетъ множественное число, не тотъ признакъ, который въ существительномъ можетъ противопоставляться самостоятельному комплексу другихъ признаковъ, а тѣ, которые даются въ предложеніи опредѣленіемъ и сказуемымъ.

Начавши съ имени въ тѣсномъ смыслѣ, какъ слова отъ качественного корня, мы дошли до такихъ опредѣленій, въ коихъ о качественности корня вовсе неможеть упоминаться, потому что вовсе не говорится объ этимологически данномъ признакѣ. Эта обширность опредѣленія не случайна, потому что дѣйствительно подъ понятіе существительного и прилагательного подходить не только имена качественные, но и мѣстоименія, за исключеніемъ нарѣчныхъ (гдѣ и пр.) и тѣхъ, которыхъ, ставши предлогами и союзами, вовсе не называются мѣстоименіями. Въ этихъ предѣлахъ мѣстоименіе есть или существительное, или прилагательное. Тотъ, этотъ, независимо отъ своей указательности, суть имена субстанцій; мой, твой имена признаковъ, относимыхъ къ субстанціямъ, обозначенной другимъ словомъ. Первонач-

чальне различіе между словами качественными и указательными, по образованіи категорій существительного и прилагательного, является лишь второстепеннымъ основаниемъ дѣлненія этихъ категорій.

4. Согласно съ опредѣленіемъ глагола-сказуемаго главнаго предложения, какъ признака во время его возникновенія отъ лица, мы опредѣлимъ подлежащее главнаго предложения такимъ образомъ: оно есть ве-щественное указаніе на непосредственнаго производителя признака, означаемаго сказуемымъ. Подъ ве-щественнымъ обозначеніемъ разумѣется то, что, какъ выше упомянуто, личное мѣстоименіе бываетъ подлежащимъ только тогда, когда означаетъ вещь, когда на него падаетъ сила рѣчи (я сказалъ, а не кто другой), а не тогда, когда оно равносильно личному окончанію: «я сказа́лъ», съ силою рѣчи на второмъ словѣ, есть сказуемое безъ подлежащаго, какъ Lat. *dixi*. Можно бы возразить, что такое опредѣленіе годится только для подлежащаго дѣйствительныхъ оборотовъ рѣчи, что только «при глаголахъ дѣйствительныхъ (*activa subjectiva et objectiva*, дѣйствительныхъ въ тѣсномъ смыслѣ и среднихъ) субъектъ самъ дѣйствуетъ, а при страдательныхъ онъ есть цѣль дѣятельности другого субъекта» (Mikl. Vergl. Gr. IV 2 63); но такое возраженіе страдало бы неточностью терминологіи. Такъ названный другой субъектъ при страдательномъ глаголѣ, напр. у насъ творительный, сролный съ творительнымъ орудіемъ, въ Лит. родительный безъ предлога, предполагающей значеніе движенія отъ предмета, есть лишь видъ грамматического объекта, а настоящимъ дѣйствователемъ представляется и здѣсь первый и по нашему единственному субъекту. Это особенно явственно тамъ, гдѣ въ основаніи страдательного оборота видна еще возвратность: «книга эта читается всѣми»—она дѣлаетъ такъ, что всѣ ее читаютъ. Конечно, такая самодѣятельность субъекта страдательного сказуемаго фиктивна, по она дѣйствительна въ грамматическомъ смыслѣ, какъ способъ изображенія. Такъ существительное отвлеченнное есть существительное (sub-

stantivum), не смотря на фиктивность своей субстанции. Въ Славянскихъ языкахъ единственныя падежи, способные выражать подлежащее суть именительный и засту-пающій въ рѣдкихъ случаяхъ его мѣсто звателный (Mikl. V. Gr. IV, 370).

Обыкновенно говорится, что всякая часть рѣчи, въ томъ числѣ прилагательное и причастіе, въ качествѣ подлежащаго, становится существительнымъ, но всегдаша-ния субстантивность подлежащаго, май кажется, выве-дена a priori изъ опредѣленія подлежащаго, какъ пред-мета о которомъ рѣчь, а не изъ наблюденія и оцѣнки отдельныхъ случаевъ. Ничто не убѣждаетъ, что созданіе личного глагола было въ тоже время созданіемъ су-ществит. и прилагат. въ ихъ раздѣльности. Напротивъ, есть указанія на то, что глаголъ первоначально противопо-лагается имени вообще. Субстанциальность подлежащаго, а вмѣстѣ и дополненія, есть лишь стремленіе нашихъ языковъ, а не постоянное свойство, появившееся одно-временно съ ихъ формальностью. Такимъ образомъ мы противорѣчимъ слѣдующимъ словамъ Миклошича: «есть языки, въ коихъ прилагательное, равно какъ и суще-ствительное, можетъ означать носителя свойствъ, и языки, въ коихъ этого нѣтъ. Къ послѣднимъ принадлежать Славянскіе, хотя правило это ограничивается все болѣе и болѣе исключеніями. Между тѣмъ какъ въ Нѣмецкомъ говорится *der Weise ist glücklich*, во Фран-цузскомъ: *le sage est heureux*, въ Славянск. стоить «мѣдрьцъ блаженъ єсть», а не «мѣдрь блаженъ єсть». Разница основана здѣсь на присутствии самостоятельна-го члена, посредствомъ коего прилагательный превра-щаются въ существительный (субстантивируются), между тѣмъ какъ въ Славянскихъ языкахъ, не имѣющихъ чле-на, или къ прилагательному присоединяется соотвѣт-ственное существительное, или же прилагательное, дол-женствующее означать лицо, превращается въ существо-тельное посредствомъ суффиксовъ -икъ, -ецъ, -сь, -ка, -ика и пр. (Synt. 6, 1).

Я думаю, что во всякомъ языкѣ, имѣющемъ при-

лагательное, эта часть рѣчи указывает на носителя признаковъ и въ этомъ смыслѣ обозначаетъ его. Разница въ томъ, что языки, имѣющіе членъ, различаютъ въ прилагательномъ способы, какими оно указывает на субстанцію (der Weise, ein Weiser). Славянскій языкъ, не имѣя члена самостоятельнаго, не дѣлалъ этихъ различій, что не мѣшало ему, подобно Нѣмецкому, дѣлать прилагательное подлежащимъ.

Согласно съ приведеннымъ мѣстомъ Миклошича, многочисленные во всѣхъ Славян. нарѣчіяхъ обороты, въ коихъ прилагательное стоитъ на мѣстѣ подлежащаго напр. Русская послов. «богатъшелъ въ пиръ, а убогъ брелъ въ миръ» *), «и глупъ молвить слово въ ладъ;» «глупъ да лѣнивъ одно дважды дѣлаетъ;» «нагъ золота не копитъ;» «голодный поле перебѣжть, а нагъ ни съ мѣста;» «гнѣвлivъ съ горшки не ѻздитъ;» «битъ небитова па рукахъ носить» (Буслаева Гр. § 222 пр. 2 Даль. Посл.), мы должны бы разсматривать или какъ позднѣйшія нарушенія основнаго славянскаго правила, по которому должно бы здѣсь стоять богачъ, глупецъ и т. д., или какъ случаи, въ коихъ прилагательное есть не подлежащее, а атрибутиль опущеннаго существительнаго. Мнѣ кажется ошибочнымъ то и другое. Случай эти имѣютъ характеръ глубокой древности и я не понимаю, почему Миклошичъ думаетъ, что выраженія, какъ «кальчынаго накърми» первоначально чужды Славянскому языку (Synt. 25, II). Они не появились въ позднѣйшее время, а лишь сохранились до нашего времени, при чемъ въ силу общаго стремленія замѣщать именное склоненіе прилагательныхъ мѣстоименнымъ, прилагательная являются здѣсь теперь болѣею частію въ опредѣленной формѣ, нисколько не пріобрѣтая этимъ существительно-

*) Миклошичъ (Synt. 144) понимаетъ это выраженіе такъ: *reich ging er zum schmaus etc.* т. е. считаетъ прилагательное не подлежащимъ, а предикативнымъ атрибутикомъ, какъ было бы въ «онъ пошелъ богатъ (богатымъ), а воротился бѣденъ». Это ошибочно.

сти: «битый небитаго везеть». Впрочемъ, если бы они и были новы, то это не освобождало бы насъ отъ рѣшенія, есть-ли въ нихъ подлежащее прилагательное. Предположеніе, что здѣсь опущены известныя существительныя, совершенно бездоказательно. Всякая попытка поставить такое существительное на его мнимое мѣсто будетъ чистымъ произволомъ. Правда, мы знаемъ, что въ «гнѣвливъ» и пр. рѣчъ о человѣкѣ и знаемъ потому, что на это намъ указываетъ вещественное содержаніе другихъ членовъ предложения: съ горшками Ѵздать только люди *). Поэтому самому нѣть нужды предполагать, что при «гнѣвливъ» стояло когда либо «человѣкъ» или что нибудь подобное. Но кто это «бить», «небить»? Опять человѣкъ? Почему же непремѣнно такъ, когда мы знаемъ, что выраженіе взято изъ сказки о лисѣ и волкѣ, гдѣ волкъ бить и везеть, а лиса небита и Ѵдетъ? И опять почему же бить непремѣнно волкъ, когда мы знаемъ, что цѣнность такихъ выражений именно и состоять въ ихъ способности обобщаться? Здѣсь соль рѣчи именно въ томъ, что субстанція, къ которой относится данный признакъ, предполагается существующею, но никакъ не опредѣляется (кромѣ грамматического рода): кто бы ни былъ бить, но онъ небитаго везеть. Такая неопредѣленность субстанціи есть свойство прилагательного. Подлежащее здѣсь указано вещественно посредствомъ признака, который въ немъ находится, по оно не стало существительнымъ, потому что комплексъ признаковъ, къ коему относится данный, неопредѣленъ. Въ настоящее время эта неопредѣленность можетъ быть умышленная, но нетрудно представить себѣ такое состояніе мысли, когда опредѣленность субстанціи совершенно недостижима и когда человѣкъ не можетъ говорить иначе, какъ въ такомъ смыслѣ: «то что бито» (то, что хотя и было воспринято чувствами, но не было разло-

---

*) Между тѣмъ субстанція такихъ словъ какъ «скучецъ» не нуждается ни въ какихъ вещественныхъ опредѣленіяхъ, такъ какъ ясна сама по себѣ.

жено сознаниемъ, за исключениемъ одного выдѣленнаго признака), «то самое производитъ другой признакъ». Если оно станетъ существительнымъ, то это потому, что къ нему приложится смыслъ многихъ предикатовъ. Въ каждомъ отдельномъ случаѣ необходимо различать, совершился ли уже такой процессъ, или еще нѣтъ. Такое различеніе не легко, ибо вышеупомянуты признаки часто не бываетъ никакихъ. Такъ несомнѣнно, что многія прил. ср. рода, какъ подушное, подымное и пр. (Буслаевъ § 224 пр. 3, Mikl. Synt. 27, 15), стали названіями по-датей, т. е. суть не прилагательныя, употребляемыя въ смыслѣ существительныхъ, а настоящія существительныя; однако кажется ошибочнымъ относить къ существительному такіе случаи, какъ «шея (у гоголя)... между плечь черная, а подлѣ чернаго по обѣ стороны свѣтло-сѣрая» (Буслаевъ ib.). При этомъ прилагательномъ, кроме заключенного въ немъ признака, рода, числа, падежа, не думается ничего опредѣленнаго въ родѣ пятна, мѣста и пр. Это «черное» намъ необходимо отличать отъ такихъ существительныхъ, какъ чернь, чернота, и мы это дѣлаемъ такимъ образомъ, что слово «черное» вовсе не относимъ къ категоріи существительнаго.

На все это можно бы возразить такимъ образомъ: Предположимъ, какъ это и дѣлаютъ (Mikl. Synt 30, 3, b.), что грамматический родъ первоначально исключительно свойственъ только названіямъ предметовъ, а не качествъ, что родъ въ прилагательномъ есть лишь отраженіе такого же свойства существительного, что прилагательное при существительномъ стоитъ въ извѣстномъ родѣ лишь потому, что въ этомъ же родѣ стоитъ существительное. Не будетъ ли отсюда слѣдовательно, что если прилагательное съ обозначеніемъ рода поставлено самостоятельно (не какъ атрибутъ, а какъ подлежащее или дополненіе безъ всякаго опущенія существительного), то тѣмъ самымъ оно стало существительнымъ? Если предположеніе справедливо, то такое употребленіе прилагательныхъ предполагаетъ уже въ языкѣ категорію

существительного. При этомъ можно бы согласиться, что прилагательное здѣсь употреблено какъ существительное, т. е. приблизилось къ послѣднему, хотя отнюдь не пріобрѣло всѣхъ его свойствъ. Но допуская, что грамматический родъ внесенъ въ языкъ существительнымъ и что до выдѣленія существительного было уже имя-причастіе, какъ противоположность глагола, не признаемъ ли мы тѣмъ самымъ, что первобытное подлежащее не было существительнымъ? Конечно, такое подлежащее не было тѣмъ, что нынѣшнее, значеніе коего опредѣляетъся согласованіемъ съ нимъ сказуемаго и опредѣлѣпія и противопоставленіемъ ему несогласуемыхъ косвенныхъ падежей грамматического объекта. Однако, миѣ кажется, предположеніе одинаковой древности категоріи грамматического рода и существительного не есть единственное возможное. По крайней мѣрѣ стоитъ опровергнія другая догадка, что грамматический родъ, т. е. первоначально мужской (отъ которого послѣ пошелъ средній) и женскій, возникъ не одновременно съ раздѣленіемъ категоріи первобытного причастія на существ. и прилаг. въ обширномъ смыслѣ, а до этого раздѣленія, при томъ не въ самомъ этомъ причастіи, а въ мѣстоименіи, какъ самостоятельномъ словѣ. *) При этомъ можно бы себѣ представить, что мѣстоименіе, присоединяясь къ первообразному безсуффиксному причастію, вносило въ него различие родовъ еще за долго до различенія существительного отъ прилагательного.

5. Грамматический атрибутъ въ обширномъ смыслѣ, т. е. за исключеніемъ нарѣчій, но со включеніемъ такъ называемыхъ сокращенныхъ опредѣлительныхъ предложенийъ, есть выраженное особымъ сло-

*) Не какъ знакъ лица въ глаголѣ. «Если бы стремленіе къ различию родовъ возникло (въ Арийскомъ языке) до предикативного присоединенія мѣстоименія (къ качественному корилю) въ глаголѣ, то въ послѣднемъ можно бы ожидать различія родовъ, какъ въ глаголѣ Семитическихъ языковъ», чего однако неходимъ (G. Curt. Zur Chronol. 38).

вомъ названіе признака представляемаго даннымъ въ существительномъ. Разница между опредѣлительнымъ прилагательнымъ (добрый человѣкъ; комната въ верхнемъ жильѣ весьма просторная, но холодная) и опредѣлительнымъ существительнымъ состоять въ томъ, что въ послѣднемъ признакъ не прямо приписывается извѣстной субстанціи, а чрезъ посредство другой субстанціи.

Существительное, какъ атрибутъ, вносить въ мысль черту своей прежней самостоятельности, которая сказывается возможностью несогласованія съ опредѣляемымъ въ родѣ и числѣ: «рѣка Донецъ (атtrib.) вытекла изъ чистаго поля; городъ Ливны (атtrib.) стоитъ на рѣкѣ Соснѣ» (Буслаевъ § 240 пр.). Что касается до относимыхъ сюда случаевъ несогласованія и въ падежѣ, то

а) Не видно несогласованія тамъ, гдѣ постоянный атрибутъ такъ сживаются съ своимъ опредѣляемымъ, что образуетъ вмѣстѣ съ нимъ одно слово *). То, что называются несогласованіемъ атрибута, именно его неизмѣнимость, есть только признакъ его соединенія съ опредѣляемымъ въ одно слово: «въ Дунай-рѣкѣ, Иисуса Христа, Князь-Василья, Mr. пап-отцю (Буслаевъ § 24), 2, 5, 7, 8, б). Само собою разумѣется, что раздѣльное написаніе такихъ словъ не можетъ служить возраженіемъ. Упомянутое явленіе сходно съ тѣмъ, когда въ Малорусскихъ пѣсняхъ, преимущественно Галицкихъ, прилагательное какъ постоянный эпитетъ остается неизмѣннымъ въ формѣ похожей на именит. п. ед. ч. м. р., между тѣмъ какъ опредѣляемое стоитъ въ косвенномъ падежѣ того или другого рода и числа: «передъ віськомъ Морозенко ворон-конемъ вигриває (sic) (Костом. въ Mr. сбор. Мордовцева 194); ей мірять - стрілять до сив-сокола (Головац. пѣсни 1, 60), жаль же мені сив кониченька (ib. 66); завершимо (стирутъ) сив соколопъкомъ (ib. 18);

*) «Отклоненіе отъ согласованія основано здѣсь на тѣсной связи атрибута или аппозиціи съ именемъ». Mikl. Synt. 3'11.

въ третемъ вершечку сив-ластовлята (ib. 31); ой за-
шумила зелен-дуброва (ib. 84); заморозити.. глубок-
поточейки и бистри річейки» (ib. 4.). Сюда же Mr.
«дівіч-вечеръ, Черепелич-долина» (собств. имя долины
у Кієва, Максимовичъ, Кіевлянинъ 1841, II, 20). Что
первая половина этихъ словъ уже не рассматривается
какъ именительный падежъ, видно изъ того, что прила-
гательная относительная теряютъ при этомъ суф.-ьск-
такъ что получаютъ видъ существительныхъ: «якъ па-
нокъ нашъ тявъ, то Тур-царя (Турецкаго) стявъ»
(Голов. ib. 30); «фу! Русь-кость (Русская) пахня»
(Погаръ, Черн. губ. Ае. ск. 1, 72). Если принять это
въ сображеніе, то нельзя согласиться съ Миклошичемъ,
который въ Бр. купецъ-жена, купецъ-дочи (у Рыбн.
Буслаева Гр. § 240, 1) видѣть соединеніе существи-
тельного муж. съ женскимъ (V. Gr. IV Synt. 21),
тогда какъ здѣсь сокращеніе прилагательного купецк-
(купеческая жена, дочь), сходное съ Хорут. prh—pogača
(prhka rogača, мягкая булка, Mikl. V. Gr. III, § 317)
и Серб. јавор-гусле (яворовыя). О подобномъ сліянії
именъ, какъ постоянныхъ эпитетовъ, съ существит. въ
слав. нарѣчіяхъ см. Mikl. Synt. 32, 342.

б.) За случаи дѣйствительного несогласованія суще-
ствительного, какъ приложенія, съ опредѣляемымъ можно
считать только тѣ, когда именительный приложенія
самъ имѣеть при себѣ свои опредѣленія и, по своей
сложности, не можетъ слиться въ одно слово съ
своимъ опредѣляемымъ: Дмитрію грозныя очи; Фоч-
кою зовутъ Федотовъ сынъ; около чебота зелень
сафьянъ (Буслаева Гр. § 240, 3, 6); ловъ дѣюющу
Свѣнналдичю, именемъ Лютъ.... и узрѣ й Олегъ
Лавр. 31. Г. Буслаевъ (ib. пр. 4) полагаетъ, что сло-
восочиненіе эпитетовъ, какъ, «шуба сукно красномали-
ново» объясняется выпускомъ соединительныхъ словъ,
составляющихъ предложеніе придаточное, но оказавшихъ
ся вовсе ненужными и обременяющими рѣчъ: «шуба,
сшитая изъ сукна красномалиноваго». Согласно съ
К. Аксаковымъ (Русск. Бес. 1859, VI, 73), я думаю,

что тутъ нѣтъ никакого опущенія. Выраженія «шуба сукно красномалиново», «обертываться туромъ золотыя рога» тѣмъ отличаются отъ выражений, изъ коихъ они якобы произошли, какъ «шуба сшитая изъ сукна», «туромъ, который имѣеть золотыя рога» или «имѣющими золотыя рога», или «у котораго золотыя рога», что отношенія между «шуба» и «сукно», «туръ» и «рога», на которыхъ мысль вовсе неостанавливается въ первыхъ, составляютъ ея предметъ во вторыхъ. Поэтому вторыя выраженія (туромъ, который... шуба сшитая...) тѣмъ самыми представляются результатомъ большей силы анализа. Въ первыхъ просто сопоставляются члены, которые являются подчиняющими и подчиненными во вторыхъ. Притомъ опущеніе извѣстнаго члена предложения не можетъ измѣнить формальныхъ отношеній остальныхъ членовъ: отъ опущенія «сшитая» родительный «изъ сукна» не можетъ превратиться въ именительный «сукно». Въ словахъ «Дунай-рѣки», «Дунай-рѣкѣ» и т. д. обычность атрибута повела къ тому, что мысль уже неостанавливается на его отношеніи къ опредѣляемому и тѣмъ влечетъ за собою неподвижность формы атрибута; подобно этому и именительный приложенія въ «туромъ золотые рога» предполагаетъ, что между опредѣляемымъ и опредѣленіемъ здѣсь было нѣкогда полное согласованіе, которое оставлено потому, что поддержаніе его требовало нѣкотораго напряженія мысли, между тѣмъ какъ и безъ этого напряженія эпитетъ продолжалъ тяготѣть къ бывшему опредѣляемому. Однимъ словомъ, мнѣ видится полная аналогія между образованіемъ сложныхъ словъ вышеуказанного образца (бой-баба, бой-бабы, козырь-дѣвка и проч. воронъ-коня, воронъ-коню и пр.) и происхожденіемъ несогласованія эпитетовъ, стоящихъ въ именительномъ. Между тѣмъ обороты «туромъ золотые рога» и «туромъ, который имѣеть золотые рога», исходящіе изъ полнаго согласованія опредѣленія съ опредѣляемымъ, столь-же противоположны другъ другу относительно стремленій языка, коимъ обязаны своимъ происхожденіемъ, сколько

въ фонетикѣ такъ называемое паденіе звуковъ отъ допускаемой мыслью инерціи органовъ противоположно явленіямъ, недопускающимъ такого объясненія.

в.) Въ противоположность сказанному обѣ эпитетѣ въ именительномъ, котораго мы не можемъ отнести ни къ какой другой категоріи кромѣ определенія, косвенные падежи, относимые сюда по причинамъ неграмматическимъ, т. е. потому что могутъ быть замѣнены согласуемыми прилагательными (сынъ отца=отцовскій сынъ), или потому что отвѣчаютъ на известные вопросы (какой, чей и пр.), причисляемъ къ разряду грамматического объекта. Эти косвенные падежи съ грамматической точки означаютъ предметы мыслимые не въ другомъ предметѣ, а виѣ его, хотя независимо отъ своего словеснаго выраженія могутъ быть мыслимы не какъ субстанціи, а какъ атрибуты. При грамматическомъ разборѣ выраженія «цвѣты... такой цѣны и красоты» намъ нѣтъ дѣла до того, что цѣна и красота не суть вещи самостоятельно существующія, что они находятся въ цвѣтахъ и пр. и суть ихъ качества. Если бы мы обращали на это вниманіе, то мы бы дошли до грамматическихъ абсурдовъ, напр. что въ «красота цвѣтовъ велика» слово «красота» есть грамматический атрибутъ. Для настѣ родительные падежи въ «цвѣты такой цѣны» и пр. суть названія предметовъ, которымъ принадлежать цвѣты; на субстанціальность ихъ указываетъ между прочимъ именно отсутствіе всякаго согласованія съ главнымъ словомъ и ихъ косвенный падежъ.

Прилагательное со включеніемъ мѣстоименія прилагательного, въ качествѣ атрибута, по видимому, не можетъ получить никакой независимости отъ опредѣляемаго и согласуется съ нимъ въ родѣ, числѣ и падежѣ. Несоставляетъ исключенія такъ называемое согласованіе по смыслу. Существительное не измѣняя виѣшней формы, свойственной его грамматическому роду и числу, можетъ принять новый родъ и число, такъ что въ случаяхъ, подобныхъ Mr. «така дівчя—кусочекъ ласій», «малий собака дб віку щеня» (см. Mikl. Synt.

21—2) дівчя есть сущест. женскаго, а собака—муж. рода. Единственное число собирательного имени, согла-
суемое со множественнымъ, есть въ дѣйствительности множественное (придоша Русь и пр.). Не сомнѣваемся же мы въ томъ, что братъ есть множественное число, ибо происхожденіе этого слова отъ именит. единсгв. числа женского рода вовсе не свидѣтельствуетъ о томъ, что это слово есть въ дѣйствительности. Такъ предъиду-
щее лексическое значеніе слова, хотя служить подклад-
кою послѣдующему, но нисколько незатемняетъ его.

Выраженія, какъ «страстная и святая недѣли» были проведены (Буслаева Гр. § 239, 1 б.), въ коихъ ни одно изъ двухъ опредѣлительныхъ не согласовано съ наличнымъ существительнымъ, происходить отъ опущенія опредѣляемыхъ согласованихъ со своими опредѣляющими: недѣли: страстная (недѣля) и святая (недѣля).

Требуетъ объясненія явленіе, о которомъ Миклошичъ говоритъ такимъ образомъ: «средній родъ прилагательныхъ словъ относится къ мужескому и женскому (опре-
дѣляемыхъ), когда или полъ этихъ послѣднихъ считаетъ-
ся безразличнымъ, или существительные имѣютъ различ-
ный родъ: «чловѣка два вынідeta въ цркви, юдино фар-
изѣй, а друго мытарь;» серб. «кад се састану вук и
лисица, запита једно друго;» Mr. «эробилися једно ру-
жов, друге калинов» (Mikl. Synt. 32—3). Одинъ изъ при-
мѣровъ, приводимыхъ имъ: «имѣя шесть сыновъ, а сед-
мою дѣщерь», даетъ основаніе думать, что онъ сюда же отнесъ бы особую форму винительного единств. жен-
скаго мѣстоименій, рѣдко прилагательныхъ, въ Русскомъ: «видиши мя болное сущю» (Лавр. лѣт. 28, 33), где ое не могло фонетическимъ путемъ образоваться изъ болну, болнью; «въ тое полату (Котоших.); за тое веревку; опустился въ тое-жъ могилу (Др. Русск. ст.); всее, одное, самое» (см. Буслаева Гр. § 93, в.). Форма эта сходна съ винит. сред. Если она дѣйствительно средня-
го рода, причина сочетанія именно съ женскимъ родомъ неясна.

Кажется, что въ Русскомъ языкѣ прилагательное безъ формъ, рода, числа и падежа немыслимо. То, чтоказалось такимъ прилагательнымъ, мы старались объяснить выше, какъ часть другого, сложнаго слова (воронкона). Это объясненіе относится и къ Серб. и Болг. эпитетамъ, заимствованнымъ съ Турецкаго (Серб. мор-долама, темноголубая долама—родъ жупана, мор-доламу и пр.); но его трудно распространить на явленіе, которое Миклошичъ считаетъ однороднымъ съ вышеупомянутымъ, именно на несклоняемость словъ на *и* (отъ *—и*) какъ *испльнь*, *испразднъ*, *различъ*, *свободъ*, *сугубъ* въ Ст.-Слав. и *үшес* (любъ, пріятенъ), *гѣс* (настоящій, истинный), *sovraž* (враждебный) и др. въ Хорутанскомъ. Разница та, что въ «ворон-коня» и пр. прилагательное только аттрибутивно, между тѣмъ какъ въ Ст.-Славян. и Хорутан. упомянутая несклоняемая слова употребляются какъ аттрибутивно (сугубъ грѣси, Хорут. *ledik* (Нѣм. *ledig* *dekliečev*), такъ и предикативно («въ истинѣ свободы будете»). Употребленіе этихъ формъ въ качествѣ опредѣлений существительныхъ не позволяетъ считать ихъ за нарѣчія.

Въ опредѣлениіи, понимаемомъ въ обширномъ смыслѣ, различаютъ два частныхъ понятія: собственно опредѣленія (*attributum*) и приложенія (*apposilio*). Общій, по крайней мѣрѣ очень распространенный обычай отдѣлять на письмѣ приложеніе отъ опредѣляемаго посредствомъ запятыхъ (Петръ Великій, основатель Петербурга....) заставляетъ считать общепризнаннымъ, что приложеніе болѣе самостоятельно по отношению къ опредѣляемому, чѣмъ собственное опредѣлительное. Затѣмъ начинаются разногласія, впрочемъ устранимыя. Не вдаваясь въ частности, я замѣчу только, что, какъ мнѣ кажется, ошибочно приписывать аппозитивную силу лишь существительному, спабженному своими опредѣлительными или дополнительными, а еще ошибочнѣе думать, что всякое существительное, употребленное аттрибутивно (въ обширномъ смыслѣ слова) есть непремѣнно приложеніе, а не атtribутируемое въ тѣсномъ смыслѣ (см. меж-

ду прочимъ Mikl. V. Gr. IV 342). Думая такъ, мы бы упустили изъ виду несомнѣнную разницу между «Царь Петръ» и «Петръ, Царь—преобразователь» и т. п.; между «живописецъ Рафаэль» и Рафаэль, живописецъ гениальный,... (ср. Буслаева Гр. § 125 Б. 1), разницу, которая оказывается въ томъ, что изъ оборотовъ первого рода можетъ возникнуть сложное слово (князь-Петра, князь-Петру), а изъ оборотовъ второго рода, въ силу большей особности приложения, ничего подобнаго не выходитъ. Наиболѣе самостоятельный членъ предложения есть сказуемое, которое одно можетъ обойтись безъ всѣхъ прочихъ членовъ. Поэтому подъ относительной самостоятельностью приложения слѣдуетъ понимать его большую предикативность сравнительно съ собственнымъ опредѣлениемъ. Это и признаютъ, дѣлая иногда лишь ту ошибку, что считаютъ и приложение возникшимъ изъ придаточного предложения, начинающагося съ относительного мѣстоименія. Что такой ходъ языка въ общемъ невозможенъ, видно изъ того, что придаточное съ который и пр. болѣе развито, расчленено, опредѣленно, чѣмъ приложение. Приложение не про исходить отъ зависимаго предложения и не есть такое предложение, а имѣетъ функцию среднюю между собственнымъ опредѣлениемъ и опредѣлительнымъ предложениемъ съ глагольнымъ сказуемымъ. Принявши большую предикативность приложения, мы непоймемъ, почему именно существительное, часть рѣчи менѣе предикативна, чѣмъ прилагательное, должно быть приложениемъ. Совсѣмъ наоборотъ, мы видимъ, что часть существительныхъ, именно мѣстоименіе существительное, приложеніями никогда не бываетъ, а напротивъ часть прилагательныхъ въ обширномъ смыслѣ, именно причастія, особенно наклонны употребляться аппозитивно. Нѣкоторые весьма тщательно различаютъ въ причастіяхъ употребленіе атрибутивное («написанное письмо») и аппозитивное («письмо, написанное вчера»); другіе, па дѣль признавая это различие, ошибочно называютъ аппозитивное причастіе сказуемымъ придаточного предло-

женія; по «написанное вчера» и т. п. не есть предложение въ томъ смыслѣ какъ «напишу». Присоединеніе къ согласуемому имени причастія нѣкоторыхъ глаголовъ (въ стар. языкѣ съ и пр.) или дѣлаетъ это имя аппозиціею, или усиливаетъ его аппозитивность; ср. «N, царь...» и «N, съ царь...», «N, съ милосърдъ». Въ послѣднемъ случаѣ има, чтобы входить въ составъ приложения, не нуждается въ опредѣленіяхъ и дополненіяхъ. И прилагательное въ тѣсномъ смыслѣ можетъ быть приложеніемъ, именно когда оно имѣть свои дополненія «N, жадный къ деньгамъ...» что можетъ быть переведено посредствомъ «будучи жаденъ...», но отнюдь не произошло изъ послѣдняго), и когда стоитъ при мѣстоименіи личномъ: «ходилъ я, молодъ, по всѣмъ городамъ» (народ. пѣсн.); «какъ, бѣдной, мнѣ не горевать». Въ послѣднемъ случаѣ и существительное безъ дополненій и опредѣленій аппозитивно: «ходилъ я, молодецъ...»

6. Аттрибутъ въ сказуемомъ. Имя можетъ быть частью составного сказуемаго, то есть такого, изъ частей коего ни одна сама по себѣ не можетъ быть названа сказуемымъ. Такъ, хотя въ выраженіи «морозъ показался невеликъ» въ глаголѣ и заключенъ признакъ «казаться», представляемый дѣятельностью подлежащаго, но смыслъ предложения не въ этомъ признакѣ, а въ томъ, что представляется возникающимъ другой признакъ (невеликъ). Когда въ предложеніяхъ такого рода («праздность есть порокъ») называются сказуемымъ (предикатомъ) имя (порокъ), то это неточно (Mikl. Synt. 344) и происходитъ отъ смѣшанія предложения съ логическимъ сужденіемъ.*^{*)} Въ послѣднемъ «порокъ» дѣйствительно есть предикатъ, такъ какъ логика вовсе не знаетъ различія между предикатомъ и аттрибутомъ и

*^{*)} Столъ-же неудобно слѣдоватъ Гримму, который дѣлаетъ различие между aussage (по нашей терминологіи простое сказ.) и praedicat (имя входящее въ составн. сказ.): «глаголъ или вполнѣ заключаетъ въ себѣ die aussage» (то что говорится о подлежащемъ), напр. «человѣкъ живеть», или служить только

какъ то, такъ и другое называетъ однимъ именемъ предиката. Но грамматическимъ сказуемымъ имя быть не можетъ, какъ скоро подъ именемъ разумѣмъ признакъ данный, готовый, представляемый независимо отъ времени своего возникновенія. Имя, входящее въ составъ сказуемаго, есть атрибутъ, грамматическое определеніе, представляющее только ту особенность, что присоединяется къ своему опредѣляемому не прямо, а черезъ посредство глагола. Эта особенность отличаетъ предикативный атрибутъ какъ отъ опредѣленія въ тѣсномъ смыслѣ, такъ и отъ приложенія, понятого въ томъ смыслѣ, какъ показано въ предыдущемъ §. И приложеніе (аппозиція) ближайшимъ образомъ тяготѣеть къ своему опредѣляемому, а не къ сказуемому. Поэтому трудно согласиться со взглядомъ Миклошича, по которому *bѣl golobec* въ Хорут. «grѣšnik u nebo zletel bѣl golobec» (взлетѣлъ бѣлымъ голубкомъ), млада въ Серб. «те се писам удомила млада» (невышла замужъ молодой) суть аппозиціи. Если бы это аппозиціи, то мы бы имѣли значенія: грѣшникъ, бѣлый голубь, взлетѣлъ на небо; я, молода, невышла замужъ. Мы будемъ понимать подъ предикативнымъ именемъ (и въ частности подъ предикативнымъ именительнымъ, Grimm. Gr. IV 589) не то, которое есть предикатъ (такого не бываетъ), а то, которое входитъ въ составъ грамматического предиката *).

связкою (*copula*), посредствомъ коей подлежащему приписывается (*wird praedicirt*) другое имя: «der Mesch ist sterblich». Это прилагаемое (подлежащему) имя мы называемъ предикатомъ: *das verbum substantivum tr鋗t die aussage auf das prae dicat 脿ber*» (Grimm, D. Gram. IV, 1).

*) Терминъ «именное сказуемое» (Curtius и др.) долженъ бы быть устраниенъ, такъ какъ непосредственность сочетанія имени какъ сказуемаго съ подлежащимъ и въ Русск. (праздность и/orокъ) и другихъ сродныхъ (Греческомъ) всегда мнимая и объясняется опущеніемъ глагола.

Чтобы обозначить предѣлы составного сказуемаго, какъ оно намъ представляется, мы замѣтимъ, что и въ Славянскихъ языкахъ предикативное имя, будучи опредѣленіемъ, должно въ чёмъ либо обнаруживать свою мыслимость въ опредѣляемомъ, т. е. не можетъ стоять въ законовъ согласованія. Если подлежащее есть всегда именительный, то и предикативное имя всегда стоитъ въ томъ-же падежѣ. Такимъ образомъ вопреки многимъ, которые называютъ сказуемымъ творительный въ «быть солдатомъ», родительный въ «Петръ Великій былъ высокаго роста» и др. (Буслаевъ § 128), мы не считаемъ такого, падежа, совершенно независимаго отъ подлежащаго, ни сказуемымъ, ни частью сказуемаго.

Разница между атрибутивнымъ сочетаніемъ и предложеніемъ съ составнымъ сказуемымъ состоить въ томъ, что въ первомъ—полное отсутствіе энергіи опредѣляемаго («перевощикъ Кій», «бѣлый снѣгъ»), между тѣмъ какъ составное сказуемое, по своей энергичности, сходно съ простымъ: «Кій былъ перевощикъ»—перевозилъ, «снѣгъ бѣль»—бѣлѣетъ. Но простое сказуемое изображаетъ возникновеніе признака наглядно: перевозилъ въ опредѣленный періодъ наблюденія, или каждый разъ, какъ было нужно; «снѣгъ бѣлѣетъ» теперь, когда я на него смотрю, или каждый разъ, какъ я на него посмотрю. Въ составномъ же сказуемомъ признакъ производится дѣятельностью подлежащаго, но такъ, что этотъ процессъ неподлежитъ наблюденію, но предшествуетъ ему; «снѣгъ бѣль» т. е. дѣлаетъ такъ, что я вижу его бѣлымъ, но невижу, какъ онъ это дѣлаетъ; «онъ пастухъ», «онъ пѣвецъ», но я невижу, что онъ пасеть, неслышу его пѣнія; «Кій былъ перевощикъ» потому что перевозилъ черезъ Днѣпръ, но въ приведенномъ предложеніи заявлено объ этомъ такъ, что самые акты перевоза остаются въ наблюденія. Такимъ образомъ въ составномъ сказуемомъ признакъ представляется не просто даннымъ въ подлежащемъ, а даннымъ результатомъ дѣятельности подлежащаго. Составное сказуемое отвлеченнѣе соотвѣтственнаго простого глагола, ибо имя,

сообщающее свое свойство составному сказуемому, такъ относится къ глаголу, какъ обобщеніе прошедшихъ актовъ мысли къ акту мысли обогащающему ее новымъ содержаніемъ.

Существительное и въ сказуемомъ, какъ въ приложеніи, можетъ обнаружить свою относительную независимость отъ подлежащаго, несогласуясь съ нимъ въ родѣ и числѣ, но не въ падежѣ: «Днѣпръ есть рѣка», «побои не суть средство къ исправленію людей», «рыці да каменіе се хлѣби бѣдѣть» (Буслаевъ § 236). Прилагательное неможетъ несогласоваться и въ родѣ, ибо родъ его есть только знакъ его мыслимости въ существительномъ. Но общему правилу и здѣсь несогласованіе прилагательного мнимо т. е. въ дѣйствительности бываетъ его согласованіемъ съ наличнымъ значеніемъ рода и числа въ существительномъ, а не съ тѣмъ, о какомъ можно бы заключать по окончанію. Такимъ образомъ прилагательное во множественномъ согласуется съ подлежащимъ собирательнымъ, котораго множественность изображена посредствомъ единственнаго. Вместо «Югра же людѣ есть языкъ нѣмъ и сѣдѣть съ Самоидью» (Лавр. 107) можно бы сказать: «Югра нѣми суть».

Объ особенностяхъ причастія въ составномъ сказуемомъ будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ.

Выше было замѣчено, что прилагательное, по отсутствію въ немъ мысли объ опредѣленной субстанції, сходно съ безсубъектнымъ сказуемымъ. Сознаніе большей его близости къ сказуемому сравнительно съ существительнымъ сказалось въ нашемъ литературномъ языкѣ тѣмъ, что предикативное прилагательное по вышней формѣ стало отличаться отъ атрибутивнаго: «снѣгъ бѣль» при «бѣлый снѣгъ». Явленіе это по праву можемъ назвать созданіемъ особой предикативной формы прилагательнаго, хотя языкъ вѣнчимъ образомъ не прибавилъ ничего къ прежней, такъ называемой существительной формѣ прилагательнаго («бѣль» какъ существует. «соколь»), а только ограничилъ ея употребленіе. Предикативное прилагательное, какъ особая кате-

горія, несуществовало до тѣхъ поръ, пока могло употребляться и атрибутивно, что и теперь отчасти имѣть мѣсто въ народной поэзіи.

Нововерхненѣмецкія прилагательныя предикативы представляютъ то замѣтное отличіе отъ русскихъ литературныхъ, что лишены окончаній рода, числа и падежа. «Это, говоритъ Штейнталъ, вполнѣ умѣстно, потому что именительный въ предикатѣ *«hat doch keinen rechten Sinn»*. Здѣсь качество должно быть совершенно абстрактно приписано субъекту и потому абстрактная тема прилагательного здѣсь наиболѣе прилична. Въ *«diese Frau ist schön»* нужно сказать не то, что *«diese Frau ist eine schöne»*, а то, что *«diese Frau hat die Eigenschaft der Schönheit»*. Согласованіе предикативнаго имени въ древнихъ языкахъ есть лишь слѣдствіе того, что въ нихъ голая тема безъ падежнаго окончанія никогда непоявляется самостоительно и что вообще законъ согласованія стремился къ наибольшему господству. Но согласованіе и само по себѣ не заслуживаетъ осужденія» (еще бы!), *«а тѣмъ болѣе если его разматривать въ связи со всѣмъ строемъ предложенийъ*. Впрочемъ похала, заслуживаемая новонѣмецкимъ оборотомъ, должна быть ограничена въ томъ смыслѣ, что Нѣмецъ лишь прекрасно умѣль употребить разрушившуюся форму своего языка *) (*Charakteristik der hauptsächlichsten Typen. 203*). Вообще похала и порицаніе здѣсь преждевременны, потому что психологические результаты синтаксическихъ явлений легко могутъ оказаться только различными, а не разноцѣнными. Согласованіе, господствующее между прочимъ и въ Славянскомъ, не есть лишь слѣдствіе присутствія извѣстныхъ окончаній, но имѣть цѣну само по себѣ. Безъ особенно сильныхъ доказательствъ трудно повѣрить, чтобы языкъ когда либо уподоблялся той бережливой хозяйствѣ, которая давала дѣтямъ

*) Ограниченнѣе слабое, потому что вѣдь, на сколько хватаетъ изслѣдований, всякое новое созданіе въ языке есть лишь преобразованіе и вмѣстѣ разрушение чѣго либо предшествующаго.

остатки лѣкарствъ только для того, чтобы деньги даромъ не пропадали, или тому Ѳоку, который разсуждалъ такъ: «хоть живота наруш, аби дар Божий неоставався». Согласованіе на всѣхъ ступеняхъ своего развитія есть средство производить извѣстные отгѣнки мысли. Его нарушеніе всегда образуетъ новыя грамматическія категоріи. Такъ и въ此刻и слукаѣ. Въ Русскомъ прилагательное предикативное, отличаясь отъ аттрибутивнаго, остается все таки признакомъ мыслимымъ въ субъектѣ и измѣняющимся вмѣстѣ съ нимъ: «снѣгъ бѣлъ» и «бумага бѣла», но бѣлизна въ томъ и другомъ случаѣ какъ бы различна. Когда же языкъ уничтожаетъ согласованіе, то тѣмъ самымъ онъ отвлекается признакъ отъ субъекта. Говоря а рiогi, въ Русскомъ такое отвлеченіе могло бы произойти двояко: или посредствомъ субстанції прилагательного, или посредствомъ перемѣщенія центра его тяготѣнія отъ субъекта къ предикату, т. е. посредствомъ отнесенія признака къ категоріи нарѣчія (ad—verbum). Послѣднее дѣйствительно имѣть мѣсто въ сравнительной степени («снѣгъ бѣлѣе бумаги» какъ «бумага бѣлѣе снѣга») и въ дѣепричастіяхъ. Что до первого, то можно бы думать, что подъ него подходитъ, кромѣ творительного при сказуемомъ (о чёмъ подробнѣе скажемъ въ другомъ мѣстѣ), тотъ случай, о которомъ у Буслаева читаемъ слѣдующее: «если сказуемое относится вообще къ понятію, выражаемому существительнымъ въ подлежащемъ, то ставится въ ср. родѣ ед. числа, какъ въ формѣ наиболѣе соотвѣтствующей отвлеченному понятію. Напр. въ послов. XVII в. «грѣхъ сладко, а человѣкъ падко», «медъ сладко, а муха падко»; «левъ страшно, обезьяна смѣшина» Гр. § 239. *) Не знаю, почему бы обѣ оборотѣ «грѣхъ сладокъ» нельзя было бы сказать того-же, именно, что въ немъ сказуемое относится вообще къ понятію, выражаемому существительнымъ въ

*) Ср. въ рѣчахъ Литовскихъ пословъ «каждому отчизна своя мила», а въ отвѣтныхъ рѣчахъ Московскихъ бояръ «каждому отчизна своя мило» (Ак. З. Р. I, 329, 331, годъ 1504—5).

подлежащемъ, и какъ бы это было, если бы сказуемое въ частности относилось къ подлежащему? Поэтому я не раздѣляю мнѣнія, что «это объясненіе очень хорошее и вполнѣ удовлетворительное» (Аксак. Рус. Бесѣда 1859 VI 70). Напротивъ, тутъ вовсе нѣтъ объясненія синтаксическихъ особенностей оборота, а настоящія объясненія находятся въ слѣдующемъ. «Такое сочетаніе словъ можно объяснить или опущеніемъ какъ напр. въ послов. «умъ хорошо, а два лучше того» т. е. имѣть умъ—хорошо; или еще скорѣе—тѣмъ, что здѣсь замѣняется прилагательнымъ средняго рода существительное: умъ хорошо=умъ хорошая вещь, хорошее дѣло. Это послѣднее объясненіе подкрѣпляется тѣмъ, что иногда такимъ формамъ средняго рода ед. числа дѣйствительно соотвѣтствуютъ существительныя, какъ это видно напр. въ пѣснѣ начала XVII в. «зимовая служба—молодцамъ кручинно, да сердцу надсадно... весновая служба—молодцамъ веселье, сердцу утѣха». Послѣдніе два стиха можно бы замѣнить въ соотвѣтствіе предыдущимъ: «молодцамъ весело, сердцу утѣшно» (Буслаевъ ib. примѣч. 2). «Умъ хорошо» невозникло изъ «имѣть умъ—хорошо», такъ какъ въ этомъ случаѣ «умъ» въ умъ хорошо мы должны бы считать за винительный, а не за подлежащее, какъ въ «скорпія скѣливо». Точно также, если бы «умъ хорошо» образовалось изъ «умъ хорошая вещь», «хорошее дѣло», то мы бы имѣли «умъ—хорошая» (какъ въ Польскомъ: *to pie ūtwa (rzecz)*, *osłatnia-to po rogu* *za granice, jezdzić*, *osobliwsza*, *rewna*, *niezawodna*), или «умъ хорошее». Никакъ нельзя доказать и того, что «умъ хорошо», ненаходясь въ прямой преемственной связи съ «умъ хорошая вещь»,—«хорошее дѣло», предполагаетъ существованіе этихъ выражений. А если бы и такъ, если бы точно здѣсь прилагательнымъ замѣнялось существительное, то нельзя заключать отъ грамматическихъ формъ замѣняемаго къ замѣняющему, отъ «служба—веселье» къ «служба—кручинно», точно такъ какъ нельзя слова «Ивановъ» считать на томъ

основані за родительный, что въ другихъ случаихъ мы ставимъ «Ивана». Пусть въ «умъ хорошо» прилагательный замѣнилось существительное, но замѣнившее могло бы все-таки быть прилагательнымъ. Почему же оно несогласуется съ подлежащимъ? Вѣроятно г. Буслаевъ хотѣлъ сказать тоже, что говорить Миклошичъ: «предикатомъ можетъ стать субстантивированное прилагат. сред. р. ед. ч. Греч. *χαλδον* ἡ *ἀληθεῖα* *και* *μόνιμον*, Лат. *varium et mutabile semper femina*; Слав. склонитъ склониво (въ Греч. *σκορπίος πλυρτικός*, хотя, судя по славянскому выражению, можно бы ожидать *πλυρτικόν*); свѣтло есть грѣхъ; паче всего благаго житія угодно Богови кротость; Русск. «грѣхъ сладко» (Synt. 29 19).» *) Однако, съ точки зреінія современаго литературнаго языка, въ коемъ нарѣчія, происшедшія отъ прилагательныхъ уже не имѣютъ особаго нарѣчнаго окончанія -ъ и лишь изрѣдка отличаются отъ прилагательного неопределеннаго ср. р. ед. числа ударениемъ, врядли можно устранить отождествленіе «грѣхъ падко» съ «умъ хорошо», а два лучше того». Хорошо и лучше для нась не субстантивированные прилагательные, а нарѣчія, имѣющія смыслъ, сходный съ нѣмецкимъ предикативнымъ прилагательнымъ лишеннымъ флексій. Точно-ли эта форма въ Нѣмецкомъ есть прилагательное? «Такъ какъ, говорить Гейзе, въ Новонѣмецкомъ нарѣчіе (какъ и прилагательное предикативное) потеряло свое характеристическое окончаніе, то кажется, будто при связкѣ ставится не прилагательное, а нарѣчіе. Но Древненѣмецкій языкъ, явственно отличающій особымъ окончаніемъ нарѣчіе отъ прилагательного, и при связкѣ ставить прилагательное, согласуя его окончаніе съ подлежащимъ, какъ это дѣ-

*) «Видѣ ту людю сущая, како есть обычай имъ и како ся имуть, хво ѿться (Лавр. 4); дивно видѣхъ Словѣнскую землю (ib.); како (Ипат. кака) есть вѣра ваша? (ib. 36); есть ми любо вѣра ваша и служеніе (Лавр. 47); тако же и прочіи вои его вси бихуть (Лавр. 27) (т. е. таковы какъ и онъ самъ). Еще см. Буслаева, II 331 пр. 2 и 333 пр. I.

лается въ Лат. и Греч.» (Syst. der Sprachwiss. 395). Такъ, но Древненѣмецкій не указъ новому. Въ противномъ случаѣ мы могли бы, ссылаясь на древнія Славянскія нарѣчія, отрицать въ новыхъ бытіе дѣепричастія. Вопросъ въ томъ, имѣетъ-ли Новонѣмецкій языкъ какія либо средства отличить нарѣчіе *schön* отъ прилагательного *schön* въ сказуемомъ? Если пѣть, то и говорить о предикативномъ прилагательномъ нѣтъ основанія. Впрочемъ я долженъ указать на мнѣніе Гrimма, что въ Новонѣмецкомъ, наоборотъ, нарѣчія, потерявшиа вицѣнное отличіе отъ прилагательного, нестолько превратили прилагательная атрибутивная въ нарѣчія, сколько сами приблизились къ значенію предикативныхъ прилагательныхъ (Gra u. IV 921). Такъ ли это?

7. Связка. Въ составное сказуемое кромѣ имени входитъ предикативная связка, которую слѣдуетъ отличать отъ предикативной связи, составляющей существенный признакъ простого сказуемаго. Предикативная связь есть грамматическая форма личнаго глагола, есть то, почему этотъ глаголь есть глаголь, а не другая часть рѣчи; связка же есть особое слово, заключающее въ себѣ предикативную связь, но важное не само по себѣ, а какъ средство присоединенія атрибута къ подлежащему.

Г. Буслаевъ считаетъ терминъ связка лишнимъ въ Русской грамматикѣ, но основанія его недостаточны. 1) «Сверхъ подлежащаго и сказуемаго въ составѣ предложенія допускалась связка, выражаемая глаголомъ существительнымъ есмъ, еси, есть, суть. Но такъ какъ самимъ сказуемымъ обозначается уже связь его съ подлежащимъ, то нѣтъ необходимости въ этой третьей составной части предложенія сверхъ подлежащаго и сказуемаго, тѣмъ болѣе потому, что она введена была въ логику изъ грамматики тѣхъ языковъ, въ которыхъ между подлежащимъ и сказуемымъ въ формѣ именъ существительныхъ или прилагательныхъ употребляли связью глаголь вспомогательный, каковы языки Греческій, Латинскій и нѣкоторые другіе» (Буслаева Гр.

§ 110, прим. 1). Связка была введена въ логику изъ грамматики греч. и лат., и это дурно, потому что въ логическомъ суждениі связки нѣть; но какое же намъ дѣло до этого, если мы говоримъ о грамматикѣ, а не о логикѣ, о предложеніи, а не суждениі? Намъ важно знать не то, что въ суждениі нѣть связки, а то, что это вовсе необязательно для предложения, что связка есть въ Греческомъ и Латинскомъ. Изъ приведенного мѣста слѣдуетъ, что напр. въ «зпаніе есть сила» сказуемое есть «сила». Что же такое есть? Можно разсуждать иначе: сказуемое есть въ приведенномъ примѣрѣ «есть сила» и состоять оно изъ атрибута и связки. Обычное въ Русскомъ литературномъ языке опущеніе существительного глагола въ настоящемъ времени никакъ не доказываетъ, чтобы для наст. не нуженъ былъ терминъ, какимъ обозначается sum и пр. въ Латинскомъ, тѣмъ болѣе, что связкою бывають и многіе другіе глаголы никогда неопускаемые. 2) «Глаголъ существительный въ составномъ сказуемомъ обыкновенно называется связкою; но какъ онъ означаетъ лицо, время и наклоненіе, то нѣть причины давать ему иного названія кромѣ сказуемаго» (ib. § 123 пр.). Если въ составномъ сказуемомъ одна часть совершенно равносильна съ простымъ сказуемымъ, то нѣзачѣмъ и говорить о «составномъ сказуемомъ», ибо выдѣливши изъ этого понятія настоящее сказуемое, т. е. простое (личный глаголь), мы получимъ въ остаткѣ не сказуемое, а нѣчто другое. Для этого другого лучше выдумать имя, если нѣть готоваго, чѣмъ смѣшивать въ одномъ имени сказуемаго два различныя понятія. Но г. Буслаевъ тѣмъ не менѣе считаетъ нужнымъ говорить о «составномъ сказуемомъ» (§ 123) и не безъ основанія, такъ какъ функция глагола, входящаго въ составное сказуемое, несовпадаетъ съ функциєю простого сказуемаго: «земля есть» и «земля есть планета» различны и по формальному значенію своего глагола. Что касается до того, что связкѣ нельзѧ давать этого имени, потому что она имѣеть лицо и пр., то именно потому такая связка и называется предикативною въ

отличие отъ атрибутивныхъ и объективныхъ (Steinthal, Gr. Log. u. Ps. § 130). 3) «Прошедшее время было, была и пр. тѣмъ менѣе можетъ быть названо связкою, что оно есть не что иное, какъ причастіе прошедшее, и само имѣло при себѣ такъ называемую связку въ вспомогательномъ глаголѣ: есмъ, еси и пр. нынѣ опускаемомъ» (Буслаева Гр § 123. прим.). Согласно съ этимъ мы должны бы думать, что напр. Русск. сверхъ, Поль. rodzię, Лит. ra—gal (по, согласно съ...) и т. п. не могутъ быть предлогами, потому что уже заключаютъ въ себѣ предлоги и что вообще этимологическая сложность слова несовмѣстима съ единствомъ его формальнаго значенія. Конечно, когда былъ въ «былъ юсмъ» представлялось мысли столь-же самостоятельнымъ, какъ бѣль въ «бѣль юсмъ», тогда связкою было не время былъ юсмъ въ своей цѣльности, которой тогда и не было, а одно юсмъ; но когда «былъ юсмъ» слилось въ одинъ актъ сознанія, когда поестественному впослѣдствіи глаголъ сталъ опускаться, тогда былъ получило возможность быть связкой.

Нѣкоторые считаютъ a priori несомнѣннымъ, что предикативной связкой можетъ быть только глаголъ наиболѣе отвлеченнаго содержанія, каковъ такъ называемый глаголъ существительный. Поэтому хотя синтаксическое сходство между Курцос *βασιλεύς* ἦν и Курцос *ἐγένετο* *βασιλεύς* бросается въ глаза, Курциусъ видѣть въ первомъ случаѣ одинъ именной предикатъ, а во второмъ два: одинъ глагольный (глаголъ со значеніемъ fieri, videri, appagere, nominari, vocari, eligi и т. п.), а другой именной (Gr. Schulgram. § 361, 4, 7). Такой второй «предикатъ», въ той же мѣрѣ свойственный и Славянскимъ языкамъ, онъ называетъ предикатомъ дополняющимъ (erganzendes pr., чего не должно смѣшивать съ нашимъ терминомъ «дополненіе» въ значеніи грамматического объекта) (Curt. ib. § 361, 8). Но синтаксическая разница между глаголомъ означающимъ существованіе и всяkimъ другимъ среднимъ глаголомъ далеко не есть аксиома. Весьма возможно, что выраженія

какъ Күрос βασιλεύς ю въ синтактическомъ отношеніи ровно ничѣмъ неотличаются оть такихъ, какъ τριταῖοι ἀπῆλθον, трехдневные ушли (т. е. на третій день;ср. заимствованное съ Греческаго, но согласное съ духомъ древняго Славянскаго языка «въста тридъневынъ»); что Русск. «былъ пьянъ» синтактически равносильно съ «воротился пьянъ», «напился пьянъ». Мы съ своей стороны убѣждены, что такое равенство дѣйствительно существовало и что его нарушеніе, если оно есть, всегда относительно ново. Для древняго периода Индоевропейскихъ языковъ такъ называемые *verba der unvollst ndigen aussage*, т. е. допускающіе или требующіе предикативнаго именительнаго (*тапеге, nasci* и т. п.) суть не «какъ бы связки» или «связки въ обширномъ смыслѣ» (между тѣмъ какъ *esse* связка въ тѣсномъ), а просто связки безъ всякаго ограниченія. Для нась во всѣхъ этихъ случаяхъ предикать состоить изъ связки и предикативнаго атрибута.

Различіе въ степени отвлеченностіи значенія глаголовъ само по себѣ отнюдь не влечеть за собою синтаксического различія. Очень отвлеченное значеніе глагола существитвнаго и др. под. тѣмъ не менѣе есть значеніе вещественное, мыслимое само по себѣ, хотя въ случаѣ сочетанія глагола съ атрибутомъ подчиняемое значенію этого послѣдняго. Можетъ-ли такое отвлеченное значеніе стать чисто формальнымъ? Можетъ-ли изъ обширнаго круга глаголовъ сочетаемыхъ съ именительнымъ атрибутомъ выдѣлиться одинъ или нѣсколько глаголовъ, неимѣющихъ никакого другого значенія, кроме значения связки? На этотъ вопросъ Гейзэ отвѣчаетъ, что *verbum substantivum v. abstractum* «собственно говоря неможеть стать выраженіемъ чистой связки, потому что въ немъ всегда остается значеніе существованія и отношеніе времени, признаки чуждые чистой копулѣ» (*Syst. d. Sprachwiss.* 395). Это несправедливо. Время, какъ грамматическая форма, неможеть мѣшать формальности связки. Понятіе о грамматической связкѣ (ибо логической вовсе неѣтъ), какъ о чемъ-то

исключающемъ отношение ко времени, произвольно. Тоже мышнія, что Гейзе, держится повидимому и Миклошич (V. Gr. IV 261—3). Онь, раздѣливши глаголы по функции на абстрактные (ес, бы и ихъ синонимы напр. Рус. «день стоялъ сѣрый», Серб. постао рѣав човјек) имѣющіе «только формальную функцию связывать подлежащее со сказуемымъ», и глаголы конкретные, заключающіе въ себѣ предикать, прибавляетъ, что изъ приведенныхъ имъ абстрактныхъ только тѣ вполнѣ соответствовали бы своей формальной функции (*ihrer formalen Function nur dijenigen volkommen gerecht wÄren*), которые совсѣмъ лишились бы функции служить сказуемымъ, чего нельзя сказать даже объ ас-, (такъ какъ оно во всѣхъ языкахъ выражаетъ также и бытіе: есть деньги и пр.), а тѣмъ болѣе о словахъ для «werden». Конечно, если подъ глаголомъ ес понимать всѣ случаи его употребленія напр. въ современномъ Русскомъ, то примѣры, какъ приведенный выше, непозволяютъ признать этотъ глаголъ формальнымъ; но абстракція «глаголь ес» — заключаетъ въ себѣ болѣе одного глагола. Рядомъ съ случаями, гдѣ ес значить «быть на лицо», «имѣться» есть и другіе, гдѣ ес совершенно лишено значенія бытія: не только Поль. *mówileś*, но и Mr. казав еси отнюдь не заключаетъ въ себѣ того еси, которое значило бы «ты существуешь», «ты на лицо», и суть только прошедшія времена несовершенного глагола. Вообще нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что глаголь, какъ есть и нѣкоторые другіе, можетъ утратить все свое вещественное значеніе; но для грамматики каждого языка существенно важно знать, точно ли въ немъ есть такие глаголы и по какимъ признакамъ узнается ихъ присутствіе. Несомнѣнно, что Гейзе ошибается, принимая за высшую степень отвлеченности связки, достигнутой Индоевропейскими языками, то, что она сочетается съ именительнымъ атрибута, и считая идеаломъ языковъ небывалую логическую связку. «Какъ трудно достигнуть той степени отвлеченности, какая требуется для пониманія глагола существительного, какъ

чистой «логической» связки, показываютъ тѣ языки, между прочимъ и Индоевропейскіе, которые до такой отвлеченности недоходятъ. Въ Славянскихъ языкахъ сказуемое въ извѣстныхъ случаяхъ ставится при подлежащемъ не въ именительномъ, какъ того требуетъ свойство грамматического отношения (между подлежащимъ и сказуемымъ), «а въ творительномъ» (*«ablativus»*; но слав. творительный есть не *ablativus*, а *instrumentalis*) адвѣрбіального характера. Арабы ставятъ предикатъ постоянно въ объектномъ падежѣ, который собственно есть падежъ адвѣрбіальный. Во всѣхъ этихъ случаяхъ предикатъ есть нарѣчіе присоединенное къ существительному глаголу» (Heyse, ib.). Незнаю, какъ Арабы, но вѣрою, что Славяне не недошли до той степени отвлеченности, которая сказывается въ возможности только такихъ оборотовъ какъ «*N est geh*», «*fuit geh*» и проч., а оставили ее за собою. Славянскіе языки и Латышско-литовскій отъ величайшаго сходства въ разматриваемомъ отношеніи съ Греческимъ, Латинскимъ, Нѣмецкимъ перешли къ своеобразнымъ оборотамъ, о возможномъ значеніи коихъ для образования связки, какъ чисто-формального слова, синтаксически отличнаго отъ другихъ глаголовъ, подробнѣ скажемъ въ слѣдующей статьѣ.

Слѣдуетъ отличать составное сказуемое отъ описательного времени, которое, не смотря на свою сложность, болѣе замѣтную чѣмъ сложность напр. аориста на—хъ, есть одинъ глаголь и сказуемое простое. Такое различіе станетъ невозможнымъ, если мы вмѣстѣ съ Востоковымъ составное сказуемое назовемъ составнымъ глаголомъ (Русск. Гр. § 105), такъ какъ тогда «быть царь» въ «Петръ былъ царь» будетъ такой-же единый въ себѣ глаголь, какъ и «царствовалъ». Терминъ Востокова ошибоченъ. Извѣстный глаголь можетъ предполагать существительное или прилагательное, образоваться отъ нихъ, но неможеть заключать ихъ въ себѣ въ качествѣ самостоятельныхъ словъ, имѣющихъ своим опредѣленіемъ и дополненіемъ. Въ составное сказуемое мо-

гуть входить какъ причастія, такъ и существительное и прилагательное; въ описательное время—только причастные формы, занимающія середину между глаголомъ и именемъ. Глаголь въ составномъ сказуемомъ можетъ быть какъ словомъ чисто-формальнымъ, такъ и вещественнымъ; въ описательномъ времени онъ можетъ быть только формальнымъ, и если этого нѣть, если напр. въ Древне-руск. «хотеть быти» глаголь означаетъ хотѣніе, а не одно отношеніе къ лицу и будущему времени (будетъ), то нѣть и описательного времени. Всякое изъ описательныхъ временъ возникаетъ изъ составного сказуемаго. Обратный переходъ невозможенъ, какъ противорѣчие общему стремленію языка, по которому напр. надежь съ предлогомъ можетъ превратиться въ нарѣчіе, но нарѣчіе неможетъ распасться на надежь и предлогъ. Поэтому, видя напр., что въ Польск. сочетаніе «*b\u0142a r\u0142zeznaczena*» измѣняется въ «*b\u0142a r\u0142zeznaczon\u0144*» съ творительнымъ, который не входить въ составъ сказуемаго, мы должны думать что и «*b\u0142a r\u0142zeznaczon\u0144*» всегда было лишь составнымъ сказуемымъ, не смотря на то, что мы привыкли такой страдательный оборотъ считать за одинъ глаголь. Если-бы онъ былъ описательное время, то не могъ бы распасться. По подобнымъ соображеніямъ придется многое исключить изъ обычного понятія объ описательномъ времени въ Русскомъ языкѣ. Такъ у г. Буслаева «бывалъ хранимъ, осужденъ» (Гр. § 89 Б. 2), бывало говорю, говорилъ» (ib. § 188, 3) суть описательные времена; но ихъ нельзя считать такими, потому что бывалъ положительно не есть глаголь формальный.

Не останавливаясь на этомъ, замѣчу, что въ соотвѣтствіе терминамъ «составное сказуемое» и «предикативная связка» слѣдуетъ принять и термины «составное приложеніе (N, милосърдъ съ,...)» и «аппозитивная связка» (съ и пр.).

8. Грамматический объектъ (дополненіе) сходенъ съ субъектомъ въ томъ, что тѣмъ и другимъ стремится быть лишь существительное, или другая часть рѣ-

чи, употребленная *substantive*. Разница между ними та, что субъектъ есть несогласуемый ни съ чѣмъ именительный падежъ, а объектъ несогласуемый ни съ чѣмъ косвенный падежъ. Это отсутствіе согласованія въ объектѣ служитъ указаніемъ на то, что онъ означаетъ предметъ вицій по отношенію къ субъекту и другимъ объектамъ предложения. Такое опредѣленіе объекта монгимъ шире того, какое находимъ у г. Буслаева. Оно обнимаетъ между прочимъ какъ падежи присоединяемые къ именамъ (родительный и дательный принадлежности и пр.), *) относимые къ опредѣлению (аттрибуту), такъ и обозначенія места, времени, образа дѣйствія, причины, представляемыхъ грамматическими предметами. У Востокова можно позаимствовать название дополненія др. у гимъ предметомъ (Русск. грам. § 107. II) т. е. другимъ, кромѣ подлежащаго; но нельзя съ нимъ согласиться въ томъ, что дополненіе есть всегда членъ управляемый. Чтобы понятіе управлениія не расплзлось въ туманъ, слѣдуетъ понимать подъ нимъ только такие случаи, когда падежъ дополненія опредѣляется формальнымъ значеніемъ дополняемаго (напр. винительный прямого объекта при дѣйствительному глаголѣ, падежъ съ предлогомъ при предложномъ глаголѣ, какъ «надѣяться на Бога»). Если же дополняемое само по себѣ не указывается на падежъ дополненія, то обѣ управлениіи не можетъ быть и рѣчи. Другими словами, связь между дополняемымъ и дополненіемъ можетъ быть тѣснѣйшая и болѣе отдаленная. Такимъ образомъ второстепенныхъ членовъ предложения нельзя подвести подъ рубрики согласованія, управлениія и отсутствія того и другого, ибо несогласуемыми и неуправляемыми могутъ быть и дополненія.

9. Составное дополненіе. Рассматривая предложеніе съ составнымъ сказуемымъ и вида, что не всякий глаголъ можетъ быть связкою въ такомъ сказуемомъ,

*) «Домъ отца». Развѣ здѣсь *отецъ* представляется въторостепенною субстанціею по отношенію къ *дому*, какъ въ настоящемъ *приложении*? Развѣ это все равно что «*отцовский домъ*»?

мы спрашиваемъ, какъ поступаетъ языкъ въ тѣхъ слу-
чаяхъ, когда составное сказуемое невозможнo? Руково-
дится ли онъ тѣмъ же началомъ, которое выразилось
въ согласованіи аттрибута въ сказуемомъ съ субъектомъ?
Прибѣгаєтъ ли онъ къ аналогичнымъ средствамъ и при
измѣненыхъ условiяхъ? Предположимъ что да, т. е.
что языкъ во всѣхъ случаяхъ старается подобными же
средствами удерживать существенное въ отношенiяхъ
субъекта и предикативного аттрибута. Если вслѣдствiе
измѣненiя рода глагола субъектъ станетъ прямымъ объ-
ектомъ при дѣйствительномъ глаголѣ, или же родитель-
нымъ при такомъ же глаголѣ съ отрицанiемъ, или да-
тельнымъ, то что становится съ бывшимъ предикативнымъ
аттрибутомъ? Такъ какъ стремленiе языка, по предполо-
женiю, состоить въ сохраненiи несамостоятельности
предикативного аттрибута по отношенiю къ бывшему
подлежащему, и такъ какъ никакихъ новыхъ средству
для этого недано, то предикативный аттрибутъ долженъ
будетъ попрежнему согласоваться въ падежѣ, только
не съ подлежащемъ, а съ дополненiемъ. За примѣрами
удобнѣе обратиться не къ современному Руск. языку,
а къ другимъ. Извѣстно соотвѣтствiе между оборотами
какъ «Кѣрос єг҃нєто вахилеў», «Cyrus rex factus est» и
такими какъ «oi Пѣрсаи тoу Кѣроу еўлоунто вахилеў»,
«Persae Сугум regem eligerunt». Литовскому: to dѣl iр
asz pats turaus newerts esas pas tawę ateiti, Лук. 7. 7,
ближайшимъ образомъ соотвѣтствовало бы Ст.-Славян.
«ни азъ сътворихъ сѧ достоинъ сы прийти къ тебѣ»,
но обычнѣе безъ сы: «ни азъ сътворихъ сѧ достоинъ»,
гдѣ достоинъ согласуется съ подлежащимъ, а сѧ не
есть дополненiе, такъ какъ чувствуется не какъ вини-
тельный, а какъ знакъ субъективности глагола. Вместо этого
находимъ въ Остр. Ёв. ни себе (ближайшiй объектъ)
достоина (согласуемый съ нимъ аттрибутъ) сътворихъ
(ne se ipsum quidem sum dignum arbitratus, qui venirem
ad te). Подобнымъ образомъ оборотамъ съ составнымъ
сказуемымъ «глаголемъ сѧ раби» (называемся рабами)
и съ двумя винительными «глаголiж вы рабы» (—васъ

рабами) соответствуетъ оборотъ съ двумя родительными «уже неглаголіж васъ рабъ», Остр. Ев. Ioan. 15, 15. Съ пѣкоторыми особенностями, о которыхъ рѣчь въ слѣдующей статьѣ, вторымъ падежемъ, соответствующимъ предикативному атрибуту, бываетъ и дательный.

Два остальныхъ падежа, не считая звательного, стоящаго виѣ предложенія, именно творительный и мѣстный въ такихъ отношеніяхъ не бываютъ. Это зависитъ отъ особенностей ихъ значенія, въ изслѣдованіе коихъ здѣсь можно не вдаваться.

Языкъ, имѣющій при составномъ сказуемомъ и остальные вышеприведенные обороты, остается вѣренъ во всѣхъ этихъ случаяхъ одному началу согласованія. Само собою, что не можетъ быть названо непослѣдовательностью то, когда языкъ, незная, подобно Греческому и Латинскому, родительного при глаголѣ съ отрицаніемъ, не имѣть и оборотовъ какъ «неглаголіж васъ рабъ». Но слѣдуетъ считать измѣненіемъ принципа то, когда языкъ, подобно современному Русскому, сохраняя въ однихъ случаяхъ составное сказуемое, въ другихъ, которые мы выше нашли сходными, не находить этого сходства и обращается къ инымъ средствамъ: «не считаю васъ рабами» и т. п.

Мы отличаемъ простое опредѣленіе подлежащаго или приложеніе къ нему отъ атрибута входящаго въ составъ сказуемаго. «Царь (определение) Киръ избранъ бысть...» или Киръ, царь Персійскъ (приложение), изъбранъ бысть...» вовсе не то что «Киръ изъбранъ бысть царь». Или въ современномъ Русскомъ: «босая (определ.) дѣвица вышла на морозъ», в. «дѣвица, босая (приложение), *) вышла на морозъ» не то что «дѣвица вышла босая (атtrib. въ сказ.) на морозъ». Определение и приложение означаютъ признаки уже данные въ опредѣляемомъ прежде, чѣмъ возникаетъ дѣйствіе;

---

*) Это приложеніе, *appositio*, не смотря на Буслаева Гр. § 124, I. Такъ приложеніе, это прилагательное заключаетъ въ зародышѣ отношенія противительное и уступительное: «N бо-

атtribуи́тъ въ сказуемомъ есть признакъ возникающій вмѣстѣ съ дѣйствіемъ, или посредствомъ его. Подобная разница существуетъ между простымъ дополненіемъ, имѣющимъ опредѣленія и приложенія («избрашъ царя Кира», «избрашъ Кира, царя Персьска») и составнымъ дополненіемъ: «избрашъ Кира царя». Въ первомъ случаѣ Киръ представляется уже царемъ въ то время, когда его избрали; во-второмъ онъ только тогда и становится царемъ, когда его избрали.

Выше мы назвали именительный въ сказуемомъ предикативнымъ т. е. входящимъ въ составъ грамматического предиката; но приложить этого названія ко второму падежу составнаго дополненія мы не можемъ, такъ какъ это дополненіе вовсе не заключаетъ въ себѣ сказуемаго.

Тѣмъ менѣе можно согласиться съ Курціусомъ, который, назвавши именительный въ сказуемомъ—именнымъ предикатомъ, а второй винительный въ «Пѣсаї тѹ Кѣроу є'лоonto вазилеа» зоветъ «зависимымъ предикатомъ» (Gr. Schulgr. § 361, 10). Кажется наиболѣе удобнымъ выразить сходство между предикативнымъ атрибутомъ и соотвѣтственными ему косвенными падежами, назвавши ихъ всѣ, въ отличіе отъ подлежащаго и ближайшаго дополненія съ ихъ опредѣленіями и приложеніями, вторыми атрибутивными, или согласуемыми падежами простого предложения. Подлежащее съ своими опредѣленіями, а равно и ближашіе объекты съ своими будутъ при этомъ считаться первыми; они несогласуемы, при томъ, кромѣ случаевъ инверсіи, они занимаютъ первое мѣсто въ порядкѣ словъ.

Указанная выше выраженія не даютъ основанія говорить о такъ называемыхъ сокращенныхъ придаточныхъ предложеніяхъ. Вообще этотъ терминъ неудо-

---

сая, а вышла», v. «хотя босая, но вышла». Ничего подобнаго нѣтъ въ собственномъ опредѣленіи «bosахъ дѣвица вышла». Различие между опредѣленіемъ и приложеніемъ обозначается не столько порядкомъ словъ, сколько тономъ.

бенъ. Онъ обязанъ своимъ происхождениемъ ложной теоріи, что если логическому сужденію соответствуетъ не предложеніе, а членъ предложенія, то это произошло лишь вслѣдствіе искотораго помраченія закона (сужденіе = предложеніе), который никогда господствовалъ во всей силѣ. Одно изъ двухъ: или известный отрывокъ рѣчи есть предложеніе, и тогда онъ заключаетъ въ себѣ личный глаголь, хотя бы и опущенный, или онъ не есть предложеніе, а только его часть. Части простыхъ предложенийъ, именно дополненія напр. въ «нальзона й жива», «уѣдаша князя идуча» не суть ни предложенія, ни сокращенія чего либо, при томъ въ равной мѣрѣ. Доля правды, заключенная въ терминѣ «сокращенное предложеніе» состоитъ лишь въ томъ, что если принять *vb. finitum* = сказуемое за единицу для измѣренія предикативности, то окажется, что одни члены простого предложения болѣе приближаются къ этой единицѣ, другіе менѣе. Такъ причастіе ближе къ глаголу, чѣмъ существительное и прилагательное; но эта близость не простирается до тождества съ личнымъ глаголомъ. Если бы оказалось, что позднѣйшій языкъ замѣняетъ первое изъ приведенныхъ выражений однимъ предложеніемъ («нашли его живымъ» или «въ живыхъ»), а второе двумя («узнали, что онъ идетъ»), то этого свойства позднѣйшаго языка никакъ не слѣдовало бы приписывать языку предшествующему. Сами по себѣ приведенные вторые падежи равносильны во всемъ, кроме того, что причастію свойственны видъ (если онъ есть въ языкахъ) и время. Причастія не возникли изъ придаточного предложения, въ родѣ «увѣдаша оже (якѣ, анѣ) идетъ». Они не предполагаютъ союзовъ, напротивъ, въ позднѣйшихъ языкахъ они вытѣсняются придаточными предложениями, присоединенными къ главнымъ посредствомъ союзовъ и мѣстоименій относительныхъ. Употребленіе причастія, а равно и втораго падежа вообще можетъ разматриваться какъ объединеніе и сосредоточеніе мысли лишь по отношенію къ тому незапамятному времени, когда не было ни причастій, ни союзовъ съ относительными мѣ-

стоименіями, ни придаточныхъ предложеній, когда было возможно лишь построение рѣчи изъ предложеній, не имѣющихъ между собою никакой формальной связи: «нальзоша, живъ юсть», «увѣдаша, идетъ», «народъ же стод и слышавъ, глаголаахъ, громъ бысть,» Остр. Ев. Ioan. 12. 29 (въ Греческомъ, Лат. и Готскомъ здѣсь винительный съ неопределеннымъ: ἐλεγε βρουτὴ γεγονέναι). Подобное построение въ известной мѣрѣ, какъ одно изъ многихъ средствъ языка, употребительно и въ позднѣйшее время; «...понеже бо и виждѣ, уже изобаль юсть вѣдро сочива» (ХІV в. Срезневскій, Пам. юсов. пис., 291). Здѣсь связью между предложеніями служить только то, что дополненіе первого означаетъ одно лицо съ подлежащимъ втораго. Этотъ оборотъ стоитъ посреди между совершенно безсвязнымъ «виждѣ уже изобаль юсть» и связными: «виждѣ и изобавъше (избавъша)» и «виждѣ, яко изобаль юсть». Два послѣдніе въ равной мѣрѣ могли бы называться сокращеніями развѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ предложеніе, состоящее изъ двухъ оформленныхъ словъ, есть объединеніе рѣчи, состоящей изъ словъ еще неимѣющихъ грамматической формы.

10. Второстепенные связи. Общимъ свойствомъ вторыхъ падежей въ простомъ предложеніи кажется то, что въ нихъ, особенно въ косвенныхъ, средства языка какбы скучны сравнительно съ его требованіями. При отсутствіи обязательного порядка словъ, одно и тоже согласование должно дать и простыя определенія и приложенія, и вторые падежи.

Тоже сходство между этими членами остается и въ слѣдующемъ случаѣ: имя, служащее приложениемъ, присоединяется къ опредѣляемому не прямо, какъ выше сказано, а посредствомъ причастія: «Кайафа, архиерей сы лѣту тому», О. Ев. Ioan. 11. 49. Такой составной аттрибутъ, заключающій въ себѣ атрибутивную связку, можетъ войти и въ сказуемое: Лит. «kursai isz tū trijū regisi (З-е л. ед. отъ regēti—s, видѣться, въ смыслѣ казаться) artimas būwēs,» Лук. 10, 36, что въ

Ст.-Слав. было бы «къто убо отъ тѣхъ трии мынить ти сѧ сы ближнiiи». Такимъ составнымъ можетъ быть и второй косвенный падежъ: Лигов. *kā sako žmonēs žtomas sunč ēsanti*, Мате. 16, 13, что по Ст.-Слав. было бы: «кого глаголjть (люди)e сына человѣческа сѫща (сынь человѣческъ сѫще)».

Болѣе явственное разграничение собственныхъ атрибутовъ и вторыхъ падежей обнаруживается при употреблении неопределенного наклоненія въ качествѣ связи предикативного атрибута и вообще второго падежа. Неопределенное наклоненіе не можетъ быть ни простымъ определениемъ, ни связкою определенія составного. Сколько известно, никогда не были возможны выражения какъ «зеленѣть дерево» (зеленѣющее, зеленое), «Кайафа, быть архиерей», и въ этомъ одно изъ отличий неопределенного пакл. отъ имени со включеніемъ причастія. Но неопределенное бываетъ связкою втораго падежа: «къто... ближнiiи. (предик. атрибуть) мынить ти сѧ быти (связка предикативного атрибута)», Остр. Ев. Лук. 10, 36; «кого (2-й винительный) глаголjть мѧ (1-й винительн.) быти (связка 2-го винительнаго)» Остр. Ев. Мате. 16, 13.

11. Обстоятельство. Какъ личный глаголь есть тѣмъ самимъ сказуемое, какъ имя въ именительномъ, несогласуемое съ другимъ, есть подлежащее, имя въ косвенномъ падежѣ, несогласуемое съ другимъ есть дополненіе, а согласуемое имя въ любомъ падежѣ есть определеніе или часть сказуемаго; такъ и обстоятельству присвоена особая форма, нарѣчіе. Выше было упомянуто, что включение грамматическихъ объектовъ въ понятіе обстоятельства неможеть быть оправдано. Подъ обстоятельствомъ, или нарѣчіемъ, мы разумѣемъ признакъ (стало быть знаменательную часть рѣчи), связуемый съ другимъ признакомъ даннымъ или возникающимъ и лишь чрезъ его посредство относимый къ предмету (субъекту, объекту), а самъ по себѣ неимѣющій съ нимъ никакой связи. Въ этомъ определеніи заключено, во-первыхъ, то, что ни существительное,

ни прилагательное, ни глаголъ не могутъ быть обстоятельствомъ, ибо въ существительномъ признакъ мыслится въ известной субстанці, а въ прилагательномъ и глаголѣ, рассматриваемыхъ независимо отъ подлежащаго и опредѣляемаго, въ неизвестной, чтò и выражаетъ ихъ согласованьемъ. Нарѣчіе при прилагательномъ не есть только атрибутъ атрибута, потому что такую роль въ древнемъ языкѣ можетъ играть и другое прилагательное, согласуемое съ своимъ ближайшимъ опредѣляемымъ, и вмѣстѣ съ нимъ согласуемое съ субъектомъ напр. «пишу грамоту душевную въ своемъ смыслѣ, добръ здоровъ» (1406 г. Соб. Г. Гр. и Дог., I, № 39). т. е. не добръ и здоровъ, а совершенно здоровый; «взвратиша ся въ своя-си добри здорови» (Лавр. 192). Согласно съ этимъ нарѣчіе при прилагательномъ можетъ быть названо лишь несогласуемымъ атрибутомъ атрибута. Во-вторыхъ, существительное не можетъ имѣть при себѣ обстоятельства, т. е. выраженія какъ «было сиѣгъ» въ нынѣшнемъ языкѣ грамматически невозможны. Это впрочемъ вполнѣ примѣнимо только къ языку, въ коемъ установилось строгое различіе между существительнымъ и прилагательнымъ. Чѣмъ ближе существительное къ прилагательному, тѣмъ возможнѣе приложеніе къ нему нарѣчія. Изрѣдка это встречается въ Древне-Русскомъ: «Меѳодій же посади 2 попа скорописца зѣло» (Лавр. л. 11, Ип. скорописца вельми); «радовашеся Ярославъ видя множество церквій и люди хрестьяны зѣло» (ib. 66); «научися, вѣрный человѣче, быти благочестно дѣлатель» (Лавр. 101). Ср. Литов. gaspadiné labai darbininké budama... Schleich. Leseb. 201, т. е. хозяйка, будучи очень работница (очень работящая).

Такъ какъ при неопределенномъ наклоненіи обстоятельство можетъ находиться («мыть бѣло») и такъ какъ, по сказанному выше, неопределенное наклоненіе не можетъ быть атрибутомъ, то ясно, что эта форма не есть ни имя, ни въ частности существительное, а совершенно особая часть рѣчи, о чёмъ см. слѣдующую статью.

Нарѣчія, по происхожденію, могутъ быть отнесены къ двумъ разрядамъ: 1) отъименные, со включеніемъ отъименныхъ, объяснимыхъ изъ простого предложения и 2) образованныя изъ сказуемыхъ, предполагающія сочетаніе предложенийъ. Послѣднія, какъ «чуть живъ», Mr. «мабуть», Зап. Mr. «відай» и т. п. я оставляю въ сторонѣ, такъ какъ говорю здѣсь о простомъ предложеніи. Первая дѣлается на а) происшедшія отъ согласуемыхъ частей предложенийъ, между прочимъ отъ опредѣленій въ именительномъ и б) происшедшия отъ дополненій.

а) Въ нашихъ дѣепричастіяхъ мы видимъ, какъ нарѣчіе обрѣзается изъ причастія посредствомъ замѣны различныхъ формъ одною формою именительного един. муж. (дѣлая, сдѣлавъ), или женскаго рода (сдѣлавши). Нѣкоторая часть дѣепричастій, небудучи именительными падежами, что было бы несогласимо съ понятіемъ нарѣчія, непосредственно примыкаетъ къ этимъ падежамъ. Въ такъ называемыхъ нашихъ прилагательныхъ сравнительной степени (блѣе), которая въ дѣйствительности суть нарѣчія, неподвижно стала форма общая именительному и винительному един. средняго рода. О нарѣчіяхъ, какъ много, мало, происшедшахъ отъ положительной степени прилагательныхъ и имѣющихъ форму именительного, винительнаго ед. ср. рода и столь же свойственныхъ Славянскому языку, какъ и Санскритскому, Греческому, Латинскому, Боппъ думаетъ, что форма ихъ есть не именительный, а винительный, только потому, что «всякій косвенный падежъ блѣе годится для обозначенія адвербіального отношенія, чѣмъ именительный» (V. Gr. § 989). Такъ и Буслаевъ (Gr. § 72, 3). Можетъ показаться напраснымъ спрашивать, предполагаетъ ли напр. «мало» именительный или винительный, такъ какъ въ среднемъ родѣ нѣтъ различія между этими падежами; однако Боппъ несчѣль этого вопроса излишнимъ и не безъ основанія, ибо дѣло въ томъ, каковъ бы былъ ближайшій оборотъ къ мало, въ случаѣ различенія именительного и винительного. Другая форма этого вопроса такая: должно ли оправдыват-

тельное или входящее въ предикатъ прилагательное стать сначала дополнениемъ, быть употреблено въ косвенномъ падежѣ и *substantive*, чтобы затѣмъ перейти въ нарѣчіе? Миклошичъ для подтверждѣнія аккузативности нарѣчій отъ прилагательного средняго рода ссылается на обороты какъ *χαρὰν μεγάλην χαίρειν* и *digam servitulem servire* (V. Gr. IV 158), стало быть на такъ называемый внутренній объектъ. Конечно, это возможно, но какъ общее положеніе врядъ ли вѣрно. Никакого слѣда объективности не могу усмотреть въ «снѣгъ бѣлѣе бумаги», «право судиль юсии». Напротивъ, можно думать, что и въ послѣднемъ случаѣ право ближайшимъ образомъ не произошло изъ существительного (какъ бы судилъ еси правою), а непосредственно примыкаетъ къ именительному атрибуту въ «правъ судиль юсии», при чемъ переходъ прилагательного въ средній родъ можетъ быть не болѣе, какъ средствомъ устранить согласованіе, а не субстантивировать прилагательное. И безъ перехода въ средній родъ можетъ образоваться нарѣчіе отъ именительного, какъ показываетъ, кромѣ нашихъ дѣверича-стій, Литовскій языкъ, гдѣ нарѣчіе можетъ застыть въ именительномъ един. м. рода: «*rods norim*», букв. «радъ хотимъ» т. е. мы бы рады, тогда какъ первона-чально прилагательное здѣсь измѣняется по родамъ и чи-сламъ; «*rods padarysiu*», радъ сдѣлаю, «*roda padarysiu*», рада сдѣлаю. Согласно съ этимъ, хотя и нельзя сомнѣ-ваться, что нарѣчія какъ, такъ, Mr. як, гаразд и т. п. суть во многихъ случаяхъ сокращенія формъ како, тако, яко, гораздо, но съ другой стороны нельзѧ быть увѣреннымъ въ томъ, что въ этихъ нарѣ-чияхъ не уцѣльли въ другихъ случаяхъ именительные един. муж. рода. Вовсе не непремѣнно нарѣчіе въ Mr. «негаразд ти робиш» есть сокращеніе изъ гораздо; такъ въ слѣдующемъ «на себя что купить, то прото-риться, а ты, удалъ молодецъ, и такъ (нагой, босой) живешь» (о Горѣ Злочастыи, Пам. и обр. 278) можетъ быть прямо отъ такого употребленія этого слова, какъ въ слѣдующемъ: «Володимеръ бѣ такъ (т. е. такой)

бяне любезнивъ: любовь имѣя къ митрополитомъ и къ епископомъ» (Лавр. л. 112). Допустивши, что въ нарѣчіи, какъ мало, тако, въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ заключаться не винительный, а именительный, мы не будемъ имѣть надобности вмѣстѣ съ Миклошичемъ полагать, что «нарѣчіе несогласимо съ глаголомъ существительнымъ» т. е. что всякий разъ, когда нарѣчіе стоитъ при есть и т. п. напр. въ Хорут. «*oј tihō bôdi ljihi ťoj*», въ такъ называемомъ существительномъ глаголы мы должны видѣть другой глаголъ напр. *verhalte dich ruhig* (V. Gr. IV, 159). Будеть ли есть, буди и пр. имѣть болѣе конкретное, или болѣе отвлеченное значение, по залогу оно остается неизмѣннымъ.

б) Какъ нарѣчіе, образуемое отъ согласуемыхъ словъ, вмѣстѣ съ падежемъ теряетъ и согласование, такъ въ нарѣчіи отъ дополнительныхъ существенная черта—потеря субстанціальности. Разница между такимъ нарѣчіемъ и дополненіемъ можетъ вовсе невыражаться вѣшнимъ образомъ и состоять лишь въ томъ, что въ одномъ случаѣ слово есть существительное или употреблено существительно, а въ другомъ уже чувствуется не какъ другой предметъ, а какъ признакъ признака. «За утра» можетъ быть, смотря по пониманію говорящаго, дополненіемъ—существительнымъ или обстоятельствомъ—нарѣчіемъ, и только завтра, въ коемъ видимо разорвана связь съ склоненіемъ «утро», «утра».. принимается не иначе, какъ за нарѣчіе (см. Mikl. V. Gr. IV, 151—2). Было бы ошибочно думать, что нарѣчія, управляющія падежами, напр. «ходить край воды», противорѣчатъ вышеприведенному опредѣленію нарѣчія, какъ слова, неимѣющаго опредѣленной связи съ объектомъ. Въ такихъ случаяхъ падежъ объекта (воды) есть дополненіе не одного слова край, какъ было бы, если бы это слово было существительнымъ, а дополненіе сочетанія глагола съ нарѣчіемъ «ходить край».

Позднѣйшія, этимологически ясныя и при томъ безпредложныя нарѣчія служатъ основаніемъ для заключенія о болѣе древнихъ. Послѣднія тоже могутъ предпо-

лагать дополненія и заключать въ себѣ падежныя окончанія, хотя не всегда тѣ же самыя, какія сохранились въ именныхъ и мѣстоименныхъ склоненіяхъ позднѣйшаго языка. Большинство этихъ древнѣйшихъ нарѣчій—мѣстоименны. Хотя возможно, что уже въ ихъ образованій участвовали существительныя отъ качественныхъ корней, но мнѣнія, подобныя Боппову, что дѣ въ Санскритскомъ кадѣ (=Славян. гда въ когда, которое дважды заключаетъ въ себѣ мѣстоименное ка) образовалось изъ творительного дивѣ (днемъ), остаются догадками.

12. Предлогъ—связка объекта. Когда дополненіе, имѣющее свое дополненіе, теряетъ значеніе объекта и переходитъ въ нарѣчіе (нар., копиѳ преломити конецъ поля Половецъ(ъ)каго, Сл. о Пол. Иг. Буслаева Гр. § 249, пр. 4), то тѣмъ самымъ оно становится связкою, соединяющею свое прежнее дополненіе съ дополняемымъ. Наиболѣе употребительное и, какъ кажется, наиболѣе древнѣе дополненіе существительного есть родительный. Этимъ объясняется, почему у насъ рѣшительное большинство, а въ иѣкоторыхъ языкахъ, какъ Греческій, всѣ нарѣчія, допускающія сочетанія съ падежемъ, сочтаются именно съ родительнымъ. Понятно, что нарѣчіе въ извѣстныхъ случаяхъ, являющеся связкой (ходить около чѣго), въ другихъ случаяхъ можетъ обходиться безъ слѣдующаго за нимъ падежа (Буслаева Гр. § 249), подобно тому, какъ глаголъ, бывающій предикативной связкой, можетъ быть и самостоятельнымъ сказуемымъ. Въ обоихъ случаяхъ языкъ можетъ стремиться къ соображенію такихъ связокъ, которые бы не имѣли никакихъ другихъ функций. На нашихъ глазахъ иѣкоторая нарѣчія теряютъ способность употребляться безъ слѣдующаго за ними падежа напр. межъ, между. Это всегда служитъ признакомъ совершившагося въ нихъ внутренняго измѣненія, именно потери вещественнаго значенія, того, что они стали чистыми связками объекта, предлогами. Перенося въ древность стремленіе языка, замѣчаемое въ относительно близкія къ намъ времена, мы

должны думать, что и древнѣйшіе предлоги, известные намъ только въ формальномъ значеніи объективныхъ связокъ, произошли не иначе, какъ отъ древнѣйшихъ же, то есть мѣстоименныхъ нарѣчій. Въ некоторыхъ изъ такихъ предлоговъ еще довольно явственны падежные окончанія, напр. въ отъ=Санскритскому нарѣчію атас, оттуда, коего суффиксъ имѣеть значеніе суффикса *ablativ*, какъ и въ Санскр. сварга—тас, Латинск. *coeli-tus*, съ неба (Ворп V. Gr. § 421, 1001). Въ пути отъ зваменательности нарѣчія къ формальности предлога не бываетъ скачковъ и перерывовъ. Высшая степень формальности предлога въ нашемъ языкѣ обнаруживается въ томъ, что онъ перестаетъ чувствоватьться, какъ отдѣльное слово, и становится префиксомъ (рѣже суффиксомъ) падежа и префиксомъ глагола. Но сначала и ставясь передъ глаголомъ нарѣчіе—предлогъ разматривается какъ самостоятельное слово и можетъ отдѣляться отъ глагола другими словами. Такъ было въ Гомеровскомъ языке (Curtius, Erläuterungen zu meiner Gr. Gram. 2, 176), такъ до сихъ порь въ Литовскомъ, въ коемъ возвратное *si* (—ся) можетъ помѣщаться между предлогомъ и глаголомъ. Сначала пере и об (объ, оби) въ переходить, обходить, по своей грамматической функции, совершенно сходны съ ходить черезъ, ходить около.

13. Прибавивъ ко всему этому звателный падежъ, означающій лицо, къ коему обращена рѣчь, стоящій виѣ предложенія, этимъ закончимъ обзоръ формъ, составляющихъ простое предложеніе.

Первоначально простыя предложения слѣдуютъ другъ за другомъ такъ, что формальные отношенія между ними вовсе не сознаются и не обозначаются. Ряды ихъ подобны рисунку безъ перспективы. Связь между ними устанавливается посредствомъ мѣстоименій относительныхъ и союзовъ, разсмотрѣніе коихъ относится къ учению о сложномъ предложеніи.